

НАШ ЭТУШ

Народный артист СССР

Владимир Этуш

в воспоминаниях друзей, коллег,
учеников, родных и близких

Э НАШ ТУШ

Народный артист СССР
Владимир Этуш
в воспоминаниях друзей, коллег,
учеников, родных и близких

Издание Государственного академического театра имени Евг. Вахтангова

Э НАШ ТУШ

Народный артист СССР
Владимир Этуш
в воспоминаниях друзей, коллег,
учеников, родных и близких

Москва
«Театралис»
2020

УДК [722.2+791.22].07(47+57)(093.3)
ББК 85.334.3(2)6ю14+85.373(2)6ю14
Э93

Автор идеи и составитель

Елена Этуш

Литературная запись
и обработка текста

Ольга Белан

Наш Этуш. Народный артист СССР Владимир Этуш в воспоминаниях друзей, коллег, учеников, родных и близких. М.: Театралис, 2020. — 208 с., илл.

Выдающийся актер театра и кино, исполнитель всеми любимых ролей, фронтовик и герой Великой Отечественной войны, на протяжении многих лет занимавший должность ректора Высшего театрального училища (ныне — Театральный институт) имени Бориса Щукина, хранитель и продолжатель вахтанговских традиций — всё это народный артист СССР Владимир Абрамович Этуш.

Книга включает в себя воспоминания не только известных актеров, режиссеров, деятелей театра, коллег и партнеров Владимира Абрамовича по сцене, но и людей, знавших его в тесном дружеском и домашнем кругу.

Такие разнообразные по содержанию и стилю эссе по-новому раскрывают читателю личность любимого актера.

ISBN 978-5-902492-53-5

© Этуш Е.Е., идея, составление, 2020

© Белан О.К., литературная запись текстов, 2020

© Осенева А.Б., оформление, 2020

© Государственный академический
театр им. Евг. Вахтангова, 2020

© Издательство «Театралис», 2020

Наверное, нет в нашей стране человека, который бы не знал Владимира Этуша. Для большинства первая встреча происходила в раннем детстве, когда он посредством экранов телевизоров входил в наши дома в образе Карабаса-Барабаса или короля из «Старой, старой сказки». Потом мы знакомились с его Сааховым, Шпаком, Брунсом, Мальчиримом, другими замечательными персонажами. Благодаря кинематографу Этуша любили и продолжают любить миллионы наших соотечественников, разбросанных по всему миру.

Гораздо меньшему числу зрителей посчастливилось видеть его на сцене Вахтанговского театра, которому Владимир Абрамович преданно служил всю жизнь.

Ещё меньше людей знали Этуша-фронтовика, героя Великой Отечественной.

И, конечно, уже почти не осталось тех, кто помнит его юным.

Работа над этой книгой началась вскоре, буквально через пару месяцев, после ухода Владимира Абрамовича из жизни. Нам показалось очень важным по горячим следам памяти зафиксировать на бумаге тот образ, который оставил он в каждом из нас. Под единой обложкой собраны эссе, написанные людьми разных возрастов и профессий, зачастую незнакомыми друг с другом. Но всем им довелось общаться, работать, отдыхать, а кому-то и дружить с Владимиром Абрамовичем в разные периоды его жизни.

Это «собрание пёстрых глав» не ставит своей задачей восстановить всю большую биографию Артиста и Человека. Оставим это театроведам и историкам. На страницах предлагаемой книги мы попытались рассказать, кем был Владимир Абрамович для нас.

Наш друг. Наш партнёр. Наш учитель.

Наш сосед. Наш родственник.

Наш ЭТУШ.

Содержание

Елена Этуш	
Тебе, любимый!	8
Римас Туминас	
Он всегда был победителем!	14
Кирилл Крок	
Парус над сценой	15
Александр Бастрыкин	
Офицерские погоны	26
Александр Калягин	
Его жизнь — захватывающий роман	30
Мирей Матье	
Букет белых роз	32
Михаил Филаатов	
Такого в жизни не бывает	33
Владимир Иванов	
Он всегда мечтал о короле Лире, а играл Карабаса-Барабаса	46
Александр Шилов	
Портрет художника	54
Евгений Князев	
Дух вахтанговской школы	57
Мария Аронова	
«А я вас не боюсь!»	61
Павел Любимцев	
Завещание моего Учителя	68
Ольга Тумайкина	
Как за каменной стеной	75
Сергей Батаев	
Наши «бои» под Тверью	82
Ольга Субботина	
За кулисами «Гамлета»	86
Людмила Чурсина	
Мы сразу прозвали его «Орлом»	90
Ирина Купченко	
Поживите с моё	93
Татьяна Агаева	
Голос Этуша	94
Галина Бажанова	
В одних колготках	96

Александр Олешко	
Стипендия имени ректора.....	99
Елена Ульянова	
Через дорогу, в Доме актёра.....	102
Сергей Трофименко	
В одном доме	106
Валерий Яков	
Нежный воин	110
Муса Бажаев	
Брат передал мне эту дружбу по наследству.....	118
Ольга Калявина	
Нужны ли нам борода и усы?	142
Анна Дубровская	
Как я руководила своим профессором	146
Юлия Павликова, Ольга Белова	
И тогда мы позвали Гольдинера	150
Абрам Сыркин	
Образцово-показательный пациент.....	154
Алексей Битов	
Существительное из пяти букв. Начинается на «Т».....	155
Вера Новикова	
Менуэт на сцене.....	168
Юлия Рутберг	
Он никогда ничего и никого не боялся.....	172
Исмагил Шангареев	
Рыбалка у берегов Персидского залива	176
Елена Глубоковская	
То, о чём Владимир Абрамович не рассказывал... ..	184
Александр Китаев	
Сайт etush.ru всегда в строю.....	186
Ирина Чурбанова	
«Луся, будь хорошей!»	189
Екатерина Поминова	
Любимый «Нонно Ува»	193
Ольга Кеслер	
Молодожёнам в день свадьбы.....	196
Рубен Евгеньевич Симонов	
«Я помню Вову Этуша кудрявым и худым...».....	198
Галина Коновалова	
Письмо из прошлого.....	202
Ольга Белан	
Послесловие	206

Тебе, любимый...

Елена Этуш

вдова Владимира Этуша

Когда не стало Владимира Абрамовича и я с головой погрузилась в своё горе, многие друзья мои, как реальные, так и виртуальные, стали наперебой мне советовать: «Напиши книгу. Ты отвлечёшься от траурных мыслей, и тебе будет немного легче». Я поначалу категорически отказывалась: все мемуары подобного рода, на мой взгляд, не о человеке, о котором пишут, а о себе. Но со временем, когда я снова и снова возвращалась к этой мысли, пришло понимание: это должна быть книга воспоминаний, но не моих, а тех людей, которые окружали Владимира Абрамовича всю его долгую и богатую событиями жизнь. Я представляла себе, как приду к нему на могилу, положу эту книгу и скажу: «Это тебе, любимый!»

В конце ноября 2018 года я впервые в своей жизни увидела своего мужа слабым. Даже не слабым, а уставшим. Было понятно, что причина этого — болезнь, и я немедленно позвонила Абраму Львовичу Сыркину. Гениальный кардиолог, наш добрый ангел, можно сказать, семейный доктор, он столько лет аккуратно и профессионально наблюдал за здоровьем Владимира Абрамовича, хранил и оберегал его сердце. Никогда за всю жизнь я не слышала от мужа жалоб, сетований на плохое самочувствие, тем более стонов и слёз, он был очень мужественным человеком, настоящим воином, только долгая совместная жизнь научила меня видеть малейшие изменения его самочувствия, его здоровья, его настроения. Дорогой мой, родной человек! За годы нашей жизни я постаралась стать его тенью, его памятью, его руками и глазами...

Я родилась в Голицыне, но вскоре мы переехали в Апрелевку, и именно её я считаю своим родным городом. Мама рано умерла, меня воспитывала бабушка, мать моего отца. Она была очень строгой, характер — кремень, и мой характер, моя судьба были сформированы ею. И я этому очень рада. Любовь к порядку у меня, конечно, тоже от неё.

Когда мне было 25 лет, бабушка умерла и я осталась одна.

Я тогда училась на вечернем отделении, работала сначала на заводе, потом в школе. Монтажник радиоаппаратуры и приборов, так называлась моя специальность, я попала в прекрасную бригаду, и с благодарностью вспоминаю свою

рабочую жизнь. Отвлекаться на развлечения, увлечения и всё прочее у меня не было ни секунды: днём работала, два раза в неделю ездила в Москву на вечерние занятия в институт.

Мои первые ученики в школе были не намного меня моложе. Я отработала учителем английского языка 16 лет. Мне нравилась моя профессия, но в начале 90-х годов началось такое сложное время, оно коснулось и школы, и я стала заниматься репетиторством. Примерно тогда же и начался мой роман с Театром Вахтангова.

Впервые я попала туда 8 ноября 1988 года. Спектакль назывался «Будьте здоровы». В тот день могла и не попасть на Этуша, потому что он играл свою роль в очередь с Вячеславом Шалевичем. Но играл Этуш. Я сидела в первом ряду на 5-м месте. Именно с этого дня, с этого замечательного спектакля, я полюбила Театр Вахтангова.

Я пересмотрела почти весь репертуар, у меня были любимые спектакли. Касирша, которая уже меня знала, долго советовала мне посмотреть спектакль «Закат». В этом спектакле я впервые увидела Владимира Абрамовича не в комедийной, а в драматической роли, и он просто сразил меня наповал своим огромным актёрским диапазоном! Я начала ходить на все его спектакли, дарила цветы, и однажды дождалась его у служебного входа. Он сказал: «Меня такое ваше внимание настораживает». Я ответила: «Я самостоятельный человек, имею профессию, ни на сцену, ни в театральное училище не собираюсь поступать». И напряженность сразу пропала, мы начали общаться. Я по-прежнему ходила на спектакли, носила цветы. Интернета тогда не было, но я что-то находила, читала информацию

о нём. Узнала, что он воевал. Это ещё больше возвысило его в моих глазах, я понимала, что он не только актёр замечательный, но и цельный, сильный человек.

А потом умерла его жена...

Дальше... А дальше не было никаких романтических объяснений, было как в фильме «Покровские ворота»: «Оставайтесь, Савва Игнатьевич!»

Мы прожили год, присматриваясь друг к другу. Через год стало понятно, что нам хорошо вместе, что наши чувства взаимны: мы мечтали жить долго и счастливо. В браке люди должны смотреть не друг на друга, а в одну сторону. Мне с первых дней было интересно всё, что происходит в его жизни, я хотела жить его интересами. Всё то, чем он жил, мне было близко.

Владимир Абрамович всегда был настоящим мужчиной, о котором любая женщина может только мечтать! Он — это каменная стена, за которой ты живёшь. Очень надёжный, всегда принимал решения сам, отвечал за семью. Несмотря на свой решительный характер, я ему полностью подчинилась. К концу его жизни, когда он немного ослабел, мне пришлось взять функцию главы семьи на себя, защищать его, помогать. Кстати, именно он научил меня водить машину. Потом ему очень нравилось, когда я вела автомобиль. «Как ты хорошо водишь!» — говорил он мне. Сейчас, когда я еду в машине одна, мне так этого не хватает!

Что такое любовь? Не знаю, не могу дать определение. Я уверена в одном: только на одних романтических отношениях не построишь семью, с этого она может начаться, но строить семью на этом невозможно. С годами любовь трансформируется в нечто иное, люди должны быть нужны друг другу, чувствовать опору друг в друге, доверять. Супруги становятся единым целым и друг без друга жизни не представляют. Тот памятник, который все сейчас видят на Новодевичьем кладбище, был спроектирован самим Владимиром Абрамовичем. Спроектирован с тем расчетом, что когда нас обоих не станет, мы снова будем вместе. Уже навсегда.

Мне так смешно, когда сейчас мне говорят: ты, мол, молодая женщина, у тебя всё впереди, ты ещё выйдешь замуж. Да как это возможно?! Я никогда не смогу жить с другим человеком. Мы были единым целым так много лет, что и сейчас, когда Владимира Абрамовича нет со мной, я по-прежнему ощущаю себя его частью. И боль потери никогда не пройдет! Человек, потерявший свою половинку, живёт, как больной хронической болезнью: это когда внутри всё время ноет и иногда случаются обострения. И ты просто учишься с этой болью дальше жить!

Его куртку, которая висит в прихожей, я убираю каждый раз, когда приходят друзья: не дай Бог, она впитает чужой запах. Для меня все запахи чужие. Кроме его. Я с самого начала наших отношений знала, что это будет моя единственная любовь, единственный брак, что я больше ни с кем не смогу жить. У меня не может быть другой семьи!

Он всегда мне говорил: «Мумочка (он так меня называл), ты самое лучшее, что случилось со мной в жизни!» То же самое говорила ему я. И продолжаю говорить сейчас.

Я постоянно мечтаю: вот если бы можно было, чтобы его отпускали ОТТУДА ко мне хотя бы на пять минут в день. Да хоть на одну минуточку! Чтобы я могла обнять и поцеловать его. Хоть словечко ему сказать! Не было бы счастливее меня человека на свете!

И постоянно его прошу: «Не оставляй меня! Ну пожалуйста!»

Он всегда был победителем!

Римас Туминас

художественный руководитель
Театра имени Евгения Вахтангова

Владимир Абрамович шутил, что он ровесник театра. Волевой, красивый человек. Гордый профиль, прямая спина, строгий орлиный взор и... лукавая обаятельная улыбка.

Его оптимизм, влюбленность в жизнь, энергия, казалось, никогда не угаснут. Корифей Вахтанговского театра, он был одним из ведущих артистов «Пристаней», поставленной к 90-летию нашего театра.

Мы проводили время на репетициях очень весело. Шутили. Мудрец, наделённый острым чувством юмора и иронией, мастер импровизации. Наверное, в его природе заложена шутка — острая, порою ядовитая, но очень точная. С ним было приятно, но я его побаивался, особенно его взгляда, строгости...

И вот он ушёл... Ушёл настоящий воин сцены...

Закрыв за собой дверь зрительного зала, и мы никогда больше не увидим «Пристань» и не увидим «Бенефис» — его спектакль, когда он смело надел женское платье, похулиганил.

Мы будем помнить его как сложного человека, талантливого, но сложного. Довольно жёсткого. Не терпящего никакого амикошонства.

Этуш мог постоять и защитить себя, других и, конечно, театр от хамства, невежества, от всех человеческих слабых инстинктов. Он всегда выходил со сцены Победителем. Воин-Победитель, он был Победителем в искусстве и в жизни.

Парус над сценой

Кирилл Крок

директор Театра имени Евгения Вахтангова

Я пришёл работать в Театр Вахтангова в драматичный для него момент. Недавно назначенный художественный руководитель Римас Туминас пытался наладить отношения с дирекцией театра, а они никак не складывались, взаимопонимания не было. Туминас ставил в это время «Дядю Ваню», напряжение было огромное, отвлекаться на хозяйственные дела ему было некогда, а вопросы решать надо. Конфликт нарастал, росло и напряжение в театре. Мы с Римасом были шапочно знакомы, но даже телефонами не обменялись. Я работал в театре «Модерн» и параллельно занимал должность директора учебного театра Школы-студии МХАТ.

Сначала Римас попросил консультацию по поводу зарплаты артистов. Мы встретились, хорошо и долго говорили. Потом возникла необходимость в консультации по другому хозяйственному вопросу. Тут Римас и сказал мне, что у него нет взаимопонимания с дирекцией и он не знает, что делать... Так я получил предложение стать директором Театра Вахтангова.

Одним из первых артистов, который пришел в мой новый кабинет познакомиться и поздравить меня, был Владимир Абрамович Этуш. Конечно, я знал этого актёра, конечно, я видел все фильмы с его участием, но тут он, живой классик, сам заходит и протягивает мне для приветствия руку: «Здравствуйте, меня зовут Владимир Абрамович Этуш». Я вскочил ему навстречу: «Владимир Абрамович, я вас знаю, люблю ваши роли!» Но Этуш мягко остановил меня: «Всё равно, так положено знакомиться». И сказал, что он рад приходу нового человека и надеется, что вся эта возня с прежней дирекцией закончилась. И мы ещё

немного поговорили о театре, он рассказал о том, как ему хочется играть, как он ждёт новые роли.

Артисты — народ ненасытный, им всегда кажется, что играют они мало и не полностью реализуют свой талант на сцене. Но для Владимира Абрамовича это было особенно болезненно: режиссёры все-таки больше эксплуатировали его блестящий талант комического актёра, а драматические и трагические роли, которых был, безусловно, достоин этот гениальный актёр, доставались ему редко. Кстати, следующей, кто забежал в мой кабинет познакомиться, была Галина Львовна Коновалова, легендарная актриса Вахтанговского театра. Острая на язык, ироничная, всегда готовая к шутке, она в таком же шутовском тоне посетовала, что мечтает получить хорошую роль, а «достаются всё роли Юлькиных подружек» (имелась в виду Юлия Константиновна Борисова, народная артистка СССР).

Я с детства любил театр, занимался в театральной студии, начинал монтировщиком в театре, работал заведующим хозяйственной частью, знаю театр до последнего гвоздика. Но Вахтанговский театр — особый, со столетней историей, которая знала невероятные триумфы и затишья. Но ни разу театр не запятнал своей репутации, на протяжении всех ста лет оставался любимым театром москвичей. Эта огромная внутренняя сила — в сильнейшем актёрском коллективе, которым всегда славился театр. Подумать только, все знаменитые вахтанговцы проработали в одном театре всю жизнь, а это имена, которые составляют гордость русской культуры. Поэтому Римас с первых дней работы в театре задумал поставить спектакль, в котором мог бы занять всех корифеев, и не просто занять, а дать им такие роли, в которых они могли бы раскрыться и прославиться в другой, новой ипостаси. Найти пьесу с таким количеством главных возрастных ролей было делом немыслимым, и режиссёр придумал замечательный ход: выбрать вместе с актёрами роли из разных пьес и объединить их в один спектакль. То есть он хотел не просто дать роль, но чтобы актёр сам выбрал то, что давно мечтал сыграть.

И начался период обсуждения актёрских желаний. Римас сразу задумал занять Владимира Абрамовича в драматическом спектакле, чтобы его отрывок открыл зрителю другого Этуша — глубочайшего драматического актёра. Долго мы подбирали ему роль, пока не остановились на Грегори Соломоне из пьесы «Цена» Артура Миллера. Это было стопроцентное попадание, блестящая работа режиссёра Иванова* и актёра Этуша.

Актёры репетировали свои отрывки, а между собой говорили о том, что не понимают, как эти разные кусочки можно соединить в один спектакль. Приближалась премьера, приуроченная к 90-летию театра, а общих прогонов не было, не было общей концепции спектакля. Все были в нетерпеливом ожидании, все были готовы исполнить любую волю режиссёра-постановщика. И Римас придумал гениальный ход — этот парус над сценой в конце спектакля, когда он падает — и за ним

* Вместе с Римасом Туминасом, который был автором идеи и постановщиком спектакля, над «Пристанью» работала режиссёрская группа, в неё входил и Владимир Иванов.

стоят все участники спектакля, вся труппа. Римас выбрал свою дорогу, свою «Пристань» он сплёл из отдельных отрывков в удивительное единое целое. Получилось действо воистину волшебное, люди плакали в конце спектакля и не пытались скрыть слёз!

Грегори Соломон, безусловно, одна из лучших ролей Владимира Этуша, и он любил своего героя. Несмотря на уже тогда солидный возраст блестяще знал текст, а текст там ох какой немаленький. Изначально отрывок из «Цены» открывал второе действие спектакля, а позже стал завершать первое, и аплодисменты длились так долго, как будто зрители не хотели идти на антракт.

«Пристиань»

С Александром Рыценовым

После «Пристани» мы все, кто работает в театре, проснулись другими. Спектакль вернул театру прежнюю славу, о театре снова заговорили, лишние билеты спрашивали ещё у метро «Арбатская».

«Пристань» стала легендой сразу после премьеры. Мы играли его по четыре раза в месяц при полнейших аншлагах. А в зале 1055 мест! Звёздную роль получила наконец и Галина Львовна Коновалова — в 90 с лишним лет она прославилась на весь театральный мир.

Казалось бы, после роли Грегори Соломона актёру в возрасте 89 лет, любимцу публики, увенчанному всеми мыслимыми театральными наградами, можно было бы успокоиться и почивать на лаврах спокойно и достойно. Но это не про Владимира Абрамовича! Он хотел играть, он жаждал премьер, новых ролей и спектаклей.

Приближалось 90-летие актёра, он не хотел никаких банкетов и торжественных вечеров, только новый спектакль! Владимир Абрамович предложил художественному руководителю театра пьесу А. Н. Афиногенова «Машенька». Старая, кондовая советская пьеса, но Владимир Абрамович почувствовал в ней близкое ему настроение, прочитал терзающие его душу мысли. По сюжету к старому профессору Окаёмову приезжает из Сибири 16-летняя внучка Маша, которую дед никогда не видел, потому что был в ссоре с сыном и его семьёй. В жизни актёра случилась похожая ситуация: его дочь уехала в Америку. Но душа за дочку и внука у него болела.

Надо признать, что если бы он не женился на Лене, которая заботилась о нём и поддерживала во всём, он не смог бы продолжить такую долгую творческую жизнь. Да и просто жизнь.

В общем, пьесу решили немного переделать, сократить, дать спектаклю другое название — «Окаёмовы дни», и начали работать. Для постановки был приглашен режиссёр Родион Овчинников.

Перед генеральным прогоном спектакль посмотрел Римас Туминас. Многие сцены показались ему скучными и затянутыми, спектакль в таком виде нельзя было выпустить в жизнь. А до премьеры оставалась неделя! Римас за несколько дней перелопатил весь спектакль, сократил некоторые сцены и даже убрал одну сюжетную линию, вдохнул в старую «Машеньку» новую жизнь. Спектакль засверкал яркими красками.

Во время репетиций Владимир Абрамович нервничал, искал рисунок роли, предлагал свои варианты. Актёром был невероятно дисциплинированным, мог устроить разгон молодым коллегам, если они приходили на репетицию, не выучив текста. У меня в кабинете плакала одна молодая актриса: Этуш на неё, видите ли, накричал. Что касалось профессии, Этуш был совершенно нетерпим к прохладному к ней отношению, он и студентов гонял за невыученные уроки, когда был ректором Щукинского училища. Студенты его боялись.

Но в процессе репетиции он сам становился учеником. Слушал внимательно режиссёра. Спрашивал, помню, когда разбирали первый выход профессора Окаёмова на сцену: «Какая у меня здесь задача? Что я должен делать?» Римас, зная, как любимого актёра приветствуют зрители и долго аплодируют ему, ответил: «Нет у вас никакой задачи. Медленно выходите из-за кулис, останавливаетесь

«Окаёмовы дни». Репетиции. С Родионом Овчинниковым, Римасом Туминасом

«Окаёмовы дни». Репетиции

С Дарьей Урсуляк

«Окаёмовы дни». С Анной Дубровской

С Кириллом Рубцовым

«Бенефис». С Ольгой Тумайкиной и Сергеем Пинециным

и долго-долго вглядывается в зрительный зал. Только потом садитесь в кресло». Этуш чётко следовал указаниям режиссёра. Выходил на сцену, смотрел в зал... Что творилось со зрителями — невозможно передать! Стены звенели от восхищённых аплодисментов.

Но самым трудным для нас и Владимира Абрамовича стал спектакль «Бенефис» по пьесе Надежды Птушкиной «Пока она умирала» (знакомой зрителям по замечательному фильму Олега Янковского и Михаила Аграновича «Приходи на меня посмотреть»). Сама писательница признавалась как-то: она мечтает, чтобы роль главной героини Софьи Ивановны, дамы почтенного образа, сыграл мужчина. А Владимир Абрамович, в характере которого было много от азартного мальчишки, мечтал сыграть женскую роль. У него было огромное желание выпустить в театре ещё одну премьеру, да ещё с такой необычной ролью. Но возраст уже брал своё — шутка ли, ему было уже за 90! Но жажда работы, желание играть на сцене оставались, как у молодого.

Мы долго ломали головы, как нам переделать пьесу так, чтобы не просто переодеть актёра в женщину, это неинтересно, а чтобы это смотрелось логичным и оправданным режиссёрским ходом. Ставить спектакль поручили режиссёру нашего театра Владимиру Владимировичу Иванову. Он долго думал, прикидывал разные варианты и наконец пришел к оригинальному выходу из положения: придумал фигуру старого пожарника в театре, которого наряжают в костюм героини и сажают в кресло, потому что актриса, играющая эту роль, не прилетела с гастролей вовремя. В таком случае были оправданы некоторые запинки в тексте, которые могли возникнуть.

Репетиции шли очень трудно. Но ведь это было так важно для Владимира Абрамовича! Не скрою, это было важно и для театра, ведь там, где Этуш — там аншлаги, там касса!

Спектакль мы выпустили. Успех был огромный. Каждый раз перед спектаклем, когда Этуш уже сидел в кресле в костюме пожарника, а до третьего звонка оставались буквально секунды, я приходил к нему и целовал его в щёку. Такой у нас был ритуал.

А потом разгорелся скандал с автором пьесы Птушкиной. Она подала в суд: якобы нарушены её авторские права! Это после того, как она получила все авторские гонорары. Суды мы выиграли. Помню, Владимир Абрамович очень удивлялся и спрашивал меня: «А что она хочет? Я не понимаю. Вы ей всё заплатили?» — строго спрашивал он. «Конечно, с лихвой!» — отвечал я. «Тогда я не понимаю...», — пожимал плечами Этуш. Обожаемый мной, доверчивый, чистый человек! Сколько раз мы вместе выпивали с ним игристого вина, которое он любил, у него дома и здесь в театре на наших театральных посиделках, сколько проговорили, как благодарен я ему за его уроки — относиться ко всему со спокойным достоинством, а к себе — в первую очередь к себе! — с иронией и критичным юмором. Сам он никогда не хвалился своими ролями в кино, за которые зрители готовы были носить его на руках, а товарища Саахова до сих пор цитирует вся страна. Этому товарища Саахова он должен был бы ненавидеть, потому что при виде артиста любой мог сказать: «Шляпу сними!» Например, наш замечательный артист Юрий Васильевич Яковлев никогда и ни с кем не обсуждал свою роль Ипполита в «Иронии судьбы», просто слышать не мог про этого героя. Этуш же относился к своей славе, к своим звёздным ролям со здоровой долей юмора и любил пошутить: его, еврея, все кавказцы считают своим родственником.

Как я сейчас жалею, что мало, преступно мало проводил с ним времени. Сколько раз Владимир Абрамович и его жена Лена приглашали меня в Италию, куда ездили отдыхать каждое лето и которую очень любили. Я обещал, всё думал — успею, успею ещё. Но так и не вырвался. А теперь так жалею об этом...

Мне не хватает его мудрости, его шуток, его чуткого и острого глаза, его неистребимого желания жить и быть полезным людям...

Офицерские погоны...

Александр Бастрыкин

Председатель Следственного комитета РФ

Офицерские погоны — символ доблести и чести,
Вы мальчишкой их надели и пошли в них на войну.
Вы от брони отказались, наступив на горло песне,
Вы пошли на фронт сражаться за Великую страну!

И три года воевали Вы в окопах и траншеях,
Вы в тылу не гужевались, как больной или блатной,
Вы в шинели и в пилотке, сапогах и портупее
Шли в пехотных батальонах, шли дорогой фронтовой!

А какая та дорога? Не в асфальте, не в брусчатке —
Шла она через страдания, через сраженья и бои,
Где мальчишки с школьной парты в пешем боевом порядке,
В окруженьях, в наступленьях клали головы свои!

Так и Вы, как поколение сорок первого призыва,
Под Ростовом воевали. И Кавказский наш хребет
Силой веры побеждали, даже падая с обрыва,
Но дошли до нужной цели, и не знали слова «нет»!

А потом пути Кавказа, исполнение приказа
«Не должно быть там фашиста!» Штыковые в Кабарде!
И в Осетии сраженья! В Малгобеке без отказа!
Выжил наш Володя Этуш! Выжил вновь, назло судьбе!

И за «Мати Украину» довелось ему сражаться,
Он не знал тогда различий в мове, танцах, языках,
Он лишь знал одно желанье: до победы бы добраться
И вернуться снова в счастье во Московии дворах...

Но судьба такая штука, всё решает, как захочет,
И решила по-другому, словно в путь всех торопя,
В бой послала офицера, зная, сам он фронт не бросит,
И Страна ему вручила орден «Красная Звезда»!

Но везение на фронте — вещь капризная такая!
Неожиданно изменит, стороною вдруг пройдёт...
Изменились вдруг все планы. Словно Этуша пытая,
Часть тяжёлого снаряда вдруг шинель его прошьёт...

Для него боев не стало, но покоя не настало:
Он вернулся в мир искусства, словно рыцарь, на коне!
И победой новой стала глубь Вахтанговского зала,
Достиженья в новой жизни, подвиг верности мечте!

Офицерские погоны — символ доблести и чести!
Это способ не зазнайства! Это образ как нам жить!
Жить, как Этуш! И как прежде, исключая чувство лести,
Жить на фронте и в Искусстве честно Родине служить!

День рожденья накануне дорогой нам всем Победы!
Это вовсе не везенье, но знамение судьбы,
И судьбу свою Вы сами создавали, как и деды,
И в её начале было: Вы солдат, пришли с войны!

С глубоким уважением, Александр Бастрыкин

По местам боевой славы

Его жизнь — как захватывающий роман...

Александр Калягин
народный артист РСФСР,
Председатель Союза
театральных деятелей России

Я счастлив, что выходит книга, посвящённая Владимиру Абрамовичу Этушу, и я благодарен за честь в ней участвовать.

Лет десять назад я пригласил Владимира Абрамовича на свою передачу «Отзвуки театра», которая выходит на «Радио России». Мы с ним говорили обо всём, и я был поражён, насколько этот человек, будучи уже в преклонном возрасте, современно мыслит, при том что его память хранит события огромной давности. Конечно, я попросил рассказать о его фронтовых воспоминаниях. Владимир Абрамович признался, что до сих пор помнит этот день, когда пошёл писать заявление в военкомат, хотя как студент Щукинского училища имел бронь. Он спокойно и очень увлекательно рассказывал о войне, о своей молодости, о театре и своих работах... И тогда я подумал, что о его жизни можно написать не один захватывающий роман, столь она ярка, интересна, содержательна.

Владимир Абрамович сыграл в кино и на сцене более ста ролей, проработал в Театре имени Вахтангова 74 года, но при этом категорически возражал, чтобы его называли легендой.

Хотя, конечно, для всех нас он и был легендой. Участник Великой Отечественной войны, легендарный артист и, конечно, совершенно легендарный педагог.

Он был истинным вахтанговцем, каждая его работа поражала своей яркостью, лёгкостью, я бы сказал, особой актёрской лихостью. Он был острым артистом. Когда появлялся на сцене Этуш, в зрительном зале поднималась температура. Всё, что он делал, было удивительно заразительно, он заряжал своей энергией, был неподражаемым в каждой секунде отведённого ему сценического времени. Меня удивляло, что свой темперамент он сохранил до конца своей жизни. И до конца жизни хотел играть, ждал новых ролей.

Конечно, кино ему принесло фантастическую популярность. В комедиях Гайдая он умел так сказать простую фразу, что она тут же становилась крылатой. Прошло столько лет, и уже новые поколения зрителей цитируют его реплики.

А какой он был педагог! Если мы начнем перечислять известных выпускников Щукинского училища, то выяснится, что через одного — это все его ученики, все, кто учился у него профессии. Причем артисты разных поколений, но все состоявшиеся и много сделавшие в отечественном театре и кино.

В Щукинском училище преподавали великие педагоги: Шихматов, Ремизова, Орочко, я учился на курсе Веры Константиновны Львовой. И как её студент должен был сделать отрывок из «Мёртвых душ», подготовить сцену Чичикова и Коробочки. С нами стал работать Владимир Абрамович. Его авторитет был очень высок, и было важно не опозориться. Но, увы, отрывок не получился. Ругали нас нещадно. «Калягин не ухватил, не сумел...» И так далее. Я очень переживал эту неудачу, травма от этого провала мучила меня долго, долго не заживала. Я до сих пор помню этот свой позор и до сих пор анализирую, почему тогда так всё произошло. Сейчас вроде смешно об этом вспоминать: я уже сыграл Чичикова в кино, сыграл других гоголевских персонажей, а про свой студенческий провал не забыл. И я сейчас уже понимаю, что работать с Владимиром Абрамовичем можно, только обладая хоть каким-то мастерством, которого у меня тогда не было. Я или подражал его острому рисунку, или пытался подробно рассказывать содержание, а соединить всё не получалось.

Вот так я прошел школу Этуша, и я уверен, что для моей актёрской судьбы это было очень важно.

В Театральном центре «На Страстном» проходит ежегодный Приём Председателя СТД, на который мы приглашаем своих коллег. Мы вместе празднуем масленицу, и в этот день я вручаю премию, свою личную премию выдающемуся деятелю театра, которого выбираю сам.

И такое это было счастье, когда в зале сидел мой Учитель — Владимир Абрамович Этуш, которому через столько лет я мог выразить хоть маленькую толику своей любви, восхищения и почтения.

В свою приветственную речь я вставил эту историю своего студенческого провала, а когда я её закончил, Владимир Абрамович вдруг произнес: «Можно, я вас поцелую?» Он простил своего нерадивого ученика, и моя неудача далёкого прошлого перестала меня наконец мучить.

Букет белых роз

Мирей Матье

великая французская певица

Эта книга дала мне ещё одну возможность выразить моё глубочайшее почтение великому русскому артисту Владимиру Этушу.

Мы познакомились в Австрии во время моего выступления в Вене. В финале концерта я увидела, как по сцене мне навстречу идут мужчина и женщина. Переводчик представил их: «Это великий русский актёр Владимир Этуш и его жена Елена». Я была так растрогана, что тут же обратилась к залу и представила русского актёра австрийской публике. И зал зааплодировал.

Русский народ богат талантами. Я часто бываю в России и вижу это. Но господин Этуш — это особый человек. Для меня он — священный идол театра и кино. Он не только великий артист, а патриот-воин, прошедший войну. Он участвовал в освобождении мира от нацизма. И за это ему величайшее почтение и низкий поклон.

Позже я посмотрела документальный фильм о Владимире Этуше. Там были отрывки из его спектаклей. Потрясающе, насколько многогранен его талант!!!

После тех гастролей в Вене мы много раз встречались, общались, и, с гордостью говорю, — дружили. Владимир и Елена часто посещали мои выступления и в финале всегда выходили на сцену с огромным букетом белых роз. Я радовалась каждой нашей встрече.

Однажды после концерта в Братиславе они пришли ко мне за кулисы. Мы присели за столик. Господин Этуш попросил меня спеть. Я с удовольствием исполнила «Подмосковные вечера» на русском языке. Владимир был очень растроган, благодарил меня. И мы подняли бокалы за нашу дружбу.

Я горжусь этой дружбой и испытываю огромную нежность к Владимиру и Елене. Елена — удивительно позитивный человек и очень красивая женщина. Она многое привнесла в жизнь господина Этуша. А господин Этуш всегда был молод душой. Он был полон радости, жизненных сил и дарил людям много счастья.

Такого в жизни не бывает

Михаил Филатов

друг семьи

Один мой приятель в отличие от меня, завязатого театрала, не любил и не понимал театра. Основным аргументом его недоверия было то, что «в жизни так не бывает». Не происходит внезапных роковых встреч, не случается удивительных совпадений, которые довольно часто возникают в пьесах и на сцене. Но иногда сценарий, написанный жизнью, бывает гораздо круче и неожиданнее самых смелых фантазий драматургов...

Моя история встречи, знакомства и, увы, непродолжительной, но потрясающе интересной дружбы с Владимиром Абрамовичем Этушем относится именно к ряду «такого в жизни не бывает».

С юности в течение многих лет я был и остаюсь поклонником творчества великой французской певицы Мирей Матье. Слушал её записи, бывал на концертах, но не мог даже предположить, что однажды мне судьба подарит уникальный шанс встретиться и поговорить с певицей. Это случилось в концертном зале «Олимпия» в Париже. Потом мы встретились ещё и ещё раз, и мне даже довелось поучаствовать в её встречах с французскими поклонниками в одном из уютных

парижских ресторанов. После этого Мирей запомнила меня, и так продолжается моё личное знакомство с этой уникальной женщиной. Но ещё более удивительно, что именно она оказалась в роли заочного посредника нашего знакомства с Владимиром Абрамовичем и его супругой Еленой. А дело было так.

Будучи неистовым «фаном» Мирей, я регулярно посещал различные интернетовские форумы, связанные с её творчеством. И вот в начале 2015 года на одном из них я увидел пост Елены Этуш: «Уважаемые поклонники Мирей Матье! В вашем полку прибыло. Мой муж, народный артист СССР Владимир Абрамович Этуш и я пополнили ваши ряды, поскольку после просмотра по телевидению её концерта в “Олимпии” были очарованы талантом, красотой, артистизмом и главное — неподражаемым, сильным, уникальным голосом».

Я не мог не откликнуться: чрезвычайно приятно и замечательно, что талант и творчество Мирей оценены таким выдающимся актёром, как Владимир Этуш.

Между мной и Еленой завязался диалог в виртуальном пространстве. Я вкратце рассказал свою «L’histoire d’amour» с Мирей, немного подробнее поведал о её творчестве, репертуаре, концертах и чувствовал, что моей собеседнице всё это интересно.

Однажды Лена написала, что сам Владимир Абрамович заинтересовался нашей историей и хотел бы побеседовать, познакомиться и приглашает в гости.

Мои чувства и ощущения в тот момент будут понятны тем читателям, кто принадлежит к моему поколению и вырос на гениальных комедиях Леонида Гайдая «Кавказская пленница», «Иван Васильевич меняет профессию», «Двенадцать стульев» или немного позже стал поклонником фантастического телефильма «31 июня» и великолепных «Приключений Буратино». Фильмы, которые буквально растащены на цитаты.

Невероятно было поверить в то, что вот так запросто я смогу встретиться с товарищем Сааховым, стоматологом Шпаком, инженером Брунсом и Карабасом-Барабасом в одном лице, и тем не менее...

Через несколько дней я уже сидел на уютной кухне в центре Москвы в компании хозяина дома Владимира Абрамовича и его супруги Елены, и мы беседовали так естественно, как будто знакомы очень давно. Речь шла о самых разных вещах: о спектаклях Театра Вахтангова, о фильмах, о жизни вообще, но больше всего, конечно, о той легендарной личности, которая нас чудесным образом соединила, о Мирей Матье.

Владимир Абрамович прекрасно знал о существовании Мирей Матье. Был на её концерте много лет назад, в 1987 году во время гастролей в Москве. Много позже, включив однажды в новогодние каникулы телевизор, он увидел юбилейный концерт Мирей, записанный в зале «Олимпия» в 2005 году. И... пропал! Владимир Абрамович слушал её песни затаив дыхание, буквально перешагнул границы телевизионной картинки и оказался там, в парижском зале. Не зная языка, он понимал, о чём и как она поёт, проживал с ней каждую песню, каждую интонацию, каждую ноту. «Ни разу за многие годы нашей совместной жизни, — поведала Лена, — я не видела, чтобы мой муж *так* слушал певца или певицу».

По окончании концерта Владимир Абрамович сказал: «Я просто потрясен, это феноменально, это удивительно».

Он попросил Лену найти в Интернете всё, что связано с творчеством и современной жизнью Мирей Матье. Лена сообщила ему, что в самом ближайшем будущем запланированы концерты Мирей в Германии и Австрии. «Едем, — решительно сказал Владимир Абрамович. — Посмотри в моём графике, когда свободные дни в театре совпадут с датами концертов, и бронируем билеты на самолет!»

И вот ещё один поворот в моей жизни. Я уже до этого запланировал поездку на концерт Мирей в Вену, а теперь ещё узнал, что и Этуши собираются именно туда.

Стать живым свидетелем встречи двух титанов искусства — театрального и вокального — об этом даже и мечтать невозможно. Спустя пару дней выяснилось, что Этуши смогли купить билеты только на балкон в венском концертном зале, поскольку все лучшие места, конечно, уже давно были распроданы. Это расстроило Владимира Абрамовича, и Лена спросила меня: нельзя ли каким-то образом связаться с представителями Мирей и попросить их содействия в приобретении более удобных мест? Я был уже знаком с концертным директором Мирей и написал ему письмо, передав просьбу артиста.

Через некоторое время получаю ответ: Мирей будет очень рада видеть на своем концерте столь уважаемого человека и знаменитого артиста, и конечно же они приглашают его с супругой на самые удобные места в партере.

И вот наступило 8 марта 2015 года. Красавица Вена, великолепный Grosser Saal — Большой концертный зал, стены которого за столетие его существования

помнят выступления величайших музыкантов и певцов мира. Идёт концерт Мирей Матье. После исполнения ею знаменитых русских «Очей чёрных» к сцене подходит элегантный пожилой господин с огромным букетом белых роз. Было видно, как певица растрогана. Она обращается к залу на немецком языке: «Я очень тронута тем, что могу приветствовать на своём концерте в качестве почётного гостя знаменитого русского актёра Владимира Этуша». Австрийская публика взорвалась аплодисментами...

Сама встреча двух знаменитых представителей России и Франции состоялась вскоре в гримерке певицы. Это было трогательное, удивительное и великое событие, я оказался не только свидетелем, но и в какой-то мере участвовал в подготовке этой встречи. Что ж, жизнь прожита не зря!

Кстати, с этим прекрасным букетом роз связана забавная история, о которой Владимир Абрамович часто вспоминал.

После первого звонка мы направились в зал, Владимир Абрамович — с огромным шикарным букетом цветов. Вдруг к нашей компании подошли работники зала и начали что-то убедительно объяснять на немецком языке, показывая на букет. Языка мы не знали, но было понятно главное: они имеют твёрдое намерение отобрать у нас букет. После непродолжительного диалога, во время которого терпящий терпение Владимир Абрамович вынужден был даже стукнуть ладонью по перилам лестницы и воскликнуть: «Где тут начальник?!», — перевес оказался на стороне хозяев. Общими усилиями других зрителей нам объяснили, что по соображениям безопасности нас не могут пропустить в зал с таким «объёмным»

букетом и выдадут нам его потом, после концерта. Пришлось подчиниться, настроение было подпорчено — ведь Владимир Абрамович уже подготовил мизансцену, когда и как он вручит букет певице.

Начался концерт. Мирей Матье поёт великолепно, мы в полном восторге, и лишь в душе не исчезла горчинка — ну как же не подарить цветы именно здесь, на глазах всей публики? И вдруг мы с удивлением замечаем в проходе между креслами человека, пригнувшегося почти к самому полу... с нашим букетом в руках. Он быстро «подполз» к нам, передал букет и так же шустро ретировался, не сказав ни слова. Букет вернулся вовремя и вскоре, как и задумано, был торжественно вручен Мирей.

Подоплеку этой забавной истории позже рассказал нам директор Мирей Марк Руйон. Оказывается, когда наш «конфискованный» букет попал за кулисы и его увидели в окружении певицы, естественно, они спросили: «А от кого такие шикарные розы?» Работники зала ответили, что временно взяли его у какого-то русского. «Как! — вскричал Марк. — Вы отняли этот букет у известного русского артиста, который приглашён на концерт самой Мирей, она хотела представить его залу как своего почётного гостя в тот момент, когда он будет вручать ей цветы. Немедленно верните букет!».

Венская встреча положила начало не только самой сердечной человеческой дружбе Владимира Этуша и Мирей Матье, её сестры Моник и их мамы, но и прекрасной традиции посещения концертов певицы. Мама Мирей Матье, Марсель, была ровесницей Владимира Абрамовича, неизменно сопровождала Мирей в её поездках по миру и с удовольствием общалась с Владимиром Абрамовичем вплоть до последних дней своей жизни.

Встречи Мирей и Владимира Абрамовича происходили на сольных концертах в Москве, Санкт-Петербурге, Братиславе, Вене, а также во время репетиций фестиваля военных оркестров «Спасская башня», в котором Мирей неизменно участвует в качестве почетного гостя-талисмана. Долго не стихали овации зала, когда Мирей представляла Владимира Абрамовича как своего друга.

Вот таким образом судьба свела меня с одним из самых знаменитых, уважаемых, потрясающих актёров России. А дальше укрепление связи с семьёй Этушей и, не постесняюсь сказать, нашей дружбы — происходило не только на концертах Мирей Матье, но и в повседневной жизни.

В 2015 году, незадолго до очередного отпуска, который в течение последних лет Этуши традиционно проводили на берегу моря в Италии, Владимир Абрамович заболел. На помощь Владимиру Абрамовичу пришли медики клиники под руководством знаменитого кардиолога Абрама Львовича Сыркина, в которой он наблюдался многие годы. Острота заболевания была снята, и доктора дали добро на поездку. После перенесённых стрессов Владимиру Абрамовичу, а также его супруге Лене нужен был помощник в переездах и организации быта, который вдали от дома ложился исключительно на её хрупкие плечи. Так сложилось, что этим помощником оказался я.

На встрече с Мирей Матье и Александром Бастрыкиным

С Мирей, Моник и Мари Франс Матье

Владимир Абрамович не возражал против появления новоявленного «компании». У нас с ним оказалось немало общих интересов, касающихся в первую очередь театрального искусства, сходных жизненных позиций по многим вопросам.

Так неожиданно сложился и в течение последних лет жизни Владимира Абрамовича существовал наш «триумвират» для поездок в отпуск и на концерты Мирей.

Главный подвиг своей жизни Владимир Абрамович совершил на фронте Великой Отечественной войны, во время боёв получил тяжёлое ранение, но несмотря на это вернулся к полноценной творческой жизни, прожив на этом свете без малого целый век. Однако и в период нашего знакомства — я просто убежден в этом — он продолжал совершать самые настоящие подвиги вопреки коварным ударам судьбы, которая, к сожалению, так и норовила иногда подставить подножку. А суть этих подвигов, без кавычек, — в жажде жизни, жажде творчества, в желании наперекор обстоятельствам возвращаться в строй.

Это происходило, как я уже упомянул, в 2015 году, затем, в 2017 году, — серьёзная травма позвоночника после падения на лестнице, не оборудованной необходимыми поручнями. Учитывая возраст Владимира Абрамовича, каждый такой инцидент имел непростые, далеко идущие последствия для его самочувствия, однако каждый раз старый вояка силами воли и духа преодолевал, казалось бы, самые безнадёжные ситуации и выходил победителем.

Возвращался к полноценной жизни, снова репетировал, снова учил текст новой роли, снова выходил на сцену родного театра под несмолкаемые овации зрителей. Это было потрясающе, фантастично, невероятно, но это было! И после стольких драматичных моментов, опираясь на родное, хрупкое, но такое железобетонное плечо своей обожаемой супруги, любимой «мумки», он вновь творил и царствовал на сцене. А зритель и не подозревал, какой ценой, какой недюжинной силой характера создан в этот вечер образ профессора Окаёмова, князя К., старого одинокого эмигранта Гольдинера, как непросто иногда было подняться артисту на сцену.

Так же родился феерический вахтанговский спектакль «Бенефис», который стал для Владимира Абрамовича поистине лебединой песней, а для его родного театра — аншлаговым событием года, получившим заслуженные театральные премии.

Владимир Абрамович был бесконечно любим своим народом. И в моём восприятии это не банальный штамп, не расхожая затёртая фраза. Путешествуя вместе с ним, оказываясь рядом в различных ситуациях на улице, в аэропортах, на вокзалах, в аудиториях, наблюдая за реакцией прохожих, простых людей, зрителей разных возрастов, узнающих Владимира Абрамовича, я понял, в чём состоит разница популярности, известности и народной любви.

Знаменитых артистов много, известных артистов (или то, что сегодня называется пошлым выражением «медийные лица») ещё больше. И мы, зрители, очень часто видим их не только на экране или сцене, но и встречаем в повседневной жизни. Но именно после общения с Владимиром Абрамовичем я пришел к любопытному наблюдению. Очень часто, увидев знаменитого человека, простой люд «поглазеет» на него, может быть, укажет пальцем, просто проводит взглядом. И пойдёт дальше по своим делам. С Этушем было по-другому. Все, кто внезапно видел и узнавал его, расплывались в широкой улыбке, светлели лицом, искренне порывались пожать руку, обнять, пожелать здоровья, рвались что-то сделать для любимого артиста.

На концерте Мирей Матье в Санкт-Петербурге, куда 95-летний Владимир Этуш приехал специально ради этого на пару дней, в антракте около ряда, где сидел Владимир Абрамович, образовалась огромная очередь желающих пожать руку, поздороваться, обнять, сказать слова благодарности, сделать селфи, даже подарить цветы. И никому Владимир Абрамович не отказал, хотя для него это и была дополнительная непредвиденная нагрузка — ведь в антракте и самому хотелось немного отдохнуть (всё-таки присутствие на 2,5-часовом концерте в таком почтенном возрасте — тоже работа). А когда Владимир Абрамович поднялся на сцену уже традиционно вручать Мирей белые розы, весь зал стоя аплодировал двум любимым артистам.

Самые неожиданные встречи происходили за границей, когда рядом с ним оказывался наш «бывший народ», давно уже покинувший пределы России. Удивление, смятение, переходящее тут же следом в бесконечный восторг, объятия,

поцелуи и слёзы на глазах — вот это всё и есть непреходящая подлинная народная любовь. Помню на отдыхе в Италии целую семью, которая несколько дней не решалась подойти к Этушу, наблюдая издали и не веря своим глазам, но после общения с ним радости и взрыву счастливых эмоций не было конца. Или такой мини-монолог: «Хотите, я арбуз вам куплю? Или дыню? Ну, хоть что-то хочу для вас сделать!» — очень волнуясь, восклицал средних лет русский житель Германии.

А с каким неподражаемым этушевским юмором Владимир Абрамович оценивал возникавшие сложные ситуации, в которые нам иногда случалось попадать. Вспоминается история в одном московском аэропорту, когда из-за непрофессиональных действий служб аэропорта нам пришлось больше часа (!) провести в пространстве так называемого амбулифта, проще говоря — в закрытом кузове-коробке обычного грузовика, который должен был обеспечить нашу комфортную доставку от самолета на дальней стоянке в здание аэропорта. Рассчитанный на пребывание в нём людей в течение 10–15 минут, этот амбулифт не был обеспечен никакими средствами вентиляции и имел минимум удобств по расположению оказавшихся в нём пассажиров.

В компании с нами оказалась запертой ещё одна пожилая женщина, почти ровесница актёра. Владимир Абрамович не только не проявлял нетерпения, раздражения, агрессии от усталости (ведь этому событию предшествовал трёхчасовой перелёт), но всё это время шутил с собеседницей, пытаясь её успокоить.

Характер у Этуша был непростой, и об этом знают все, кто работал и находился рядом с ним. Я, например, заслужил почётное звание «кулацкого подпевалы» за то, что на отдыхе уговаривал Владимира Абрамовича послушать Лену и принять лекарство, когда ему не очень этого хотелось. Жена с неизменным терпением уговаривала и убеждала его, ну и я, будучи рядом, пытался помочь ей в этом. «А ты вообще

тут как тут, подпевала кулацкий, лишь бы поддакнуть», — ворчал в мой адрес Владимир Абрамович, но это не было ни оскорблением, ни раздражением с его стороны, а, конечно, игрой. Какой артист существует без игры?! Он, конечно, понимал, что Лена права, и подчинялся её просьбам, но характер-то куда не денешь.

И в своём почтенном возрасте Владимир Абрамович занимался на тренажерах, старался погулять пешком, с удовольствием поплавать в море, даже покататься на велосипеде по дачному поселку.

«Однажды смерть-старуха пришла за ним с клюкой. Её ударил в ухо он рыцарской рукой» — эти строки из популярной песни написаны буквально о Владимире Абрамовиче. Он ещё в далеком 1943 году так звезданул эту старуху, что она отлетела на десятки лет и не смела появляться на его горизонте. Но, к сожалению, при приближении к вековому рубежу жизни артиста в один момент ей удалось увести его с собой...

Увести физически, но не духовно. Владимир Абрамович навсегда остался в памяти народной, в памяти близких и друзей не только как великолепный, талантливый артист, но как сильный, принципиальный, честный человек. Не проходит дня, чтобы я не вспоминал его. И в моменты, когда его особенно не хватает, я открываю подаренную мне Владимиром Абрамовичем в первый день нашего знакомства книгу воспоминаний с надписью на титуле: «Мише с любовью навсегда. В. Этуш».

Он всегда мечтал о короле Лире, а играл Карабаса-Барабаса

Владимир Иванов

режиссёр Театра имени Евгения Вахтангова,
заслуженный деятель искусств России

У всякого человека есть имена, с которыми связаны судьбоносные события его жизни. Одним из таких главных людей для меня был Владимир Абрамович Этуш.

Первый набранный в Щукинском училище курс: Маша Аронова, Аня Дубровская, Нонна Гришаева, Кира Пирогов, Паша Сафонов, Володя Епифанцев, Андрюша Барило...

Первый поставленный в Вахтанговском театре спектакль «Дядюшкин сон», продержавшийся в репертуаре 18 лет...

«Цена» Миллера в незабвенной туминасовской «Пристани»...

Последняя наша совместная работа в юбилейном «Бенефисе»...

И многие годы, смею сказать, дружеского общения, не всегда безоблачного, но всегда ближайшего и творческого!

Познакомился я с Владимиром Абрамовичем, будучи студентом, но не как с педагогом училища и вахтанговским артистом, а как с другом дома.

В прошлом году мы с супругой отметили золотую свадьбу, а в 1969 году она была моей однокурсницей и, по совместительству, дочерью ректора Бориса Евгеньевича Захавы. Этуш знал мою Татьяну с пелёнок, любил и всю жизнь встречал её своей особой улыбкой, которой одаривал только по-настоящему близких людей. Хорошо помню, как они вместе с женой, Ниной Александровной, первыми приехали в дом поздравить Захав с рождением долгожданного внука, нашего сына. Привезли большую золочёную серебряную ложку (на первый зубок), шампанское и цветы.

Борис Евгеньевич чрезвычайно ценил Владимира Абрамовича как прекрасного артиста и уважал за умение оставаться верным товарищем и настоящим другом при любых сложнейших жизненных обстоятельствах...

Надо сказать, с жёнами Этушу везло. Вернее, он умел их «выбирать». Нина Александровна была чудесная женщина. Красавица, умница, тончайшей души и интеллигентности человек. Они прожили вместе много счастливых лет, вырастили дочь, подарившую своему отцу внука, которого назвали в его честь Владимиром.

Что же касается Елены Евгеньевны — это, по-моему, подарок судьбы. То, что Этуш прожил последние 18 лет своей долгой жизни (96!) так полноценно, так творчески наполненно, — это, безусловно, величайшая заслуга Лены! Она в самом прямом смысле слова положила свою жизнь к его ногам. Была и женой, и другом, и любимой женщиной, и мамкой-нянькой, и врачом, и менеджером-продюсером... Вообще всем на свете!

Характер у Владимира Абрамовича, как известно, был ого-го какой непростой! Невероятного обаяния и пленительного юмора, он в определённые моменты вдруг становится таким жёстким и грозным господином, что только искусство Лены, знающей все «трещинки» мужа, умеющей отвести грозу и развеять тучи, спасало положение. Правда, иногда и ей доставалось. Но... Безграничная любовь этой женщины сносила всё!

К слову сказать, пример безотказного этушевского обаяния я наблюдал летом 2018 года, во время совместного отдыха в Италии. Когда Владимир Абрамович в сопровождении жены появлялся на пляже, всё разношёрстное европейское туристическое сообщество (не видевшее ни «Кавказкой пленницы», ни «Ивана Васильевича...»), покорённое харизмой личности большого русского артиста, встречало его аплодисментами и возгласами: «Белиссимо — Брависсимо!..»

Но, конечно, главная заслуга Елены Евгеньевны в том, что она всем сердцем поняла, что только театр, актёрская занятость, выход на сцену, ежедневное присутствие творчества — только это поддерживает Этуша на плаву.

«Бенефис»

С Екатериной Симоновой

С Евгением Князевым

С Владимиром Ивановым и художником Максимом Обрезковым

И она искала материал для спектаклей, организовывала антрепризы, ездила на гастроли, работала на всех репетициях и спектаклях.

И «Бенефис» — последний этушевский актёрский шедевр — состоялся, в огромной степени, благодаря ей. Репетиции шли мучительно трудно. Порой казалось, что работа обречена. Но непоколебимая вера Елены Евгеньевны творила чудеса. А сам главный виновник был так настроен на её волну, что мне даже пришлось заменить нашего вахтанговского суфлёра Лену Шалевич на Лену Этуш!

Но вернёмся к началу наших с Владимиром Абрамовичем актёрско-режиссёрских отношений.

Будучи 17 лет ректором, Этуш вёл Щукинский корабль крепкой, уверенной рукой по хорошо известному ему маршруту, завещанному его учителями — вахтанговцами первого набора. При нём основательно обновился состав художественных руководителей, набравших курсы. Он «дал дорогу молодым»: Андрей Мекке, Владимир Иванов, Юрий Шлыков, Юрий Авшаров, Владимир Поглазов, Валентина Николаенко, Марина Пантелеева, Евгений Князев, Родион Овчинников, Михаил Борисов — это его выбор.

Студенты трепетали при его появлении в коридорах. Какие воспитательные разности он мог устроить, собрав всё училище в большом зале! И какие чудесные слова находил 23 октября, в день рождения училища. А его напутствия при

вручении дипломов! Его любимое: «Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого» — стало крылатым выражением и живёт по сей день...

Внимательно приглядываясь к моим училищным педагогическим и режиссёрским работам, Владимир Абрамович однажды вдруг сказал: «А не хотите ли вы, Владимир Владимирович, поставить какой-нибудь спектакль в Вахтанговском театре?» И добавил: «Со мной в главной роли». Я, естественно, стал отнекиваться: «Да что вы?! Вы — Этуш, вы — ректор, а я... Нет! Это невозможно».

Через некоторое время этот диалог повторился, потом ещё раз, и ещё... Однажды он мне сказал с горечью: «То, что я хотел бы, я играю раз в десять лет. А всё остальное — незначительные роли, не представляющие для меня никакого интереса».

Конечно, в этом утверждении была доля преувеличения, но... В то время в нашем театре работала большая плеяда звёзд, народных артистов СССР. По их численности Вахтанговский в какой-то период занимал первое место в стране! Как их всех занять в главных ролях? Тогда ставилось не больше четырёх спектаклей в сезон. Одна сцена! Это сейчас в театре 6 (!) сценических площадок...

Шло время. По просьбе Михаила Александровича Ульянова я завершил работу молодого режиссёра Алексея Гирбы над «Фрёкен Жюли» с Юлией Рутберг, Владимиром Симоновым и Марией Ароновой. И когда в очередной раз прозвучало: «А поставьте...», — я ответил: «А давайте!»

С Олегом Макаровым

«Дядюшкин сон». С Марией Ароновой

Подходящий материал искали долго, пока наконец замечательный театральный критик И. Л. Вишневская не посоветовала «Дядюшкин сон» Ф. М. Достоевского. И дело пошло! Пошло непросто. Подчас Владимир Абрамович давил авторитетом: «Я — ректор! Я — профессор!» Я отвечал: «Я тоже уже профессор. А вы сейчас актёр, я — режиссёр. Извольте слушаться!» И он слушался. Иногда.

Дело в том, что Этуш, всегда точно зная, чего хочет от роли, зная, как должно быть, с большим трудом соглашался на решения, не входившие в его концепцию. Но когда убеждался в правомерности и интересности предложения, тут он становился заинтересованнейшим исполнителем.

Это было в 2000 году, а в 2016-м, указывая на меня, говорил: «Вот он всё знает. Как скажет — так и будет!»

Безусловно, Этуш был высочайшего класса профессионал. Студентам я всегда советовал посмотреть его на сцене. На то, как он проживал свои роли. На образец актёрской свободы. Абсолютной! Порой даже свободы от предлагаемых обстоятельств! На то, как он (если повезёт увидеть) мог сказать партнёру вдруг: «Да не сюда!.. вот здесь ты должен стоять». Или суфлёру: «Не слышу! Громче!» Это шокировало. С одной стороны, а с другой... Ты понимал, чувствовал, что это проявление какого-то совершенно другого уровня сценического бытия. Это когда — «над». Над правилами игры, над актёрством, когда сама жизнь выше профнавыков. Совсем не каждому зритель может это позволить. А вот Этуш имел такое право... Яковлев имел... Гриценко...

«Я всегда мечтал о Короле Лире, а играл Карабаса-Барабаса!»

Да, Лира Этушу сыграть не довелось! Драматическая часть его дарования, по большому счёту, не реализовалась в театре. Трагические ноты звучали в его ролях. В «Западне» (1965 г.), в «Голосе» (моноспектакль на телевидении, 1968 г.), в сценах «Великой магии», поставленной Мирославом Беловичем (1979 г.) и «Дядюшкином сне». В монологе, который я перенёс в инсценировку из «Под-ростка» (романа Достоевского), когда в финале спектакля Этуш снимал парик князя и начинал: «Зачем я жил? Ради чего я прожил всю свою жизнь? Почему эта жизнь так коротка?..» В зале воцарялась... даже не тишина. Безмолвие, которое взрывалось овацией, когда он медленно-медленно, нетвёрдой походкой покидал сцену.

Зрители боготворили Владимира Абрамовича. За год-полтора до ухода у него было четыре названия в репертуаре. Трёхчасовой «Дядюшкин сон» играть стало сложно. И несмотря на колоссальную помощь постоянных партнёров — Марии Ароновой, Анны Дубровской и Олега Макарова, которые сыграли с мэтром все 267 представлений, спектакль решено было закрыть.

Выходы на сцену в «Пристани», «Окаёмовых днях» и «Бенефисе» давались всё труднее. Порой в начале действия казалось, что актёр вряд ли сможет доиграть, но где-то к середине первого акта он уже был в полном порядке, а в конце второго возникала полная уверенность, что он готов ещё раз сыграть роль с начала до конца! Вот так энергия зрительской любви, преклонения перед великим Артистом возрождала и заряжала Этуша, давая ему возможность играть и жить.

А уж о таких овациях, что звучали в конце этушевских спектаклей, может только мечтать любой актёр и режиссёр.

Владимир Абрамович всю жизнь был перфекционистом, и уж если брался за что-то, то должен был сделать это исключительно первоклассно!

Таким он был в быту, в актёрстве, в руководстве училищем. Ему школа обязана тем, что не превратилась в руины в «лихие 90-е». То же самое сделал и М. А. Ульянов для Вахтанговского театра. Мощь этих двух людей, их имена в искусстве Театра, их безусловная значимость для властей спасли Союз Школы и Театра.

Вообще наши первачи — Ульянов, Борисова, Гриценко, Плотников, Этуш, Яковлев, Лановой — удивительные люди и великие артисты.

И ещё. Владимир Абрамович был боец, солдат, прошедший страшную войну. Защитник. И Победитель!

Портрет художника

Александр Шилов
народный художник СССР

Владимиру Абрамовичу понравился его портрет моей работы, и он захотел, чтобы у него дома висела копия. Сейчас существует множество возможностей для качественной фотопечати, я помог найти хороших специалистов для печати на холсте.

Я всегда выбираю сам, кого мне рисовать. При этом для меня не важны регалии, я могу и бомжей писать, и политиков. Для меня важна личность, для меня важно чувствовать тех, кого пишу.

У Владимира Абрамовича Этуша очень колоритная внешность, выразительная, он большой умница. Мне была важна его фактура и интересен внутренний мир. Он воевал, я очень ценю таких людей. У меня собрана целая галерея выдающихся людей-воинов, участников войны, и Этуш занимает там своё особое место. Его вела судьба, он был всеми любимым артист, но и это не главное для меня. У него — доброе сердце, и это я понял сразу в первый момент знакомства с ним.

Познакомились мы давно на каком-то государственном приёме. Я присматривался к нему. Ведь что такое портрет: передача во внешнем сходстве внутреннего содержания. А Этуш — тонкий человек, обнажённый нерв.

У него ведь непростая жизнь была, и я очень ценил нашу дружбу и то, что он со мной иногда советовался. В частности, в ситуации его женитьбы на Лене, когда дочь Раиса не хотела принимать этот брак. «Что мне делать?» — мучился он. Это была не простая для него ситуация, он не просто спрашивал совета, он хотел удостовериться, что поступает правильно. Мы тогда долго говорили. Я спросил: «Вам доставляет радость быть рядом с Леной?» Он кивнул. «Тогда дочь должна радоваться за вас и принять ситуацию такой, как есть». И Лена стала для него настоящим ангелом-спасителем. После смерти жены Нины, с которой он прожил много лет, Владимир Абрамович чувствовал себя потерянным, и это счастье, конечно, что рядом оказалась Лена. Она вытянула его из одиночества, продлила ему жизнь, творческую в первую очередь. С Леной он почувствовал себя мужчиной, у него снова загорелся глаз — это так важно для любого человека, а для актёра особенно!

Владимир Абрамович — человек. Ему, как и любому другому, свойственны сомнения, и я рад, что часто оказывался в числе тех, с кем он это обсуждал. Как модель он был идеален, позировал мне столько, сколько требовалось, никогда не опаздывал, не жаловался на усталость и вообще относился к моей профессии очень уважительно. Я думаю, что к труду любого другого человека он относился бы так же. Потому что сам был великий труженик.

По заказу Министерства культуры я когда-то делал портреты самых знаменитых актёров Вахтанговского театра — Гриценко, Плотникова, Яковлева, Ульянова. Я очень люблю Юрия Васильевича Яковлева, прекрасного артиста и человека, но его портрет я так и не написал. Потому что Юрий Васильевич был человеком неорганизованным, беспечным. Мог позвонить и сказать: «На сеанс не приеду. Попал в автокатастрофу». Или ещё что-нибудь подобное. Всё время находились какие-то причины. А вот Михаил Александрович Ульянов всегда был минута в минуту. И таким же точным был Владимир Абрамович.

Я всегда рисую с натуры, поэтому требуется достаточно много времени для позирования, не менее 15 сеансов по 2–3 часа. Этуш хорошо понимал: от того, как он позировал, зависит результат моей работы. После сеанса мы, конечно, обедали у меня, иногда выпивали по рюмочке, вели неспешные разговоры. Он был очень тёплым человеком, с ним не хотелось расставаться. О чём мы говорили? Обо всём на свете! Мы же были друзьями. Он сетовал, например, что театр меняется не в лучшую сторону, у них как раз в театре была тогда чехарда с режиссёрами. Он был художником в самом высоком смысле этого слова. Переживал за театр, говорил, что сцена не должна нести в зал пошлость, что сейчас нет таких глубоких спектаклей, как раньше. Сокрушался, что мог бы сыграть больше драматических ролей, а не только гротесковых, комических персонажей.

Я никогда не показываю незаконченные работы героям своих портретов. И Владимиру Абрамовичу сразу сказал: вы же не пускаете на репетиции посторонних, не хотите, чтобы ваши неотрепетированные работы видели зрители? Так же и художник. Вот когда закончилась работа, я вставил портрет в раму и сказал: «Ну, вот теперь смотрите. Я покину вас минут на двадцать, вам надо сжиться с вашим портретом, а потом скажите мне все, что вы думаете об этой работе. Даже если вы мне не скажете, то по вашим глазам я всё равно пойму, чем вы недовольны». И ушёл. Через какое-то время он появляется и говорит: «Это мой двойник». И тут же позвонил Лене и сказал: «Лена, появился мой двойник, Этуш номер два».

Я тоже этот портрет считаю удачным. Неохотно отдаю его на выставки. Последний раз он выставлялся ко Дню Победы в галерее актёров — участников Великой Отечественной войны.

А в остальные дни он висит в моей мастерской и, как мне кажется, оберегает меня от хаоса, пошлости и бездумности. Всего того, что так не любил сам Владимир Абрамович.

Дух вахтанговской школы

Евгений Князев

народный артист России,
ректор Театрального института
имени Бориса Щукина

Моё личное знакомство с Владимиром Абрамовичем Этушем началось после окончания Щукинского училища. Я был принят в труппу Театра имени Евгения Вахтангова, когда ещё учился на третьем курсе, — меня попросили заменить заболевшего актёра, который работал вместе с Евгением Рубеновичем Симоновым над постановкой студенческих отрывков.

Конечно, я знал всех звёзд и корифеев Вахтанговского театра. Но что значит знал? Они были для меня небожителями! И среди них Владимир Абрамович Этуш, который ассоциировался у меня с его известной ролью Карабаса-Барабаса — такой же грозный, неприступный, суровый. Когда я потом узнал, что он весёлый, остроумный, ироничный человек, — был просто поражён!

В моё первое рабочее лето Театр Вахтангова находился в Новосибирске, а потом в Томске на длительных гастролях. Я, как и все молодые актёры, выходил в массовках. Евгений Рубенович считал, что там, на гастролях, я быстрее познакомлюсь с труппой и войду в коллектив. При переезде из одного города в другой образовалось несколько свободных дней, актёры театра разъехались — кто на съёмки, кто на отдых, в общем, к началу гастролей в Томске вдруг оказалось, что весь репертуар сыпется — нет ни одного спектакля с полным набором исполнителей.

Раньше было принято открывать гастролы спектаклем «Мистерия-буфф» по пьесе Владимира Маяковского. Но исполнитель роли Вельзевула Николай Дмитриевич Тимофеев не успевал прилететь со съёмок, и Симонов — а он был режиссёром спектакля — вызвал меня, велел срочно выучить роль и ввестись в спектакль. В то лето в Томске стояла страшная жара, актёры приходили на репетицию в лёгких летних одеждах. Все мне доброжелательно помогали и подсказывали.

И вот наступил день спектакля. Меня нарядили в костюм чёрта, на сцене построили декорации. Вместо пианистки за роялем, которая подыгрывала на репетициях, — оркестр. Актёры — а на сцене были две свиты, «чистые» и «нечистые» — все были загримированы и одеты в костюмы. Я никого не узнавал! Меня сковал такой ужас, что я забыл все слова. Рядом со мной из группы «нечистых» — артисты Владимир Этуш и Алла Казанская. Шепчу им: «Какая моя первая фраза?» Этуш подсказывает: «Черти мои верноподданные... Ты что, слова забыл? Сейчас выйдешь на сцену, всё вспомнишь!»

Начинает играть оркестр, а у меня во рту всё пересохло, и я не могу произнести ни слова. Я не помню роли! Тут мне аккуратно начали подсказывать, кое-как

я выдавил из себя слова, смотрю на Этуша и Казанскую и понимаю, что провалился, ничего из меня не выйдет, я должен уйти из театра! После окончания спектакля я убежал куда-то за сцену, спрятался в кулисах, чётко понимая, что сейчас я пойду в гостиницу, соберу чемодан и уеду отсюда навсегда.

Кое-как доиграл маленькую сцену в последнем акте. На следующий день меня вызвали к Симонову. Он был в гневе: «Я тебе доверил роль, а ты не выучил слова!» Меня выставили за дверь, а сами режиссёры и актёры — в том числе Владимир Абрамович Этуш — остались решать мою судьбу. И я слышал, как режиссёр Владимир Владимирович Иванов и Этуш уговаривали Симонова дать мне возможность сыграть второй спектакль: «У него был шок, он знал роль назубок, но от страха всё забыл!» Опытные педагоги, актёры, они понимали, что такое может случиться с новичком, который первый раз выходит на сцену.

И был второй спектакль, и всё прошло прекрасно. Моя благодарность до сих пор Владимиру Владимировичу Иванову и Владимиру Абрамовичу Этушу не знает границ...

А потом была история с Владимиром Георгиевичем Шлезингером... Этот замечательный артист и педагог возглавлял кафедру актёрского мастерства в училище, работал в театре. Был остроумным человеком, блистательным шутником, непревзойденным мастером смешных водевилей. Я тогда ничего не знал о том, что Шлезингер и Этуш были давние и очень близкие друзья.

Однажды Владимир Георгиевич предложил мне преподавать в училище. Я стал заходить в свою школу, бывать на занятиях моей любимой преподавательницы Людмилы Владимировны Ставской, ставить небольшие отрывки со студентами. В театре у меня тоже появились интересные серьёзные роли. Я начал сниматься в кино.

И тут в училище случился конфликт, из-за которого Шлезингеру пришлось уйти из школы. Для него, человека, который прослужил педагогом практически всю жизнь, это стало страшным ударом. Он заболел, сердце у него не выдержало. Владимир Георгиевич скончался. И Владимир Абрамович как-то сразу постарел, осунулся, лицо его почернело от горя. Через некоторое время Владимир Абрамович стал ректором Щукинского училища. Он долго отказывался, сомневался, но в память о своём друге, который посвятил Щуке жизнь, согласился. В институте в то время ещё работали педагоги, которые были инициаторами того конфликта с Владимиром Георгиевичем. С этими людьми Этуш всегда разговаривал строго и холодно. Не мстил им никогда, не увольнял, не унижал — просто никогда не простил им трагическую историю своего друга.

Этуш возглавил наш вуз, пожалуй, в самое тяжёлое за всю его историю время. Начало 90-х, в стране всё разваливалось, театры и искусство оказались на обочине жизни, денег не было. Но Владимир Абрамович в это сложнейшее время так вёл наш корабль, как будто вокруг была спокойная мирная жизнь. Он нашёл спонсоров, которые выделили средства на поддержку педагогического коллектива, ведь зарплату не платили месяцами. Дети преподавателей получали подарки, им

устраивались праздники на Новый год, мои дети тогда были маленькими, я хорошо помню это время. Этушу удалось присоединить к училищу соседнее через дорогу здание, а это было историческое здание бывшей Шаляпинской студии, сделать там ремонт, открыть новые аудитории и учебную сцену. Переезд в новый дом он превратил в настоящий праздник: из старого исторического здания в теперь уже наш новый корпус шла колонна студентов, которая несла огромный сундук. Вокруг горели факелы, как в Средневековье, движение в нашем переулке было остановлено. Наконец сундук торжественно внесли в новый корпус, Владимир Абрамович сказал: «Теперь это наш дом, и пусть в нём живёт ДУХ ВАХТАНГОВСКОЙ СЦЕНЫ!». Сундук открыли, и этот ДУХ был выпущен на свободу в новом пространстве.

Сохранить дух Вахтанговского театра, авторитет вахтанговской школы — для Этуша это было главным. Он был абсолютно вовлечён в процесс жизни школы, бывал на всех кафедрах, показах, экзаменах, всё знал и на всё имел свою точку зрения. Помню, как талантливый курс педагога Юрия Авшарова подготовил весёлый, довольно легкомысленный «капустник». Этуш был разгневан, он собрал всех и выступил с речью, сказав: «Вы сюда пришли учиться искусству», — и что он не допустит никаких непрофессиональных выступлений в стенах школы. С тех пор он стал посещать все капустники, считал, что и эти весёлые студенческие посиделки должны быть безупречны с точки зрения актёрской школы и, главное, достойны звания актёра вахтанговской школы.

Художественный руководитель института со своими студентами

Он тщательно продумывал каждое слово обращения к студентам или педагогам, готовился. Когда я стал ректором и разбирал бумаги в его кабинете, то нашёл много записок, написанных его рукой, наброски его выступлений.

Полной неожиданностью для меня стало предложение Владимира Абрамовича набрать свой курс в училище. Я понемногу преподавал, ставил отрывки со студентами, но стать художественным руководителем — это огромная честь и колоссальная ответственность. Моя же главная работа осталась по-прежнему в Театре имени Вахтангова, а к работе педагога я относился как к увлечению. Хотя мой дорогой учитель Людмила Владимировна Ставская сказала мне однажды, что я как педагог уже обогнал её. Было лестно и приятно.

Так вот, вызывает меня ректор нашего вуза. «Что-то натворил, — мелькнуло в голове, — наверное, курил в неподобающем месте». Этуша все побаивались, и я не был исключением... И вдруг Владимир Абрамович, после положенных вежливых расспросов про жизнь, сказал: «Хочу предложить тебе набрать на следующий год свой курс». Кто не знает, что стать худруком в Щукинском училище примерно то же, что получить звание академика! Многие педагоги годами ждут такого предложения. Я онемел. Начал говорить о своих сомнениях, что ещё молод для такого звания, что много предложений сейчас в театре, в кино, и главное — впереди меня много педагогов, которые спят и видят эту заветную должность, и негоже мне, молодому...

Этуш выслушал очень внимательно и спокойно, четкими фразами мне ответил: «Послушай, Женя, каждый человек живёт свою жизнь, и у каждого человека

в жизни бывают случаи. Я тебе такой случай предоставил, и тебе самому решать, как им распорядиться. Ты думай сейчас об этом. А о других не думай, они не заслужили моего расположения. Это не ты ко мне пришёл просить, а я тебе предложил. Решать тебе. Что касается возраста, то тебе 38? А я пришёл в училище в 36. И тоже снимался, и в театре был занят...»

Были педагоги, которые оказались очень недовольны тем, что я стал художественным руководителем курса. Мне прямым текстом говорили, что я лезу поперёд бабки, что не справлюсь, чинили препятствия, дело доходило до прямого бойкота! Меня критиковали за малейшие попытки строить уроки иначе, чем предусмотрено учебным планом. Помню, на уроке грима предложил ребятам самим придумать образ, загримироваться и прочитать в этом образе монолог. Мне указали, что это делать не подобает... Чем больше меня прижимали, тем больше мне хотелось доказать свою состоятельность как педагога. И потом я не мог подвести ректора! Мой первый курс вполне оправдал мои надежды. Там учились такие ныне известные актёры, как Стас Дужников, Дима Ульянов, Маша Куликова, Олег Макаров...

И уж, конечно, я тогда и представить не мог, что сам окажусь в кресле ректора щукинского вуза. Когда закончился контракт у Владимира Абрамовича и возраст уже был весьма солидный, было решено объявить выборы ректора. Ко мне подошли несколько наших педагогов с просьбой участвовать в выборах и выдвинуть свою кандидатуру. Борьба была нешуточной, выборы прошли в два тура. Я написал тогда свою программу, которая уместилась на одном листе. И главным пунктом в ней было завещание Владимира Абрамовича: сохранить дух Вахтанговского театра и высокий профессионализм актёра вахтанговской школы...

«А я вас не боюсь!»

Мария Аронова
народная артистка России

Признаюсь честно: страшнее, ужаснее, жёстче человека я в своей жизни не встречала.

И вот другое признание: наивнее, нежнее, деликатнее человека я в своей жизни не встречала...

Между этими признаниями — много лет. Целая жизнь от студентки Театрального училища имени Щукина до артистки Театра Вахтангова.

Впервые я увидела Владимира Абрамовича, как и все абитуриенты, — за столом приёмной комиссии. Он сидел в центре стола. Грозный вид, строгий взгляд, колоссальная требовательность к каждому поступающему с первых минут нахождения в стенах училища. И потом, во время учебы: мимо ректора никогда нельзя было пробежать незаметно, просто кивнуть головой или поздороваться. Надо было непременно остановиться и сказать: «Здравствуйте, Владимир Абрамович!» Он мог сам остановить студента и отругать за небрежный вид, за проступок, который не соответствовал, по его мнению, званию студента такого вуза, как училище имени Щукина. Он пристально наблюдал за своими питомцами, за всеми нами — на показах, на спектаклях, на экзаменах. И, несмотря на его грозный вид, мы всегда ощущали его отеческое внимание и заботу.

Но настоящий ужас, до судорог в ногах, я испытала, когда мы в театре начали работать над спектаклем «Дядюшкин сон». Владимир Абрамович играл роль Князя, я — Марию Александровну Москалеву. Начались репетиции. И тут разразился скандал...

Однажды мне пришлось привести с собой в театр сына, не с кем было его оставить, и я попросила моего учителя и режиссёра спектакля Владимира Владимировича Иванова разрешения взять Владика с собой. Ребёнка посадили в оркестровую яму, и он там тихо сидел какое-то время. Потом что-то случилось, он задел то ли стол, то ли стул, раздался шум, а в это время Владимир Абрамович как раз произносил свой текст, из-за шума сбился и был очень сердит. Он подошёл к оркестровой яме, глянул в неё своим грозным взглядом и строго, громко сказал: «Ты мне помешал!» От страха сын... описался.

А я с собой ничего поделать не могу, когда речь идёт о моих детях. Я схватила Этушу за запястье и сильно дернула его за руку. Ну и... сказала всё, что считала нужным сказать в тот момент. Взяла сына и повела его в примерку переодеваться. Следом пришел взволнованный режиссёр. Я вся в слезах: как я могла, какое имела право кричать на своего партнёра, моего кумира, моего ректора! Иванов спросил жалостно: «И что ты теперь будешь делать?» Как что? Извиняться! И на ватных ногах я пошла в гримёрку к Этушу. Пересекла сцену, попала на мужскую половину, постучала в его дверь. Владимир Абрамович сидел задумчиво перед зеркалом. Не знаю, что на меня нашло, но я с порога выпалила: «Знаете что? А я вас совершенно не боюсь!» Ещё и пальчиком погрозила. И вышла вон. Но не успела я отойти от гримёрки на полметра, как услышала смех. Владимир Абрамович смеялся!

С этого момента все вопросы нашего дальнейшего общения были сняты. На следующий день на репетиции мы работали так, как будто ничего не произошло. И никогда больше не вспоминали эту историю. Он не потребовал извинений (а мог бы, и был бы прав!), не унизил, не поставил на колени. Он просто сделал вид, что ничего не случилось...

Я помню, в тот злополучный вечер ехала домой и думала: где я видела этот строгий орлиный взгляд? Где слышала этот детский хихикающий смешок? И вспомнила:

конечно, таким же был мой отец, Владимир Абрамович до боли напомнил мне моего обожаемого папу Валерия Максовича. Отец мне мог так дать по заднице, что она болела потом три дня. И я запиралась в туалете и рыдала. Но роднее, любимее, ближе человека в моей жизни не было, я любила его — и люблю — до обморочного состояния. Когда он уезжал в командировки, писала ему письма, прочесть которые невозможно — чернила, которыми они были написаны, расплылись от слёз...

Похожие чувства я испытывала ещё только к одному человеку — Владимиру Абрамовичу Этушу...

Началась огромная, прекрасная эпоха моей жизни под названием «Дядюшкин сон». Я оценила Этуша как партнёра, великого актёра, человека огромного сердца и прекрасной души. Да, он был строг. Но только до той поры, пока не открывалась маленькая дверь в его сердце, куда он пускал, конечно, далеко не всех. Но если впускал, то ты становился для него близким и дорогим человеком, которому он бесконечно доверял. Мне повезло, мне было дозволено многое. Иногда шёпотом подсказывать ему роль, иногда слегка менять мизансцену, чтобы ему было легче пройти длинный путь по сцене из конца в конец. Иногда мы «играли в пинг-понг», перебрасывались шутками. И великим счастьем было расколоть партнёра, услышать его смех, и глаза его в этот момент были вовсе не грозными, а по-детски наивными и доверчивыми...

«Дядюшкин сон»

В Театральном училище имени Щукина я считала себя «звездой». Я прям заходила от своей звёздности — ну как же, театральная премия за спектакль «Царская охота», похвала режиссёра и самого автора пьесы Леонида Зорина. Уверена, что каждый актёр рано или поздно «ловит звезду», только некоторым удаётся это пережить незаметно в силу внутренней интеллигентности, которой я не обладала. Меня даже Владимир Владимирович Иванов однажды поставил в массовку. Чтобы я не очень звездилась...

С Марией Ароновой

С Олегом Макаровым, Анной Дубровской и Марией Ароновой

«Дядюшкин сон». С Марией Ароновой

Но когда начались репетиции, а потом спектакли «Дядюшкиного сна», вся моя звёздность слетела с меня драными перьями. Как работал Этуш! Как он тщательно готовился к репетициям и спектаклям, как учил роль, как повторял её в разных интонациях, как обсуждал детали костюма и грима, как слушал режиссёра! Он — народный артист СССР, ректор уважаемого театрального вуза, кумир миллионов.

Настоящая звезда! Рядом с ним я стала другой. От клоунских масок, от внешних эффектов я пришла к себе самой. И всё это были уроки Этуша, который не поучал, не менторствовал, а играл, как жил. Достигал на сцене немислимых высот — и тянул туда, в высоту, меня и всех других, и партнёров, и зрителей.

Про зрителей надо сказать отдельно. Стоило Владимиру Абрамовичу только появиться на сцене, выйти из-за кулис, зал начинал аплодировать. Режиссёр Иванов специально придумал мизансцену, когда моя героиня делает жест рукой, поощряя зал к овации. Что делалось с залом, передать невозможно!

Мы играли «Дядюшкин сон» 18 лет при полных аншлагах. По два, а то три представления в месяц. И особенно пронзительными спектакли стали получаться после того, как отметили Владимиру Абрамовичу 90 лет. До этого он был как бы слишком физически сильным для роли Князя. А в последние годы он выходил в финале, долго вглядывался в зрительный зал и произносил: «Господи, прости мою грешную душу...» Не только зрители, мы, актёры на сцене, едва не плакали. А он продолжал: «Господи, почему жизнь так коротка? Так хочется ещё пожить!..» За этим монологом скрывалась судьба, война, которую он прошёл героически и с достоинством, потери, боль, вся его прекрасная, трудная жизнь.

«Господи, почему жизнь так коротка?»

Мы много ездили на гастроли, много времени проводили вместе. Этуш никогда ни на что не жаловался. Он был таким хулиганистым мальчишкой, весёлым, озорным. Его анекдоты, тосты, шутки — это был настоящий праздник, счастье! Никогда не рассказывал о своей личной жизни. Но я не могу не сказать сейчас о его жене Лене, которая бесспорно была ему главной опорой, радостью все годы с момента их женитьбы. В лице Лены он вытянул, безусловно, счастливый билет, но так взвёт только тем людям, которые всей жизнью это счастье заслужили.

Я помню, когда мы прощались с Владимиром Абрамовичем в нашем театре, на сцене, я подошла к Лене, обняла её, а она мне говорит: «Простите меня, что не смогла уберечь его!» На что я ответила ей так, как думала: «Это тебе, Лена, спасибо, что подарила мне 18 лет абсолютного счастья играть с ним на одной сцене в одном спектакле».

Незадолго до его ухода, когда стало понятно, что Владимиру Абрамовичу уже сложно выходить на сцену в «Дядюшкином сне», мы подумывали о том, чтобы заменить его на другого артиста. Это нормальная практика в театрах, особенно если речь идёт о популярных, аншлаговых спектаклях. Сели мы с режиссёром спектакля Владимиром Владимировичем Ивановым напротив друг друга, посидели несколько минут молча и одновременно покачали головами: нет, никто не сможет заменить Этуша.

Спектакль вошёл в историю театра.

И просто в историю.

Завещание моего Учителя

Павел Любимцев

заведующий кафедрой актёрского мастерства
Театрального института имени Бориса Щукина,
заслуженный деятель искусств России

Владимир Абрамович — не просто мой Учитель! Так уж вышло, что Этуш многократно помог мне в поворотные моменты жизни: и при поступлении в Щукинское училище, и в процессе учёбы, и, главное, — без участия в моей судьбе Этуша я не стал бы театральным педагогом...

Но для начала я расскажу об очень давнем и очень ярком театральном впечатлении от Этуша-актёра. Мне было 15 лет. Папа достал два билета на «Мещанина во дворянстве»: это был выездной спектакль Театра имени Вахтангова, по понедельникам его играли в помещении Театра имени Моссовета. Сидели мы с папой высоко, на каком-то ярусе, но до сих пор во мне живо то состояние абсолютного счастья, которое я испытал на спектакле! Поставил его вахтанговский режиссёр и щукинский педагог Владимир Георгиевич Шлезингер.

Дома мама заметила: «У тебя счастливое лицо!» Возможно, именно тогда зародилось во мне желание попробовать учиться на актёра, и непременно — в Театральном училище имени Бориса Щукина.

В мольеровской комедии Этуш играл господина Журдена. Играл с наслаждением, и это мгновенно передавалось залу. Вообще он актёр особого рода! Я бы назвал это амплуа: «жёсткий комик». Редкое качество! Комики, скорее, мягкие артисты, а жёстким я могу ещё назвать, пожалуй, одного — Луи де Фюнеса!

В лучших ролях Этуша соседствуют взрывной темперамент и... наивность; в таком парадоксальном сочетании, на мой взгляд, путь к его высоким достижениям.

Ещё одна особенность Этуша-актёра, в которой он признавался не раз: почти каждая роль и в театре, и в кино давалась ему непросто. Владимир Абрамович говорил: «Каждая новая работа — это мой экзамен, который я сдаю далеко не сразу».

Вспоминая господина Журдена, хочу отметить: в «экзамен, сданный не сразу» было невозможно поверить! Казалось, что Этуш просто родился героем комедии «Мещанин во дворянстве»!

Мой незабвенный Учитель, Яков Михайлович Смоленский, однокурсник и друг Владимира Абрамовича, делил актёров на три типа: на тех, кому всё даётся легко и сразу, тех, кому сначала бывает трудно, а затем становится легко, и, наконец, тех, которым всегда и всё трудно. Так вот, Этуша Смоленский относил к последней категории: ему всегда было трудно!

Известный, хоть и невероятный факт: в 2001 году его хотели снять с роли Князя в «Дядюшкином сне»! Тогдашний руководитель театра Михаил Александрович

Ульянов прямо говорил: «Володя, откажись от роли, у тебя не получается!» Но всегда, видимо, побеждал характер Владимира Абрамовича, его цельность, трудолюбие и настойчивость. Теперь невозможно представить себе в спектакле «Дядюшкин сон» кого-то другого: он стал Легендой и Гордостью театра.

То же было и в кино. Этуш сам рассказывал, как начинал сниматься в роли товарища Саахова. Он понимал, что рядом с такими эксцентричными комиками, как Никулин, Вицин и Моргунов, следует играть как-то иначе, не похоже, «на другой волне». Как говорится, «по правде». Репетировали. Начали снимать. И Гайдай от камеры нередко говорил: «Владимир Абрамович, не смешно!» А Этуш отвечал: «Подождите, будет смешно». Гайдай спрашивал: «Когда будет?! Когда картина закончится?..»

Можем ли мы сейчас представить себе «Кавказскую пленницу» без Этуша? И поверить в то, что сначала было «не смешно»?! Уже какое поколение умирает со смеху на комедиях Гайдая, а ведь жанр-то совсем не долговечный. Комедия всегда привязана к своему времени.

Но вернёмся в годы моего отрочества. После «Мещанина во дворянстве» я видел Этуша во многих спектаклях Вахтанговского театра. Видел его Бригеллу в «Принцессе Турандот», которого Владимир Абрамович играл совершенно иначе, чем

«Мещанин во дворянстве»

«Кавказская пленница»

Ульянов. Видел небольшую роль Барина-англомана в «Идиоте». Этуш стал для меня одним из любимейших актёров. К окончанию школы я уже мечтал прежде всего об училище имени Щукина!

На втором туре вступительных экзаменов меня слушали трое преподавателей: Татьяна Ивановна Запорожец (она вела потом на курсе чтецкую группу), Альберт Григорьевич Буров (руководитель нашего курса) и Этуш — он тогда уже был доцентом Щукинского училища. Читал я тогда плохо, неровно («Сеанс черной магии» из «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова). Вышел из 19-й аудитории в ужасе: всё, провалился. Но меня, к счастью, пропустили на третий тур — это и был в те годы конкурсный экзамен.

И тогда мой отец, Евгений Яковлевич Либерман, профессор Гнесинского музыкального института, неожиданно получил возможность... позвонить Этушу. Дело в том, что папа в то время немного занимался с племянницей Этуша Соней. И это дало ему некое «право» побеспокоить Владимира Абрамовича. И вот потом звонит мне отец: «Я тебе такое сейчас скажу!» Я замер. Владимир Абрамович сказал дословно следующее: «Это высокоодаренный мальчик, ему при поступлении не требуется никакой поддержки, и, быть может, я буду когда-нибудь нуждаться в его поддержке!» Как всем понятно, я не выдумываю. Он так действительно сказал.

И поразительно, что в последние годы жизни Владимир Абрамович неоднократно говорил мне нечто подобное, хотя о том давнем телефонном разговоре, разумеется, не помнил.

Всегда в курсе событий

Сбор труппы

Третий тур я прошёл довольно бодро! Удачно читал прозу и стихи. Преподаватели (Этуш был тогда председателем экзаменационной комиссии) даже пропустили меня «автоматом» через тур этюдов, в которых, кстати, я был весьма не силён, и я поступил в училище. И вот с тех самых пор Владимир Абрамович всегда играл значительную роль в моей жизни, участвовал во всех поворотах и перипетиях моей судьбы.

На нашем курсе Этуш работал много: делал педагогические курсовые отрывки. Когда мы перешли на третий курс, он получил учёное звание профессора. А на втором курсе репетировал с нами отрывок по рассказу В. М. Шукшина «Ночью в бойлерной». Это история о том, как к ночному сторожу бойлерной приходят разные люди за советом и помощью: «поговорить душевно, закусить, выпить». Среди прочих — пожилой профессор, которого мучает молодая жена. Она требует полторы тысячи на норковую шубу, и старичок в отчаянии: не знает, что делать! Роль профессора досталась мне, которому тогда ещё не исполнилось 19 лет.

Этуша в училище боялись! Мы буквально тряслись перед первой репетицией. Я даже спросил Альберта Григорьевича Бурова: «Правда ли, что Владимир Абрамович на репетициях бьёт студентов?» Однако страхи оказались напрасными. Мэтр был, конечно, строг, но корректен. Никого не бил и даже голос повышал редко.

Репетировали мы... у Этуша дома! Он болел. Встречал нас в халате, мы работали в гостиной его квартиры на Ленинском проспекте (до него в этой квартире, кстати, жил Михаил Фёдорович Астангов). Он репетировал со мной тщательно, добивался темпераментного выхода: «Не могу больше, Максимыч! Не могу больше, дорогой мой! Пришёл к тебе опять, больше идти некуда. Вот штука-то: не-ку-да!» Этуш был терпелив: «Ещё раз. Стоп, ещё раз...» Пошутил в конце процесса: «Пашка, ты уж постарайся, я же не могу тебя на экзамене выпускать с третьего раза. Надо — с первого».

С Павлом Любимцевым и Анной Дубровской

День рождения театрального института им. Б. Щукина, которому, как и родному театру, Владимир Абрамович отдал всю жизнь

Как педагог он был очень требователен. Чётко выстраивал сцену и требовал неукоснительного исполнения режиссёрского рисунка. Мы потом эту «Бойлерную» играли многократно: в составе «Шукшинского вечера» на самых разных сценах Москвы. Шёл отрывок, естественно, по-разному, но ниже определённого, очень твёрдо усвоенного уровня мы не опускались никогда. Я и сейчас прекрасно помню все свои реплики! Это была отличная Школа. Этуш вкладывал в нас технику, профессионализм.

После училища наши пути надолго разошлись. Я около четырёх лет проработал в Ленинграде, потом вернулся в Москву, стал чтецом в филармонии. Хотел попробовать себя в педагогике, но поначалу это казалось невозможным.

Ректором щукшинского вуза был тогда Георгий Александрович Пелисов, который вряд ли взял бы в педагоги человека по фамилии Либерман. При том, что лично ко мне он относился неплохо.

Училище переживало тогда тяжёлые времена. Начались распри, конфликты, стали возникать группировки. Кончилось всё трагично: освободили от должности заведующего кафедрой мастерства актёра Владимира Георгиевича Шлезингера — блестящего режиссёра и педагога. Организовано всё было очень просто: объединили кафедры мастерства и режиссуры. Руководить новым образованием

предложили Евгению Рубеновичу Симонову. Владимир Георгиевич так переживал происходящее, что сердце не выдержало. Он умер. Ему было 63 года.

После этого стало ясно, что Пелисов не сможет оставаться ректором. Тогда началась перестройка. Пелисов ушёл на пенсию, и на общем собрании школы единогласно был избран новый руководитель — Владимир Абрамович Этуш.

Он возглавил училище в непростое время. И своим авторитетом сумел консолидировать школу и вернуть в неё мир и рабочую обстановку. Конечно, не всё было просто, некоторым педагогам пришлось уйти. Но Этуш умело выстроил политику взаимоотношений между педагогами разных поколений.

Он ввёл в практику института чередование хударков набираемых курсов: в один год набирает многоопытный профессор, а в другой — преподаватель, ранее курсов не набиравший. Таким образом начали свой блестящий путь хударков Авшаров, Иванов, Шлыков, Князев, Поглазов, Овчинников. Мне Владимир Абрамович предложил быть хударком в самом конце своего ректорства — в 2003 году. Опять он изменил мою жизнь, опять стал моим ангелом-хранителем...

Этуш сохранил училище. Раздвинул его границы — я имею в виду не только Шалыпинский дом, который присоединили к школе благодаря его авторитету (д. № 15 по Большому Николопесковскому переулку занимала в 20-е годы XX века студия Ф. И. Шалыпина). Я имею в виду и заграничные поездки студентов на фестивали и конкурсы, и южнокорейские курсы, которые появились в институте.

Когда Этуш ушёл с поста ректора (в год своего 80-летия), он продолжал преподавать, бывать на показах, вести заседания кафедры.

Я бывал у него дома. Он был очень хлебосольным и гостеприимным хозяином. Любил выпить любимого «бьянко фризанте», хорошо покушать, весьма ценил застольные беседы гостей.

И ещё один эпизод. В 2012 году я написал очень сердитую статью «Про нафталин, моль и навороченную режиссуру». Первым её прочитал Этуш и горячо меня поддержал. Это он настоял, чтобы статья появилась в журнале «Театрал». Без участия Владимира Абрамовича этого бы не случилось. Разумеется, сразу возник скандал! Статью быстро сняли с сайта, хотя гневные отповеди критиков остались. Олег Табаков, о котором я высказался в статье довольно резко, даже запретил распространять журнал «Театрал» в МХТ. Наверное, он бы меня и покруче «достал», да руки оказались коротки.

Владимир Абрамович не просто тяжело переживал то, что происходит в современном театре. Дилетантское псевдо-новаторство приводило его в ярость. Он не мог этого выносить! Когда режиссёр Евгений Марчелли поставил в Театре Вахтангова спектакль «Отелло», где главный герой был белый, Этуш спрашивал: «За что нам такое?!» Таких примеров привести можно немало. Конечно, можно было сказать: «Что вы так волнуетесь? Не нравится — не смотрите». Но трудно относиться ко всему этому спокойно, когда Театру отдана вся жизнь. Мы много об этом говорили в последние годы жизни Владимира Абрамовича, хорошо понимали друг друга. Сохранить Живой Человеческий Театр — вот что было завещано мне моим Учителем.

Как за каменной стеной

Ольга Тумайкина

заслуженная артистка России

Я отношусь к тому счастливому поколению детей, которые выросли на фильмах с участием Этуша. Сначала это были «Приключения Буратино», «Старая, старая сказка», «Ослиная шкура». Ну и, конечно, знаменитые комедии Гайдая, за которые его полюбила вся страна.

Мне посчастливилось выбрать актёрскую профессию. Я сдавала экзамены в Щукинское училище перед экзаменационной комиссией, которую возглавлял ректор Владимир Абрамович Этуш. После того как я прочитала отрывок, он дал мне задание: одну и ту же фразу повторить с разным эмоциональным наполнением. Фразу он произнёс такую: «Ванечка приехал».

Не знаю, что со мной произошло, я ринулась за кулисы, хотя отлучаться от экзаменационного стола было нельзя, схватила какое-то полотенце, заткнула его за пояс и произнесла фразу так, как будто деревенская женщина в дореволюционной

России давно ждала сына из армии и вот наконец он приехал. Второй раз я произнесла её так, как будто я влюблена, звенящим голосом и с замиранием сердца — жизнь вот сейчас закончится без этого Ванечки. Третий раз я с таким чувством сыграла эту фразу, что бросилась со страстью к членам комиссии: «Ванечка приехал!!!» Владимир Абрамович аккуратно меня остановил: «Не надо к нам так близко подходить! Мы и так вас хорошо видим и слышим».

Для меня поступление в Щуку было первым этапом осуществления моей мечты — стать актрисой. Я чётко знала, что непременно ею буду. Моим художественным руководителем была Алла Александровна Казанская, дивная женщина, умница, профессор, блестящая актриса. Этуш же руководил большим производством, каким является Театральное училище имени Щукина, бывал на занятиях, обязательно — на показах и студенческих спектаклях.

Училась я истово, очень серьёзно, и, думаю, Владимир Абрамович выделял меня из общей массы студентов именно с той самой первой импровизации на вступительных экзаменах. Но никогда не хвалил, это вообще было не в его стиле. На первом курсе мы поставили отрывок из гоголевского «Ревизора», разговор Марьи Антоновны и Хлестакова. Играли залихватски, с удовольствием, зал взорвался аплодисментами. А Владимир Абрамович встал и сказал: «Не надо аплодировать первому курсу. У нас в училище это не принято». Он был строг. Но с такой же строгостью он относился и к самому себе. Во всём и всегда. И поэтому ему доверяли, его беспрекословно слушались. Студенты его любили. Ещё и потому, что в нём всегда ощущали заботу, отцовскую ненавязчивую опеку, он был щитом для нас, студентов. А для меня остался таким на всю жизнь.

В 1995 году делегация нашего училища поехала на фестиваль лучших театральных школ мира в Каракас. В составе делегации были Владимир Абрамович Этуш, Михаил Александрович Ульянов, тогда художественный руководитель Театра Вахтангова, наш педагог и режиссёр Владимир Владимирович Иванов, ну и студенты, в числе которых посчастливилось быть и мне. Так вот в этой поездке Этуш создал нам абсолютно домашнюю обстановку. С утра мы репетировали, работали, а вечером он старался, чтобы никто не скучал, чтобы все поужинали, всем было весело и интересно. Все делегации должны были показать отрывки из произведений трёх авторов: Чехова, Достоевского и Гарсиа Лорки. И вот однажды мы репетируем рассказ А. П. Чехова «Юбилей». В зале — и Этуш, и Ульянов, и Иванов. Предстоит ответственный показ на международной сцене. То ли от волнения, то ли от перегрузки, то ли просто от плохого настроения мой партнёр начал вести себя некорректно по отношению ко мне. Я попыталась его остановить. Но он только больше подпускал огня. Я не выдержала, расплакалась. «Товарищи, — сказала я, — по-моему, так нельзя!» Этуш, который всё, конечно, видел, встал, схватил пластиковый стул, на котором сидел, и швырнул его в моего партнёра. Тот удачно увернулся, но тут же вся спесь с него слетела. Этуш взял другой стул, сел на него, репетиции продолжались. Ни Иванов, ни Ульянов не проронили ни слова.

Защиту в лице Владимира Абрамовича я имела всю жизнь. И дело даже не в его действиях и словах, а в моём сознании, что такая защита есть всегда и везде.

Кстати, там, в Венесуэле, Владимира Абрамовича обворовали. Как-то вечером мы пошли прогуляться по городу всей нашей командой, хотели пройти по магазинам, чтобы купить венесуэльских сувениров — кофе и ром. И вот идем мы обратно, чудесная погода, вечер, в отличном все настроении. Вдруг от лавочки на бульваре отделяется человечек небольшого роста в нелепой одежде — на нём были яркие желтые сапоги, шорты, майка-«алкоголичка». Это существо подходит к Этушу и начинает что-то говорить, при этом хлопая его по плечам: «Амиго! Эй! Салюто!» — и что-то ещё. Владимир Абрамович в ответ тоже стал похлопывать его по плечам и с удивлением спрашивать: «Ты кто? Ты меня знаешь?» Мы стояли стайкой вокруг и смотрели на этот спектакль, разинув рты. Человечек этот как внезапно появился, так же быстро и исчез. А когда мы пришли в отель, Владимир Абрамович хлопнул себя по карману брюк: в нём не оказалось портмоне. Мы все были в шоке: ведь мы на улице стояли вокруг нашего педагога очень близко и всё видели, но в какой момент вор сумел вытащить кошелек из заднего кармана брюк?

— Миша, — спрашивает Владимир Абрамович Ульянова, — но ты-то рядом стоял, как же так?

Ульянов тоже в растерянности:

— Я ничего не заметил, я вообще подумал, что ты его знаешь, мало ли у тебя знакомых по всему свету...

Мы все были очень расстроены произошедшим. Но не Этуш! Он весело сказал:

— Что ж, есть повод пойти в ресторан и выпить за филигранную работу нашего воришки!

Я начала работать в Театре имени Вахтангова. С Владимиром Абрамовичем мы не встречались на сцене, но я чувствовала его пристальное внимание к себе. Он приходил на мои вводы, на мои премьеры. А первым моим вводом была Адельма в «Принцессе Турандот». Легендарный спектакль, легендарные актёры на сцене. У меня есть такое свойство — я не благоговею перед кумирами, не падаю в обморок при их виде, могу их боготворить и восхищаться, но при этом учиться у них, наблюдать за их филигранной работой, стараться им соответствовать на сцене и в кадре.

Владимир Абрамович для меня — эталон Актёра. Он — глыба, человечиче, ректор, профессор, народный и знаменитый. Но когда он оказывается на сцене, для него режиссёр — генерал, а он всего лишь снайпер в режиссёрской игре. Мы начали репетировать «Дядюшкин сон», и я ещё раз поразила его высочайшему профессионализму, концентрации на сцене, умению раствориться в том, что он делает. У него было особенное свойство — он всегда смотрел в глаза партнёру. Это далеко не всем актёрам свойственно. Это качество честных профессионалов, которые всё знают про себя, которым есть что нести зрителям.

А дальше случился в нашей с ним жизни «Гольдинер» — спектакль по пьесе Виктора Шендеровича «Потерпевший Гольдинер». Для меня предмет огромной

«Потерпевший Гольдинер». С Ольгой Тумайкиной

гордости, что Владимир Абрамович сам выбрал меня в партнёрши — в спектакле, между прочим, на двух человек. Он очень хотел сыграть эту роль. Ещё до репетиций мы много говорили с ним о сюжете, о том, как нам строить отношения героев, какие варианты развития их отношений могут в принципе быть. И позже зал всегда делился на две половины: одни свято верили, что герои будут вместе, несмотря на огромную разницу в возрасте. Другая половина твёрдо была убеждена, что у наших героев будущего нет и быть не может. Это была концепция Владимира Абрамовича, он именно этой реакции и ждал от зрителей.

А для них «Гольдинер» стал настоящим потрясением. Где бы мы ни играли спектакль, а мы часто ездили с ним на гастроли, зрители шли на него в ожидании увидеть Этуша в воплощении его комического дара. А он раскрывался перед ними как большой драматический, глубоко трагический артист. И на сцене мы чувствовали это потрясение зала, звенящую тишину, долгую паузу перед взрывом аплодисментов в финале.

Однажды во время спектакля нас подвела техника — оборвался технический шнур от наушника, в который суфлер подсказывал Этушу текст. Я испугалась, а Владимир Абрамович весело шепнул мне: «Я не могу говорить!» Его эта ситуация рассмешила! Я сразу успокоилась и развернула действие так, что зритель в зале ничего не понял. И просто увезла сидящего в инвалидном кресле героя за сцену. Антракт пришлось объявить раньше времени, но второе действие мы начали с той сцены, которую не доиграли в первом акте. Он вообще был насмешливым, весёлым человеком, ему не приходилось блистать чувством юмора, оно было его сущностью. Когда я начинала философствовать, рассуждать о разных сторонах нашей жизни, он говорил: «Витиевато, как французский забор, но всё правильно!»

Он был органичен на сцене, в кадре, дома — в кругу друзей, на даче — в тулупе, в тапочках, с корзинкой; на концерте Мирей Матье, которую обожал и старался не пропускать ни одного её выступления. Всегда оставался самим собой, не «включал звезду», не кокетничал своей славой, которая была поистине всенародной.

Моей второй гордостью стало участие в фильме Сергея Батаева «Старый вояка». Сергей — молодой режиссёр, снявший фильм на тему, которая волновала его всю жизнь — про своего деда, свою семью. В роли старого вояки он видел только Этуша. Владимиру Абрамовичу тема войны была близка, он не мог не согласиться. Режиссёр предложил ему самому выбрать актрису на роль дочери — и вот я попала в фильм.

Сергей так хотел снимать Этуша, что организовал всё быстро и чётко. Съёмки шли три дня в Тверской области. И опять Владимир Абрамович меня поразил. Он всегда вовремя был готов к съёмкам, несмотря на возраст, несмотря на жару и комаров. А комары жарили так, что мы буквально не знали, куда от них деться. Однажды мы приготовились к съёмкам, а операторы никак не появлялись. Владимир Абрамович начал сердиться: «Почему не снимаем? Где все?»

На съёмках «Старого вояки». С Ольгой Тумайкиной

Оказалось, что операторы решили снять красивый кадр, им для этого понадобились рабочие леса, которые они попросили на соседней стройке. Причём за аренду лесов заплатили деньги. Но не успели операторы залезть на эти леса, как приехал хозяин стройки, страшно рассердился и леса отобрал. Прото, что за них заплатили, ему рабочие не сказали. А хозяин вошёл в раж, вызвал полицию, операторов забрали в отделение. Я рассказываю своему любимому партнёру, что операторов забрали в камеру. «За что?» — спрашивает он. «Да вот, — говорю, — они леса украли». Владимир Абрамович удивленно поднял брови. Над ним сосны шумят, он оглядывает лес вокруг нас и говорит: «А нах... им леса? Вот же они!» Шутки шутками, а мы в чём были, в костюмах, телогрейках и сапогах, поехали выручать наших из отделения. Ну, вот тут пришлось «включить звёзд»...

Вот такие «три счастливых дня» были у меня на съёмках рядом с Владимиром Абрамовичем.

Теперь, когда он ушёл на небо по своим делам, я очень остро ощущаю свою беззащитность. Я потеряла человека, за спиной которого всегда чувствовала себя в безопасности. Он прожил бесконечно счастливую и достойную жизнь, но как же его не хватает сейчас!

Наши «бои» под Тверью

Сергей Батаев

актёр, режиссёр фильма «Старый вояка»

Этот фильм — не просто моя мечта или честолюбивое желание. Я хотел снять его, потому что он — из истории моей семьи, очень важной для меня, потому что касается Великой Отечественной войны, самой трагической и священной страницы нашей истории. Мой прадед, Сергей Семенович Петрунин, вернулся раненым с войны, и всю оставшуюся жизнь он мечтал дожить до Победы. Но он умер на рассвете 9 мая 1945 года, так и не дождавшись сообщения о том, что война закончилась. Эта история всегда гвоздём сидела в моём сердце.

Я попросил мою однокурсницу Алину Галиаскарову написать по моему рассказу о прадеде сценарий небольшого короткометражного фильма, и находился в мучительных поисках главного героя.

И тут случайно попал на спектакль Театра Вахтангова «Бенефис» с Этушем в главной роли. И понял: вот кто должен играть в моём фильме старого вояку! Великий актёр, герой войны, кумир миллионов зрителей. Ни о ком другом я уже думать не мог. Но где я, молодой, никому не известный актёр, и где он — народный артист СССР!

И всё-таки решился, написал в соцсетях сообщение Елене Евгеньевне, жене Этуша. Они пригласили меня для знакомства в театр. «Вы мне нужны, Владимир Абрамович, вы и только вы», — заклинал я его. Он взял меня за руку и спокойно ответил: «Я прочитаю сценарий и дам ответ». Шансов, как я понимал, у меня было немного. Я — молодой артист, фильм — короткометражный, а знаменитые актёры редко соглашаются сниматься в таких фильмах, к тому же это мой дебют, первая попытка попробовать себя в роли режиссёра. Но Владимир Абрамович перезвонил на следующий день и дал согласие. Моему счастью не было предела!

Летом мы поехали на съёмки в Тверскую область. Съёмочных дней было немного, и условия очень непростые. В конце июня под Тверью оказалось огромное количество мошек, которые нещадно кусались. То холод, то жара, солнце то выходило из-за туч, то пряталось, создавая операторам дополнительные трудности. Но ни разу Владимир Абрамович ни на что не пожаловался, проводил на съёмках полный рабочий день от зари до зари, да ещё подбадривал и веселил молодых операторов и ассистентов.

Случилось у нас и чрезвычайное происшествие. По сюжету герой вспоминает войну и то, как он попал под обстрел и бомбежку. Мы предупредили пиротехников, чтобы они предельно корректно провели спецэффекты, постарались подальше отвести актёра от места взрыва. Но случилось так, что взрывы раздались неожиданно и прямо рядом с Владимиром Абрамовичем. Он закричал: «Кто разрешил?»

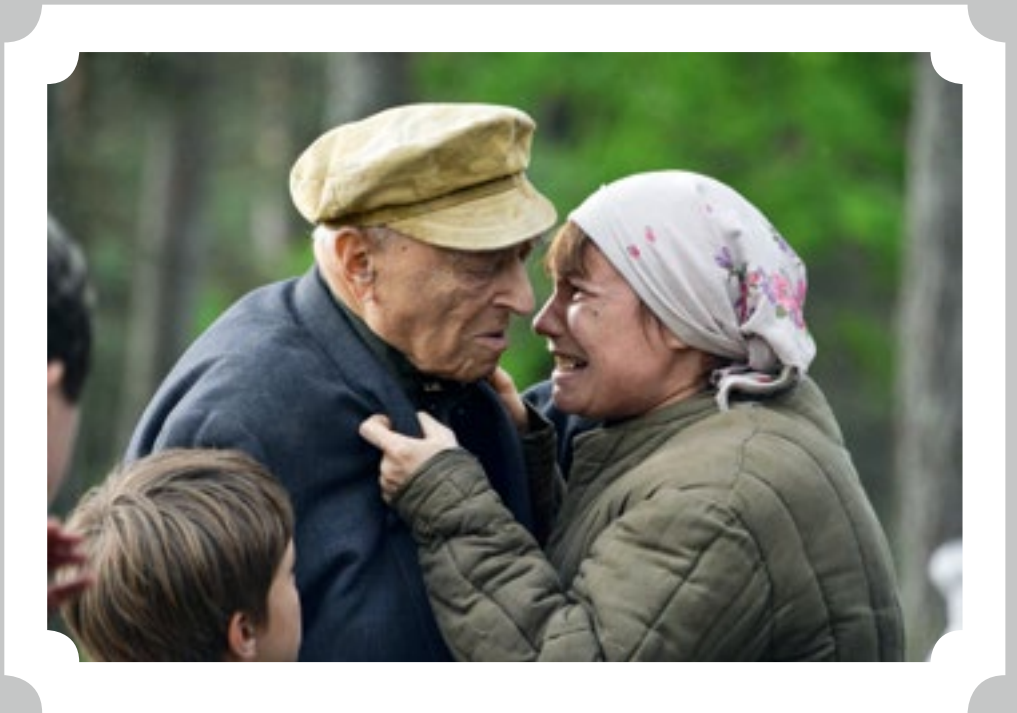
После съёмки «Старого вояки»

Кто ответственный?» Мы как по команде все отвели глаза... Эту сцену со взрывом мы потом убрали из фильма, но она войдёт в документальный фильм, посвящённый созданию «Старого вояки».

Ко мне он относился, как мне казалось, с нежностью. Называл «начальником». Когда мы отмечали окончание съёмки в ресторане в Твери, сказал, что ему со мной хорошо работалось, что ему «было красиво». Для меня эти слова чрезвычайно важны.

Одно горько: Владимир Абрамович так и не увидел фильм. Успел посмотреть только маленькие фрагменты. Фильм уже был готов, когда я приехал к Этушам, чтобы поздравить с годовщиной свадьбы. Мы договорились, что посмотрим его позже все вместе у них дома. Но через три дня великого артиста не стало. А ведь у нас были планы поработать на одной сцене, снять его ещё в одном моём фильме... До последних своих дней он играл в театре, планировал новые роли и новые спектакли. А «Старый вояка» стал последним его фильмом.

Так для меня закольцевалась история моей семьи: прадед, который несколько часов не дожидаясь Победы, и Владимир Абрамович, несколько дней не доживший до премьеры нашего фильма...

За кулисами «Гамлета»

Ольга Субботина

режиссёр

Владимир Абрамович, сам того не зная, определил мою судьбу. А получилось так.

Я уже закончила ГИТИС и вместе со своими однокурсниками-режиссёрами ушла в свободное плавание. Я училась у Леонида Ефимовича Хейфеца, это огромная школа театрального мира, и уже начала ставить спектакли как самостоятельный режиссёр — на сцене «Дебют-центра» шёл мой спектакль «Двое поменьше». И вот однажды осенью — точно помню, что это был конец сентября — раздаётся звонок. Кларисса Ивановна Столярова, помощник и личный переводчик Петера Штайна, просит меня приехать к режиссёру для знакомства. В рамках Международной конфедерации театральных союзов Штайн собирается ставить «Гамлета», и ему нужен помощник режиссёра. Владимир Абрамович Этуш, который уже был утверждён на роли Первого актёра и Могильщика, порекомендовал ему меня. Штайн обратился к Этушу за советом, потому что высоко ценил этого замечательного артиста, к тому же Владимир Абрамович тогда возглавлял Щукинское театральное училище. Авторитет его был невероятно огромным. Этуш в свою очередь обратился за советом к моему педагогу Хейфецу, который тогда возглавлял заочное отделение режиссуры в Щуке. Он-то и назвал мою кандидатуру. Леонид Ефимович знал, что я училась в школе с изучением предметов на немецком языке, а Штайну нужен был помощник с хорошим немецким языком и режиссёрским образованием.

До конца жизни буду благодарна Владимиру Абрамовичу за это счастье. В театре конечный результат и сам процесс подготовки спектакля — разные вещи. Репетиции и обсуждения великого немецкого режиссёра, его подходы к кастингу, раскадровка каждой сцены, каждого движения героя на помосте — это огромная школа, уроки, которые определили моё творческое сознание и всю мою жизнь. Я не была знакома с Этушем. Конечно, в моей семье знали и любили этого актёра за его прекрасные, незабываемые роли в кино. Но лично мы с ним познакомились на репетициях «Гамлета». Конечно, я первым делом подошла к нему и поблагодарила за рекомендацию. Он ответил как-то остроумно, весело. Я сразу почувствовала себя легко и просто, и с этого дня наши отношения складывались замечательно, мы стали друзьями.

Роль Первого актёра была задумана у Штайна оригинально. Актёр появлялся на сцене в женском платье, копируя Марлен Дитрих и напевая её шлягер «Ах, Лили Марлен!» Когда я услышала об этом решении, подумала: а согласится ли Владимир Абрамович, человек, прошедший войну, петь на немецком языке, да ещё песенку, которую так любили фашистские офицеры? Но это я была подвержена

«Гамлет». За кулисами

С Еленой Захаровой

предрассудкам и сомнениям, но не он. Владимир Абрамович бросился в роль с упоением экспериментатора! Он любил всё новое, необычное, оригинальное. Он был настоящий великий актёр.

Я была наслышана о его характере — прямолинейном и временами суровом. Но ни разу он не проявил эти качества по отношению ко мне. А я ведь была молодым, начинающим режиссёром, девчонкой для него! Но он всегда относился к моим словам и пожеланиям с огромным вниманием и, я бы сказала, почтением, работать с ним было легко и свободно. Он мог сделать замечание партнёру. Мог. Но за дело: за опоздание на репетицию, за то, что не выучил роль, пришёл на сцену неподготовленным, — тут Этуш спуску никому не давал. Он сам одержимо работал и требовал этого от других. Таким же трудоголиком оказался и Женя Миронов, исполнитель роли Гамлета. Так что в творческом плане они нашли друг друга и с первых репетиций работали слаженно и виртуозно.

Однажды на гастролях — кажется, это было в Киеве — в знаменитой сцене, когда Гамлет произносит монолог «Бедный Йорик», случился казус. Владимир Абрамович на вопрос Гамлета «Чей это череп?» оговорился и ответил: «Сына Йорика, королевского шута». Миронов замер, ведь его последующий монолог про Йорика просто терял смысл. Но Владимир Абрамович быстро нашёлся: «Мне сказали, что это череп сына, а череп Йорика лежит вот здесь. Рядом...»

С «Гамлетом» мы объехали много стран, но могли бы ещё больше. Спектакль шёл четыре с лишним часа, сцена выстроена в форме ринга, подготовка к спектаклю

С Ириной Купченко, Еленой Захаровой и Ольгой Субботиной

С Еленой Захаровой и Петером Штайном

занимала много времени и сил, не все страны и театры готовы были нас принять. К тому же после премьеры спектакль решено было сократить почти на час, эта нелёгкая работа легла на мои плечи, сам Петер Штайн не очень был доволен таким решением и согласился на него со скрипом.

Интересно он подбирал и перевод «Гамлета» на русский язык. Например, версия Бориса Пастернака, лучшая на мой взгляд, его не устроила совершенно. Ему предложили все имеющиеся переводы с русского на немецкий, и в результате он остановился на компиляции переводов разных авторов. Работал он очень своеобразно: подробнейшим образом раскладывал сцену на шаги, повороты, слова и действия, а вот эмоциональной стороны происходящего не касался вообще. Русские актёры к этому непривычны, мне приходилось самой объяснять им психологическое значение того или иного решения режиссёра.

Владимиру Абрамовичу ничего объяснять не надо было. Он каким-то своим гениальным актёрским провидением сам всё видел и тут же воплощал в своём герое. Для Штайна образ Первого актёра был чрезвычайно важен. Он нёс зрителю авторскую, главную мысль режиссёрского прочтения. Неспроста и роль Могильщика он поручил Этушу: для него в этом философском решении был заложен глубокий смысл. В «Гамлете» Могильщик выражает мысли автора, и для немецкого режиссёра было очень важно, что этим актёром был именно Владимир Абрамович Этуш.

Мы сразу прозвали его «Орлом»

Людмила Чурсина
народная артистка СССР

Последний курс Щукинского училища. Нам назначили нового режиссёра — Владимира Абрамовича Этуша. Он вошёл, нет, влетел в нашу аудиторию и начал знакомиться со студентами. Объявил, что будем ставить отрывок из «Ведьмы» А. П. Чехова. Мы сразу же между собой прозвали его «Орёл». За его цепкий острый глаз. Ну, и профиль.

В «Ведьме» мне досталась главная роль, и мы начали репетировать. Сначала он позволил нам показать, как мы собираемся играть, как представляем своих персонажей. Дал нам полную свободу на сцене. Потом он долго обсуждал с нами героев. Буквально каждое слово — почему он думает так, а не иначе, почему ведёт себя вот так, а не эдак... Но самое интересное началось, когда он стал показывать нам, как надо играть. Вот представьте, такой красивый, крупный, мужественный человек изображает мою героиню — дьячиху Раису Ниловну, даму тонкую и эмоциональную. Владимир Абрамович показал её так, что мы, готовые посмеяться, увидели совершенно точный и абсолютно женский образ. В этот момент, я думаю, мы всем курсом и влюбились в него.

Во всяком случае, девчонки его обожали. Поклонялись и не дышали. Ловили каждое слово. Надо ещё понимать, что Этуш был невероятно красивый мужчина,

великолепно, со вкусом одетый, всегда в начищенных до блеска ботинках, запах его парфюма летел за ним по коридору училища, а мы только тихо вздыхали и гордились таким педагогом. Он, конечно, видел наше обожание, наши влюблённости. Относился к этому с тихой тёплой иронией, очень ровно, всегда обращался со всеми студентами на «вы» и всегда уступал место женщине, будь это педагог, студентка или уборщица, если с ней сталкивался в узких коридорах училища или в дверях. Он делал такой изящный жест рукой — прошу! Руки у него были тоже необыкновенно красивые.

В Вахтанговском театре есть такая традиция: многие студенты театрального вуза, училища имени Щукина, остаются в труппе театра. Но на последнем курсе к нам на один из показов приехал Павел Хомский, тогда главный режиссёр ленинградского Театра имени Ленинского комсомола. Он предложил мне после окончания училища работать в его театре. Так что моя судьба была решена, и когда все бегали с показами по театрам, я не очень волновалась. С одним из наших педагогов, Еленой Александровной Полевицкой, мы ставили отрывок из пьесы Виктора Гюго «Мария Тюдор», и мой партнёр Паша Цитринель уговорил меня показать этот отрывок в Вахтанговском театре, о котором он бредил и мечтал тут остаться. Я уже немного знала театр, играла в масовке, получала небольшие роли, поэтому попросила девочек из костюмерного цеха подобрать мне платье непременно из бархата и непременно красного цвета, как должна быть одета английская королева. Мне такое платье нашли, но размера примерно 60-го, я могла

три раза в него завернуться. И вот мы вышли на сцену, в зале — все мастера Вахтанговского театра, в том числе главный режиссёр Рубен Николаевич Симонов, актёры, и Владимир Абрамович Этуш в их числе. Занавес ещё не открыт, я вижу, что лежанка, вокруг которой разворачивается всё действие, стоит не так, не той стороной. Тогда я завернула подол платья на голову, чтобы удобнее было двигать мебель, и начала поворачивать диван. В это время пошёл занавес. Я почему-то была очень спокойна. Поставила лежанку на место, и мы начали играть... Смешки в зале затихли. Наступила полная тишина.

Прошло пару дней, и вдруг мне передают, что Рубен Николаевич Симонов вызывает меня к себе. «Наверное, хочет сказать мне, чтобы я на пушечный выстрел не приближалась к Вахтанговскому театру», — подумала я. Но к моему великому удивлению главный режиссёр предложил мне работать в своём театре. Я начала лепетать, что уже дала согласие на Ленинград, что, мол, Хомский приехал, и всё такое... Но Рубен Николаевич меня прервал и очень мягко заметил,

что Театру имени Вахтангова, как партнёру Щукинского училища, принадлежит «право первой ночи».

И тут я вдруг обнаглела и попросила, чтобы в театр на любую должность взяли бы мою подругу и однокурсницу Эллочку Шашкову. Мы с ней вместе снимали комнату в Филях, очень сблизились и поклялись никогда не расставаться. На моё счастье Элеонору взяли в труппу, и она до сих пор играет в этом замечательном театре.

Я вспомнила про этот показ не случайно. Когда в следующий раз мы с Владимиром Абрамовичем репетировали отрывок, он сказал: «Вот в роли королевы вы были очень убедительны, помните, с этим платьем на голове?» «Что ж вам так понравилось там?» — удивилась я. «Вы были конкретны в своих целях, вы знали, чего вы хотите добиться и как. Вот так и в роли — нужно быть предельно конкретным, понимаете?»

Это была изумительная школа великого Мастера, которая помогала мне потом всю жизнь. К сожалению, я недолго проработала в Вахтанговском, и на сцене с моим мастером мы ни разу не встретились. Но бывали вместе на гастролях, сталкивались в коридорах, общались, я очень дорожила нашей дружбой.

Через два с половиной года я ушла из Театра имени Вахтангова. Мой муж, режиссёр Владимир Фетин, работал на Ленфильме, и мы решили, что я должна переехать к нему. В театре не поверили, что я уйду в никуда, все решили, что меня переманил Георгий Товстоногов. Но в Ленинграде я изредка играла в спектаклях как приглашенная актриса, снималась в кино. Случались годы, когда работы не было вообще. Товстоногов, правда, однажды пригласил меня в свой театр. Он собирался ставить «Оптимистическую трагедию», меня он видел в роли Комиссара. И мы уже начали репетиции... Но я вдруг испугалась. Бог знает чего! Ответственности? Или давил авторитет знаменитого театра и его великого режиссёра? Кто знает, откуда в нас берутся страхи и почему они живучи?

Когда Театр Вахтангова был на гастролях в Ленинграде, мы встретились с Владимиром Абрамовичем, и он настойчиво, я бы даже сказала, сердито спрашивал, почему я не в театре. «Вы, такая сильная, — сердился он, — такая красивая, способная!» Но что я могла ему ответить? Рассказывать про страхи?

Я понимала, что Владимир Абрамович выделяет меня из всего своего окружения, я это ещё в училище чувствовала, когда сталкивалась с ним глазами. Ну, а я... Я говорила уже, что обожала его. А всё остальное... Пусть это навсегда останется между нами.

Поживите с моё...

Ирина Купченко
народная артистка России

Мы с Владимиром Абрамовичем много встречались на сцене. Но хочу сказать и о том, что мы много вместе ездили на гастроли. А в гастрольной жизни, когда ты видишь человека не только на сцене, но и вне её, когда можешь оценить, как он поступает в тех или иных обстоятельствах, как переносит неизбежные иногда трудности гастрольной жизни, вот тут и можно понять его истинную сущность. Была у нас постоянная шутка во время гастролей: я рассказываю ему что-то, а он с удивлением — «Ирочка, откуда ты всё это знаешь?» Я ему с его интонацией: «А вы поживите с моё, Владимир Абрамович!» Все смеялись!

Владимир Абрамович был солдатом до последнего дыхания. Он и умер на посту — практически до последнего играл на сцене. Иметь такого партнёра, такого товарища по театру — счастье. Мы много играли вместе — в спектакле «Белый кролик», в «Гамлете» Штайна, в «Пристани». Я считаю, что роль в «Пристани» — это верх актёрского мастерства. Я всегда относилась к нему с огромным пиететом, уважением и любовью.

Голос Этуша

Татьяна Агаева

заведующая музыкальной частью Театра им. Евгения Вахтангова, заслуженный деятель искусств России, профессор, заведующая кафедрой музыкальной выразительности Театрального института им. Бориса Щукина

Меня пригласили в Театр Вахтангова, когда здесь решили ставить музыкальный спектакль по произведениям Исаака Бабеля «Закат». Ставил его режиссёр Аркадий Кац. Михаил Александрович Ульянов, который был тогда художественным руководителем театра, пригласил его из Риги, где в драматическом театре уже шёл с триумфом этот мюзикл на музыку Александра Журбина.

Тогда я и познакомилась с Владимиром Абрамовичем. Ему предстояло сыграть роль Арье-Лейба, исполнить сложную старинную еврейскую песню без музыкального сопровождения, то есть а капелла. Владимир Абрамович сразу подошёл ко мне и сказал, чтобы я не тратила на него время и силы, поскольку спеть он ничего не сможет, голоса у него нет, слуха тоже. Но когда мы начали работать, я поняла, что он ошибается. Он тонко и хорошо исполнил песню, причём в это время должен был по сюжету пьесы идти не спеша через всю сцену. Я потом спросила его: «Отчего вы сомневались? У вас прекрасно всё получается». Он ответил, что ещё в студенчестве однокурсники подтрунивали

над ним, когда на музыкальных занятиях ему приходилось что-то петь. Вот этот страх остался на всю жизнь. Я теперь своим студентам часто рассказываю этот случай, предостерегаю их, чтобы не насмешничали друг над другом, это надолго остаётся в памяти.

Я не собиралась задерживаться в театре. По специальности я хоровой дирижёр, работы было много. Но в театр пришел Пётр Наумович Фоменко, начались репетиции спектакля «Без вины виноватые». В спекле предполагалось много музыки, пения, и мне предложили работать с этим спектаклем. А ещё через какое-то время Владимир Абрамович спросил, не хочу ли попробовать поработать со студентами в руководимом им Театральном училище имени Щукина. Вскоре я возглавила там кафедру, эта работа так увлекла, что я и не заметила, как прошли все эти годы...

С Этушем работать было чрезвычайно интересно. Говорят, что студенты его боялись. Я этого не видела и не чувствовала. Он обладал таким огромным достоинством, перед которым все преклонялись, это да. Но не боялись! Благодаря своему авторитету Владимир Абрамович сделал очень много для училища, и это понимали все, включая студентов.

И ещё он был дипломатом. Театральное училище имени Щукина — это такое «домашнее» учебное заведение Вахтанговского театра. Многие преподаватели и заведующие кафедрами — актёры театра. Этуш тоже актёр, и сумел таким образом выстроить отношения в коллективе, что актёрские и преподавательские амбиции никогда не сталкивались, никогда не смешивались. В театре — актёры, в училище — педагоги, и эта иерархия у Этуша была выстроена очень строго.

После «Заката» и его триумфального успеха Владимир Абрамович хотел ещё раз испробовать свои музыкальные способности. И когда мы начали подготовку к спектаклю «Дядюшкин сон», попросил добавить ему музыкальный номер. Я долго подбирала музыку и остановилась на «Вечерней серенаде» Франца Шуберта. Получилась забавная и трогательная сцена. В песне есть такие слова: «В роццу легкую стопою ты приди, друг мой...»

Помню, пианистка рассказывала, как Владимир Абрамович спрашивает её: «Катя, куда я иду?» Она объясняет: «Выходите из-за кулис, проходите, спускаетесь по лестнице...» «Это я понимаю, — говорит Владимир Абрамович, — но куда

«Закат». С Александром Филиппенко

я иду?» Она опять ему объясняет его проходы по сцене. «Да нет, Катя, куда я иду лёгкою стопою?» Катя поняла: «В рощу, Владимир Абрамович, в рощу!»

Он был великий актёр, но как жадно он учился новому, как ему всегда хотелось попробовать такое, чего он никогда не играл! Вот так и с музыкой было. Ему хотелось петь! И практически во всех последующих постановках он пел. И записал даже песенку для традиционного новогоднего диска, который выпускал театр каждый год. Помню, что Владимир Абрамович очень забавно и трогательно спел про «пять минут».

Вообще, у Этуша был удивительный голос. Не тогда, когда он пел, а когда говорил. Ведь он практически никогда его не повышал, говорил тихо, но слышно его было в каждом уголке зала. На самых последних рядах!

Он хорошо чувствовал темпоритм, в котором существовал легко и свободно. Он никогда не торопился, у него не было стремления выделять какие-то фразы громким голосом. И от этого воздействие его игры, его присутствия на сцене было ещё сильнее.

В одних колготках

Галина Бажанова

заведующая костюмерным цехом
Театра имени Евгения Вахтангова

Первый раз на сцене я увидела Владимира Абрамовича Этуша в спектакле «Западня». Он играл с Ларисой Пашковой, это была серьезная драматическая роль. Это был шок, потрясение, которое осталось со мной на всю жизнь.

Девочкой я посмотрела фильм «Идиот» и с того момента решила стать актрисой. Я понятия не имела, что и Юрий Яковлев, и Юлия Борисова — актёры Театра Вахтангова, с которыми я буду работать в одном театре.

Но судьба, как говорится, вела. Я вышла замуж, переехала в Москву, родила сына. Мы жили на Новолесной улице. А это недалеко от центра, от улицы Горького. И вот однажды, когда сын уже подрос, я решила всё-таки попробовать найти работу в театре. Понятно, что актрисой я уже не стану, но мечта о театре осталась: я готова была работать там хоть кем! И вот я обошла все театры, что находились в центре, — Сатиры, Моссовета, Станиславского, Пушкина, МХАТ... Но ни в один театр меня не взяли. Причина: маленький сын может болеть, а это значит — бюллетени и отсутствие на работе. Тогда вообще иметь детей у работников театра

почему-то считалось чуть ли не преступлением, и многие актрисы ради карьеры на сцене отказывались от материнства совершенно сознательно.

Меня ни один театр не взял. И однажды, гуляя с сыном, я познакомилась с женщиной, рассказала ей о своей мечте работать в театре, она меня спросила: «А вот есть Театр Вахтангова, вы там были?» А я о таком театре даже не слышала. Она мне призналась: «Там работает моя любимая актриса Людмила Максакова». Тогда как раз вышел на экраны фильм «Неподсуден» с Максаковой и Олегом Стриженовым в главных ролях, и актриса была очень популярна.

Я побежала в театр на следующий же день — так велико было моё желание оказаться возле сцены. И случилось удивительное: начальник отдела кадров вызвал главного костюмера и сказал: «Вот тебе девочка в цех». Так я начала работать, и я влюбилась в эту работу — и в театр, и в своих коллег. Я готова была работать и в выходные, а в эти дни самая работа — несколько спектаклей, тут нужна и память, и сноровка, и, самое главное, любовь. Так я работаю в Вахтанговском 48 лет.

Довольно быстро меня определили на работу с мужчинами-актёрами, и этими актёрами оказались Михаил Ульянов, Василий Лановой, Николай Гриценко и Владимир Этуш. Я сразу же начала работать на спектакле «Мещанин во дворянстве», главную роль в котором играл Владимир Абрамович. Этот спектакль в то время был, что называется, выездной, мы играли его на сцене Театра имени Моссовета. Первое моё впечатление: Этуш очень строгий. Его побаивались все, даже его коллеги, что уж говорить обо мне, совсем ещё девчонке. На первом нашем общем спектакле я засуетилась, руки дрожат. А он спокойно мне сказал: «Успеем, Галя». И всё — с тех пор мы работали душа в душу практически всю нашу жизнь.

У Владимира Абрамовича с молодых лет была привычка: в антракте ему надо было непременно прилечь на диванчик. Может, это раны с войны давали

о себе знать (он об этом никогда не рассказывал), но полежать хотя бы минут десять ему было необходимо. И вот однажды на гастролях в Киеве он прилёг и задремал. Я его тормошу: «Владимир Абрамович, третий звонок». Он рукой махнул, как всегда: «Успеем». А в спектакле сложные исторические костюмы, там за пять минут не справишься. В общем, вскочил мой Владимир Абрамович с кушетки и пряником на сцену, как был: в колготках без кюлотов. Хорошо, что там была сцена, когда его герой приходит к портному и его вид неглиже был как будто уместен. Зритель ничего не понял, а я стою ни жива ни мертва. Думаю: ну всё, сейчас меня уволят. Но Этуш был не только великим артистом, он был великим человеком. Он сказал, что во всём виноват он и «Галя здесь ни при чём».

Когда мы начали репетировать новый спектакль «Дядюшкин сон», тоже сложный по костюмам и числу переодеваний, Владимир Абрамович сказал: «Я хотел бы работать только с Галей». Для меня это было высшее признание и высшая оценка.

Да, он был строгим. Но эта строгость распространялась и на него самого. Он никогда не опаздывал, приходил в театр за полтора часа до начала спектакля. Готовился. Я уже всегда ждала его, знала, что он захочет посмотреть костюм или какую-то деталь — бабочку там или галстук. Это сейчас молодые могут прибежать перед третьим звонком, да ещё взмыленные после каких-нибудь съёмок. Атланты Вахтанговского театра, к которым я, конечно, отношу и Владимира Абрамовича, никогда себе такого не позволяли, для них спектакль вечером был священным, а театр — храмом.

Этуш поражал тем, что всегда был одёт с иголочки, всегда модно: костюм, жилетка, ботинки в тон. Он много снимался, хорошо зарабатывал, и многие из театра иногда брали у него займы. И я в том числе, конечно, в трудную минуту могла перехватить у любимого артиста. Он никогда не отказывал. Но был педантом: просил вернуть в срок и не любил, если эти сроки нарушали.

Я по глазам видела, в каком настроении он заходил в гримёрку. Сразу понимала: сегодня он будет собираться на сцену молча. И сама молчала, если он первым не начинал разговор. Но чаще всего он был в хорошем настроении, расспрашивал, как семья, как дети. Он хорошо знал всех моих, тем более, что мой муж позже стал работать шофёром в театре и часто возил Владимира Абрамовича.

После спектакля всегда дарил цветы. Их обычно приносили зрители в огромных количествах. Принесёт в гримёрку, положит все на стол: «Галя, выбирай!» Мне неловко было, ведь зрители от чистого сердца несли любимому артисту охапки цветов. Не помню, чтобы уезжал без букетов, вечно гримёрка была завалена, как хороший цветочный магазин. Зрители его обожали!

Стипендия имени ректора

Александр Олешко
заслуженный артист России

В 1995 году я стал студентом Театрального училища имени Бориса Щукина. Студенческий билет мне вручал легендарный народный артист СССР, ректор училища Владимир Абрамович Этуш. Вместе с моим художественным руководителем курса, Владимиром Владимировичем Ивановым, Этуш поставил мне только одно условие: меня принимают учиться, если уйду с телевидения. К тому времени я уже закончил эстрадно-цирковое училище и вёл ежедневную телевизионную программу. Я согласился не раздумывая. Конечно, я терял материальную основу своего существования, но понимая, как мне не хватает актёрского образования, решил начать новую жизнь.

Театральная, вахтанговская школа в итоге перепахала меня вдоль и поперёк. Разобрала на части и собрала снова. Я стал совершенно другим человеком!

С Натальей Селезнёвой, Валентиной Талызиной и Александром Олешко

Это было сложное время, середина 90-х. Этуш как руководитель училища мудро и достойно вёл наш корабль во время постоянного шторма. Благодаря авторитету и любви не только зрителей, но и чиновников, и новоявленных бизнесменов, ему удалось присоединить к училищу ещё одно здание, известное как Шалапинской дом. Экономически жилось очень тяжело, и Владимир Абрамович принял решение сдать первый этаж нового здания под ресторан. При этом выдвинул требование: официантами там будут работать студенты нашего училища. Многим из нас эта подработка просто спасла жизнь. Время было голодное, после занятий я бежал в ресторан и работал до двух, трёх ночи, спал часа три-четыре — и снова «за парту».

Учился я усердно. Настолько, что стал получать повышенную стипендию имени Этуша. Ректору удалось подтянуть спонсоров, которые выделяли какие-то средства, и эти деньги шли студентам на стипендию.

Так постепенно я узнавал Владимира Абрамовича не только как актёра, но и как человека, удивительно цельного, достойного, делового, талантливого. Он раскрывался мне как интереснейшая, редкая книга. Мы, студенты, его побаивались, но ровно до той минуты, когда он приходил в аудиторию и начинал заниматься, репетировать, готовить театральные отрывки. Всегда с иголки одет, в великолепно подобранном костюме и накрахмаленной рубашке, изысканном галстуке, начищенной обуви. Мы восхищались им, а многие девочки, полагаю, были в него влюблены. Обаяние его личности было огромным!

А уж про популярность и говорить нечего. Мы с ним однажды ехали на концерт, машина встала перед шлагбаумом, и милиционер отказывался нас пропустить. А мы опаздывали! Владимир Абрамович только слегка приоткрыл окно с той стороны, где сидел, и не успел сказать ни одного слова, как милиционер отдал честь и поднял шлагбаум. Я лично был этому свидетель! Конечно, зрители знали и любили его за работы в кино, за товарища Саахова и Карабаса-Барабаса. А я в то время открывал для себя Этуша ещё и как большого театрального актёра. На спектакль «Будьте здоровы» ходил каждый месяц. Вроде бы комедия, смешная пьеса, но когда Этуш произносил монолог про деньги, зал замирал. Он комедийную роль мог поднять до высокого философского уровня.

Педагогом он был строгим. Дважды выгонял меня из аудитории. Как-то мы репетировали концерт ко дню рождения училища, он заметил у меня непроглаженный воротничок рубашки. Любая неопрятность вызывала у него отторжение, он сам — образец чистоты и аккуратности — не мог терпеть отсутствие этого у других. Я это навсегда запомнил...

Второй эпизод случился на репетиции. Владимир Абрамович ставил на нашем курсе отрывок из «Мёртвых душ», я играл Чичикова. Уставал страшно, ведь по ночам подрабатывал официантом. И однажды позволил себе прийти на репетицию, не выучив роли. «Не знаешь текста?» — спокойно спросил педагог. «Не знаю, Владимир Абрамович», — честно признался я. Он не закричал, как можно было ожидать. Он встал из-за стола и спокойно попросил меня подойти.

Ну, думаю, сейчас будет репетировать со мной проходы и движения. Но он схватил меня повыше локтя своей сильной рукой, шваркнул что есть силы о сейф, который почему-то стоял в репетиционном зале. И выгнал. Я не обиделся на него, я сделал выводы. Да, было больно, но я навсегда запомнил: приходите на репетицию нужно подготовленным.

Когда я стал играть в Театре имени Вахтангова — о чуде и счастье! — мне определили место в гримуборной Этуша, за его столом. Всякий раз, когда я сажусь на его стул или вглядываюсь в зеркало, в которое смотрелся мой учитель, я вспоминаю его с нежностью и благодарностью. Как же мне повезло знать такого человека! Учиться у него, дружить с ним! Однажды на день рождения я подарил ему маленькую пальму в горшочке. Он сказал: «Поставлю её на кухне на подоконник и буду следить, как она растёт. И как ты растёшь — тоже буду следить». С тех пор каждый раз на его день рождения я дарил ему пальму, а на 90 лет притащил на сцену огромное дерево в кадке. Такая у нас сложилась традиция.

Я очень рад, что успел много раз признаться ему в любви и моём огромном уважении. Я благодарен его жене Елене, которая в последние годы стала по сути его главным помощником, продлила его творческую жизнь. Я успел признаться им обоим в своём огромном почтении и уважении к их семье. Однажды я зашёл в гримерку, где Владимир Абрамович готовился к роли пожарника в «Бенефисе», был уже загримирован и в костюме. Он посмотрел на меня острым глазом и сказал своим ироничным тоном: «Что, всё прыгаешь?» Я ответил: «Так есть с кого брать пример, Владимир Абрамович!» Он был доволен.

Через дорогу, в Доме актёра...

Елена Ульянова

художник, дочь народного артиста СССР Михаила Ульянова

Для меня Владимир Абрамович Этуш долгое время был не народный всеми обожаемый артист, не Карабас-Барабас, не строгий ректор Щукинского училища, а просто дядя Володя. Не скажу, что мои родители тесно дружили с семьёй Этуш, но они приятельствовали, тем более наши дачи находились по одной дороге, и в гости друг к другу ходили часто. Гуляли, пили чай на веранде, играли в карты — обычная жизнь!

С Михаилом и Еленой Ульяновыми

Мама рассказывала, что однажды она полола грядки, и вдруг раздался стук в калитку. Она открыла — на пороге стояли Этуш с женой Ниной. Они были очень взволнованы. Отца не было дома, и мама с тревогой спросила: «Володя, что случилось?» Володя радостно объявил: «Мише дали „Народного СССР“! Только что сказали по радио, он знает? Зови, отмечать будем!» Отца не было дома, он, конечно, ничего не знал, и они сели отмечать это радостное событие без него. Скоро отец приехал. Страшно удивился: сидят соседи среди белого дня и пьянствуют! В общем, отца поздравили и праздник продолжался...

Владимир Абрамович много разных забавных историй знал про отца и смешно их рассказывал. Когда мы уже работали вместе в Доме актёра, нам часто вдвоем приходилось появляться на людях. Он всегда представлял меня одинаково: «Вы знаете, чья это дочь? — вопрошал он театрально, — это дочка самого Михаила Ульянова!» И дальше следовала история: «Когда она родилась, мы были на гастролях. Прилетели в Москву на самолёте, Алла, жена Ульянова, встречает нас в аэропорту с завёрнутой в пелёнки Леной. Она протягивает сверток Михаилу Александровичу, а у него слёзы брызнули из глаз!» Эта великолепно исполненная актёрская реприза всегда имела успех, и даже когда к нам в театр пришел Сергей Михайлович Миронов, лидер партии «Справедливая Россия», мы показывали ему какую-то выставку, Владимир Абрамович опять завел свою историю: «А вы знаете, чья это дочь? Когда она появилась на свет...» Ну, уж при словах «и слёзы брызнули у него из глаз» Миронов сам готов был расплакаться!

С Еленой Ульяновой

Я не была театральным ребёнком в полном смысле этого слова. Я вообще им не была. Мои родители всячески отгораживали меня от театра, не водили за кулисы, укладывали спать, когда приходили в гости актёры, и вообще категорически не хотели, чтобы я имела к театру отношение. И они своего добились, я работала всю жизнь в другой сфере, последние 12 лет — арт-директором в газете «Аргументы и факты». Ушла оттуда сознательно и добровольно: стало скучно, потом заболел отец, и надо было возить его по больницам и врачам. Прошло какое-то время, и меня Владимир Абрамович позвал на работу в Дом актёра, где только что стал директором. Мою кандидатуру подсказала ему Галина Львовна Коновалова, большой друг нашей семьи, которая после смерти родителей стала дружить со мной и очень волновалась, что я не устроена и нигде не работаю. Она и посоветовала Этушу взять меня на работу в Дом актёра. Администраторский опыт у меня большой. Опять же фамилия. Владимир Абрамович пригласил меня на собеседование к себе домой. Мы пили чай и долго разговаривали. Я не рвалась на работу, но мне было очень интересно приблизиться к тому миру, который от меня всю жизнь скрывали родители, новое дело привлекало, к тому же Этуш умел обрисовать перспективы и завлечь идеей. И потом, я всегда хотела работать с людьми с непреерекаемым авторитетом, которых уважала, у которых есть чему учиться и есть чем восхищаться. Этуш был именно такой, и я, долго не раздумывая, согласилась.

Конечно, Владимир Абрамович оказался не Сахаром Медовичем. Он умел быть грозным и жёстким. Но как-то сразу и бесповоротно он принял меня, я стала для него своей, и он открылся мне совершенно с другой, человеческой стороны. Он великий актёр, бесспорно, но он оказался и великим человеком. С ним было интересно говорить о чём угодно, с ним было легко и понятно. Я всё время невольно сравнивала его с отцом, которого недавно потеряла. Они, конечно, разные по характеру, отец более мягкий и добрый, но кто сказал, что все должны быть такими? Владимир Абрамович заменил мне отца, и два года работы в Доме актёра рядом с ним были счастливейшими годами в моей жизни.

Он многому научил меня. Я, например, не умела выступать публично. Он не то что заставлял меня, но подстраивал ситуации, когда я вынуждена была выходить на сцену. Потом он довольно подробно разбирал то, что я сказала не так, где затянула паузу, где неправильно понизила голос. Сам он был блестящим оратором. Мог в любой момент выйти на сцену и сказать не затрёпанное или затаканное слово, а найти такие, чтобы люди в зале слушали и поняли мысль, которую до них хотят донести. Таким же талантом импровизации обладал и мой отец. Я всегда восхищалась, как он придумывает нужные слова, пока идёт на сцену на каком-то мероприятии. Я же говорю, они были очень похожи — отец и Владимир Абрамович.

Мы многое напридумывали и многое хотели сделать в Доме актёра. Что-то успели, что-то нет. Столкнулись с проблемами. Мы назначили аудиторскую проверку, которая выявила определённые нарушения. Конечно, многим это не понравилось. Владимиру Абрамовичу устроили неприличную порку на правлении Дома актёра. Это было ужасно несправедливо и жестоко. Этуш, конечно, знал, что многие будут недовольны проведённой финансовой проверкой и её результатами, но что они устроят такую бойню... Его же и обвинили в том, что он не сумел выстроить финансовую базу и допустил отток денег. Этуш шваркнул папку с документами об стол — и ушёл. Я тоже написала заявление об уходе. Некрасивая была история, отвратительная. Знаю, что Владимир Абрамович после этого со многими членами правления не разговаривал, Марку Захарову, Олегу Табакову, Александру Ширвиндту руки не подавал при встрече. Такой уж он был человек, Владимир Абрамович Этуш.

Я подумала тогда, а если бы отца назначили директором Дома актёра, как бы он поступил? Да точно так же! Так же бы шваркнул папкой по столу и ушёл!

Он для меня навсегда останется образцом порядочности и честности. Так редко встречаются теперь эти качества! Мне повезло, я знала такого человека, дружила с ним, любила его. Однажды увидела его в День Победы при всех орденах — там на пиджаке места свободного не было! У меня слёзы навернулись на глаза, я подумала, что за каждым орденом или медалью стоит нечеловеческий труд, подвиг, удивительная стойкость духа. Хотя скорее всего Владимир Абрамович всех этих высоких слов не любил.

В одном доме

Сергей Трофименко

бывший зять Владимира Этуша

Мне повезло: я шесть лет жил в одном доме, в одной квартире с семьёй Владимира Абрамовича, буквально бок о бок, общался с ним, не понимая тогда, что обаяние этой огромной личности окажет огромное влияние на мою судьбу и на всю мою жизнь.

Изначально мы были соседями, жили в соседних домах на Ленинском проспекте. Я никогда не встречал его во дворе, но знал, конечно, по ролям в кино, да кто не смотрел тогда «Кавказскую пленницу» или «Иван Васильевич меняет профессию»! Но с его дочерью Раяй мы регулярно пересекались: я выгуливал свою собаку, а она прогуливалась со своим пуделем. Так на собачьей площадке мы и познакомились, родилась симпатия, начались ухаживания. Мне 22 года,

я студент МГИМО, ей — 19, она — студентка Щукинского училища. Моя мама была не в восторге от нашего решения пожениться, потому что считала, что актриса не самый подходящий для меня вариант. Мама преподавала в МГИМО и хотела, чтобы моя жена тоже была с дипломом этого вуза.

А вот родители Раи — Нина Александровна и Владимир Абрамович — меня приняли очень хорошо. Как раз в этот момент из семьи ушёл мой отец, ситуация для меня сложилась драматическая, поэтому моя новая, очень тёплая семья стала каким-то убежищем от переживаний. Владимир Абрамович принял меня абсолютно по-родственному и вскоре фактически заменил мне отца.

Свадьбу мы играли в два этапа. Сначала для родственников и друзей родителей в ресторане Дома литераторов, потом у нас дома для моих однокурсников и Раиных подружек.

Поселились мы в большой квартире Этушей. Снимать жильё нам было не на что, я работал корреспондентом в Агентстве политических новостей, Рая ещё училась. Целыми днями мы работали, но в выходные очень часто собирались за семейными обедами, общались, иногда принимали гостей.

Нина Александровна Крайнова

В доме был абсолютный культ Владимира Абрамовича. Вся жизнь семьи подчинялась его режиму, расписанию его спектаклей. Днём Владимир Абрамович обязательно отдыхал, и в эти часы в доме воцарялась полная тишина. Такой режим не подвергался сомнению, он был совершенно естественным: Этуш — главный добытчик и зарабатыватель денег, великий артист и хозяин дома. Но в семейном общении он был достаточно прост, любил шутки, компании, иногда мог выпить рюмку крепкого напитка. Кстати, именно на эту тему он преподавал мне первый урок. По молодости в компании я однажды выпил лишнего, очень навеселе пришел домой. На следующий день тесть не то что сделал мне замечание, он между прочим заметил, что настоящий мужчина всегда должен контролировать степень принятого градуса. Сам он мог выпить, в том числе и со мной, но я никогда не видел его нетрезвым, он всегда выглядел с иголки. Последние годы жизни он прекратил пить крепкие напитки, перешёл на лёгкое *prosecco*, на которое подсадил и меня. Я теперь в любой компании предпочту именно это лёгкое вино. Помню, однажды он лежал в больнице, я позвонил, чтобы узнать, не надо ли чего привезти. Ответила Лена, его жена, которая всегда находилась рядом с ним, но он услышал мой голос и громко крикнул: «Привези просекко!»

Тесть был для меня примером во всём. И образцом настоящего мужика. Он часто это повторял: «Главное, всегда оставаться мужчиной». И я это крепко запомнил.

Дом Этушей отличался стерильной чистотой. Фанатом этой стерильности был сам Владимир Абрамович, чистоту наводила и поддерживала моя теща

Семья Хосорн: дочь Раиса с мужем Бучем и сыном Джеймсом

Нина Александровна. В моём доме такого не было, моя мама, прекрасный человек и чудесная женщина, была как бы антиподом тётки. Помню, Нина Александровна однажды зашла к нам в гости по-соседски. У нас тогда в квартире обитали два хомячка. И один из них, Иван Иванович, внезапно пропал. Мы долго его искали, но не нашли. И вот приходит тётка, мама начинает угощать её чаем. Достает варенье из шкафа, наливает его в вазочку и... оттуда вываливается засахаренный Иван Иванович. Что было с Ниной Александровной — не передать словами! По-моему, с тех пор она к нам больше не заходила, хотя с мамой они оставались очень дружны. Мама настолько полюбила Раю и всю семью Этушей, что обиделась на меня, когда мы с Раей расстались. Не разговаривала со мной некоторое время и поначалу не приняла мою вторую жену.

Прожили мы с Раей недолго — около шести лет. Владимир Абрамович в то время получил квартиру в Гранатном переулке, где жил до конца своих дней, а нам с Раей пробил однокомнатную в том же доме. Но наш брак логично подошёл к финалу: слишком мы были разные, у нас были разные интересы, и мы жили в невероятно далёких друг от друга сферах. Я работал, как все советские люди, с 9 до 19, часто дежурил в редакции, много ездил

в загранкомандировки, иногда надолго — по полгода и больше. Рая работала в Театре сатиры, и у неё была своя жизнь, абсолютно от меня далёкая. Владимир Абрамович со мной тему развода не обсуждал и ничего, ни слова мне по этому поводу не сказал. Вот с ним было жалко расставаться, от сердца отрывал кусок!

Он всегда придерживался высоких нравственных принципов, и все люди вокруг тоже невольно подтягивались до них. Помню, к нам в гости пришёл в числе наших с Раей друзей один мой приятель, человек женатый. Но пришёл не с женой, а с подругой. И весело её всем представил. Владимир Абрамович ничего не сказал, конечно, но на следующий день заметил: «Негоже приходить в семейные дома с любовницей». Напомню, это были советские времена, тогда люди не так беспечно относились к личной жизни, как сейчас.

После нашего с Раей развода мы с Этушем долго не виделись. Я работал шесть лет в Южной Америке, много ездил. Но с Раей мы остались друзьями, общались, перезванивались. Она вышла замуж и уехала с мужем-американцем в США. А в один из своих приездов пригласила меня в дом к своему отцу, сказала, что папа хочет меня видеть. Я, конечно, с удовольствием приглашение принял. А когда мы с Владимиром Абрамовичем встретились, было ощущение, что мы не расставались все эти годы, мы не могли наговориться. Я тогда подумал, наверное, он меня любит, как я люблю его.

И с тех пор мы стали снова крепко дружить. Я часто бывал у него дома, на даче, смотрел все его премьеры и старые спектакли, и не по одному разу. Радовался, что в возрасте, близком к 90, он сыграл больше главных ролей, чем в молодости. Одна премьера у него выходила за другой: «Пристань», «Окаёмовы дни», «Потерпевший Гольдинер», «Бенефис». В какой-то мере он, наверное, заслуживает книги рекордов — ну, какой ещё артист на планете сыграл в 90 лет столько премьер, да ещё и главные роли!

Я бесконечно ему благодарен за то, что он был в моей жизни. Что сыграл в ней колоссально важную роль. Научил меня стойко переживать жизненные неурядицы: сам он до конца оставался борцом. Был абсолютно бескомпромиссным, иногда жёстким и строгим, но всегда стойким и верным своим принципам. Этому всему я у него и учился.

Последний раз я навещал его за два дня до его ухода. Он был в тяжёлом состоянии. Мне кажется, что даже не узнавал меня. Около него неотступно находилась Лена, его жена и ангел-хранитель. В какой-то момент она вышла на минутку, а он вдруг резко взял меня за руку и крепко её сжал. Узнал всё-таки. И попрощался...

Нежный воин

Валерий Яков

главный редактор журнала «Театрал»

Писать про Владимира Этуша невероятно сложно. О нём, кажется, знают все и, кажется, знают всё. Ключевым здесь является слово «кажется». Целые поколения в нашей стране выросли при Этуше. Спектакли и фильмы с его участием смотрели наши бабушки и дедушки, наши мамы и папы, смотрели мы сами, а потом наши дети и внуки. Поэтому кажется, что ты его знаешь всю жизнь, и он для тебя человек настолько близкий, что если повезёт встретиться, то вы друг друга поймёте с полуслова. Мне однажды повезло, и мы действительно встретились.

Самое поразительное — я не помню деталей этой встречи. У меня тогда было полное ощущение, что мы знакомы всю мою жизнь, хотя Владимир Абрамович всегда чувствовал и соблюдал незримую дистанцию в общении с собеседниками, в любой компании вёл себя с тонким, ненавязчивым, интеллигентным достоинством. И даже когда рассказывал анекдоты с обильной долей русского народного «фольклора», ныне запрещённого законом, это в его устах никогда не звучало грубо, а органично и смешно. Мало кто умел рассказывать анекдоты так, как это делал он, — вживаясь в образы, играя интонацией, демонстрируя, по сути, мини-спектакль с одним актёром в разных ролях.

Поразительно — особых деталей первой встречи не помню, а два анекдота, которые он тогда рассказал, сохранились в памяти так, словно прозвучали полчаса назад. С его лукавым прищуром, с полуулыбкой, с подчёркнутым кавказским акцентом, по которому было понятно, что кавказский, но непонятно — чей именно. И в этом тоже было тончайшее мастерство Владимира Этуша, благодаря которому в любой советской республике на Кавказе его считали своим. Разумеется — после легендарного фильма «Кавказская пленница», где он пародийно сыграл товарища Саахова. Владимир Этуш стал с той поры главным и любимым «лицом кавказской национальности» Советского Союза. Причём сам он относился к этому с юмором, совершенно не тяготился тенью товарища Саахова и, при хорошем настроении, легко подхватывал шутки на эту тему. А если учитывать, что за многие десятилетия шутки поклонников, цитирующих Саахова, не особо менялись, то можно понять, каким терпением и мудростью обладал Владимир Абрамович, выслушивая их в тысячный раз. Так было даже однажды в Кремле, когда на президентском приеме к столу, где сидел Этуш, подошел Владимир Путин, поздравил Владимира Абрамовича с праздником, а потом не удержался и пошутил вполголоса: «А шляпу-то продал...» На что Владимир Абрамович тут же вполголоса с улыбкой ответил: «Ничего, у меня ещё остались». Речь шла о знаменитой шляпе

С Тамарой и Валерием Яковыми и Андреем Слётовым

С Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным на приёме в Кремле

товарища Саахова из «Кавказской пленницы», которая за пару дней до кремлёвского приёма была продана на каком-то благотворительном аукционе.

Шутки, связанные с его ролями из любимых народом фильмов, сопровождали его всю жизнь и могли звучать в самых неожиданных местах и при самых неожиданных ситуациях. Удивительно, но Владимир Абрамович при этом не выходил из себя и терпеливо сносил неуместный порой юмор. Как это было в истории, когда воры-домушники обокрали его квартиру, воспользовавшись тем, что Владимир Абрамович вместе с женой Еленой уехал на отдых в Геленджик. Сотрудник полиции позвонил туда, чтобы сообщить Этушу о краже, и тоже не удержался от шутки. В ответ на вопрос Владимира Абрамовича: «А что украли-то?» — полицейский ответил, почти не задумываясь: «Вы меня извините, но так и хочется сказать: три магнитофона, три портсигара, куртка замшевая — три...» А потом спохватился и стал извиняться. Самое поразительное, что и воры в этой истории оказались поклонниками великого артиста. Квартиру они обворовали, явно не зная, кто в ней живёт. А когда история попала в прессу, воры снова пришли к дверям Этуша и положили под коврик у квартиры часть украденного, сопроводив запиской с извинениями.

Его знали, узнавали, обожали и не стеснялись признаваться в любви не только по всему бывшему Советскому Союзу, но и в самых неожиданных уголках мира.

Находиться рядом с ним в такие минуты было особым подарком судьбы, потому что тепло этого обожания согревало и нас, его друзей. А он щедро этим делился, никогда не раздражаясь от навязчивости неожиданных поклонников, терпеливо раздавал автографы и улыбался для совместных фото.

Едем однажды на арендованной машине из Испании во Францию к нашим общим друзьям, останавливаемся вблизи границы на автозаправке. Рядом к соседней колонке подъезжает внедорожник, из него высыпает шумная ватага молодых людей, и они вдруг замирают, молча уставившись на Этуша. «Простите, — выходит первой из ступора девушка, — а можно сделать с вами селфи?». «Вам можно. Вы кто?» — тут же отвечает ей Владимир Абрамович. «Я Юля», — отвечает девушка. «А я Вова. Этуш», — улыбается Владимир Абрамович, как-то сразу забывший об усталости. «Да мы знаем», — говорят наперебой ребята, выстраиваясь в импровизированную очередь за неожиданным селфи.

«Ну вот, не успеешь тебя на минуту оставить, как ты уже в кругу девушек», — раздаётся за спиной насмешливый голос Лены, всегда готовой на ироничный экспромт.

Подобных неожиданных встреч за время наших многочисленных поездок по городам и весям было множество. Менялись лишь страны, лица и имена. Одинаковой оставалась восторженность людей самого разного возраста, национальностей и социального положения, которые, увидев любимого артиста, вначале замирали, а потом подходили, чтобы выразить восхищение и любовь. Выражали на разных языках, с различным акцентом. Но для этой истинной народной любви язык совершенно не важен.

Находиться рядом с ним было настоящим подарком судьбы. Даже если он был порою раздражён, сердит или воинственно настроен. Такое тоже происходило не раз, потому что Владимир Абрамович при всей его интеллигентной выдержке и улыбочивости был по своей сути настоящим бойцом и человеком исключительной принципиальности. Он мог понять чью-нибудь слабость или ошибку, но никогда — трусость или подлость. В таких случаях от его ироничной улыбочивости не оставалось и следа, взгляд пронзительно холодел, и желание шутить незаметно растворялось в похолодевшей разом атмосфере.

Сидим с ним на кухне в его уютной квартире, разливаем по рюмкам холодную водочку, Лена, по обыкновению, щедро накрывает стол разнообразными закусками, и мы выпиваем. Обычный для наших с ним общений полуироничный тон на этот раз отложен, тема к шуткам не располагает, и Владимир Абрамович короткими хлёсткими фразами характеризует нескольких именитых театральных деятелей, которых до недавних дней считал своими товарищами, добрыми коллегами, а кого-то числил в своих успешных учениках. «Какой же подлец, а? Ну как же так можно?» — восклицает Владимир Абрамович, назвав известное имя. Я в ответ молчу, уже хорошо зная всю историю. И мы, почему-то не чокаясь, выпиваем. Так же молча закусьваем. И снова наливаем по пятьдесят. За нас двоих говорит Леночка, переживающая за всех нас. Речь идёт о заседании правления Дома

актёра, на котором Владимиру Абрамовичу его вчерашние товарищи предложили уступить пост директора, который он занял не так давно по их же просьбе. Выступления хамские, обвинения несправедливые, разговор далеко не товарищеский. И всё это обидно вдвойне после многолетней изнурительной борьбы за спасение Дома актёра от агрессивных наездов чиновников разных мастей, пытавшихся отобрать у актёров завидное здание в центре Москвы. Он в этой борьбе себя не жалел, стучал в самые разные двери, ходил в самые высокие кабинеты, доказывая, что забирать у актёров их Дом — недопустимо для культурной нации. В самых высоких кабинетах его слушали, не решались шутить и с уважением смотрели на боевые ордена. В эти минуты даже самые властные собеседники понимали, что с ними говорит не товарищ Саахов, а фронтовой офицер-разведчик Владимир Этуш. И спорить с ним уже не решались. Ставили нужные визы. Обещали разобраться, помочь, решить...

Дом актёра он вместе с Маргаритой Эскиной отстоял. Потом, когда её не стало, взвалил это хозяйство на себя по просьбе добрых, казалось, товарищей. И теперь вдруг был ими же изгнан.

Высказав бывшим товарищам всё, что он о них думает, Владимир Этуш хлопнул дверью и ушёл, заявив, что ноги его больше в этом Доме не будет. И ведь действительно — больше порог не переступал. А когда несколькими годами позже к его юбилею один из тех именитых товарищей прислал с водителем роскошный букет, он к букету даже прикасаться не стал. Извинился перед водителем и попросил отвезти букет обратно. Предательства он не прощал. И прогибаться не умел.

Это особенно ярко проявилось в его борьбе за создание Культурного центра Владимира Этуша. Идея возникла в начале двухтысячных годов, когда он оставил пост ректора Щукинского института, заняв почётную, но более свободную должность художественного руководителя института. Сил и желания работать с молодыми ребятами, желающими стать актёрами, у него не убавилось. А свободное время вдруг появилось. И Владимир Абрамович решил создать свою школу, в которую можно было бы приглашать ребят.

Он нашёл коллег, готовых поработать с ним в его центре. Нашёл инвесторов, готовых вложить средства в строительство культурного центра. Он нашёл пустующее полуразрушенное здание бывшего кинотеатра у метро «Таганская». И он наконец пробился на личный приём к тогдашнему мэру Москвы всеильному Лужкову. Юрий Михайлович, при всём его хватком прагматизме, не устоял перед обаянием и убеждениями Владимира Абрамовича. После недолгой беседы с народным артистом он дал команду подготовить соответствующее распоряжение о создании Центра Владимира Этуша на базе старого кинотеатра. И работа закипела. Инвестор начал предварительный ремонт, приглашённые по рекомендации мэрии специалисты разработали проект реконструкции, будущие педагоги начали планировать программы будущих занятий... Но с какого-то момента темп работ стал откровенно зависеть, а согласование необходимых бумаг затягиваться до бесконечности. Этуш звонил одному столичному чиновнику,

С Мариаритой Эскиной

другому, третьему... Все были предельно вежливы, никто ни в чём не отказывал, но и ничего не сдвигалось с места. Отдельные осведомлённые товарищи тихо объясняли ему «правила игры». Для Владимира Абрамовича даже сами намеки были противны. «Я никогда взятку не давал, и делать этого не намерен», — говорил он мне с возмущением. Я не особо спорил, но иронично предупреждал, что пересечь это болото будет сильно непросто. Владимир Абрамович был упрям. Он ещё дважды сумел пробиться на прием к Лужкову с жалобой на конкретных чиновников. Лужков ещё дважды ставил резолюцию на бумагах Этуша. Но дело вязло в чиновничьем болоте всё глубже. И тогда я предложил Владимиру Абрамовичу опубликовать в газете «Новые Известия», которую я возглавлял, большой детальный материал обо всей этой истории. Причём не просто опубликовать, а сделать это перед встречей с президентом Дмитрием Медведевым, который должен был вручать Этушу очередной орден «За заслуги перед Отечеством».

Материал я написал, опубликовал на первой полосе газеты, и Владимир Абрамович взял этот номер с собой в Кремль. Во время награждения он кратко попросил президента уделить ему после церемонии пару минут для личного разговора. Президент согласился, и действительно, когда официальная часть завершилась, — позвал в отдельный кабинет. Владимир Абрамович достал из кармана пиджака «Новые Известия» и попросил прочитать статью. «Это всё правда?» — удивленно спросил Дмитрий Медведев, необычайно быстро

пробежав глазами довольно объёмный текст. «Конечно, — ответил Владимир Абрамович. — И здесь ещё даже не всё написано, через что мне пришлось пройти». Президент возмущенно покачал головой и стал писать резолюцию прямо на странице газеты поверх статьи. Передал газету своему помощнику и заверил Этуша: «Я беру это дело под свой контроль. Помощник с вами свяжется после того, как переговорит с мэром и руководителями соответствующих ведомств».

Вечером мы с Владимиром Абрамовичем у него на кухне поднимали бокалы за такую чудесную встречу, обмывали награду и восхищались отзывчивостью президента. Оптимизму нашему не было границ, но неизбежная во время подобных посиделок ироничность то и дело провоцировала на шутки по поводу того, что московские болота немало хороших идей в своих трясилах утопили.

Несколько дней спустя Лена позвонила мне ранним утром и ошарашила известием о том, что ночью бульдозеры снесли здание кинотеатра. Снесли вместе с завезённым оборудованием, с проектной документацией, с вещами строителей, с помещениями, уже отреставрированными инвестором. На месте будущего Культурного центра Владимира Этуша возникла груда обломков и заброшенный пустырь. Чиновники не простили народному артисту обращение к президенту и нанесли свой последний разрушительный удар. И это был тот случай, когда Владимир Абрамович понял, что бой проиграл, потому что выше уже обращаться было некуда. Поражение он перенёс стойко, со стиснутыми зубами. Мы встретились с ним. Обсудили. Он перешёл на народный лексикон. Дал соответствующие оценки. На том грустную историю о его несостоявшейся школе он закрыл, чтобы не ходить по кругу с бессмысленными унижениями. И Москва осталась без культурного центра великого актёра. А молодые люди потеряли шанс пройти Школу Этуша.

Обострённое чувство справедливости, вероятно, было ещё одной общей чертой характера, которое нас с ним особо сближало. О многих вещах нам даже не нужно было и говорить. Обменивались парой фраз, и всё друг для друга становилось понятным. Не мешали ни разница в возрасте, ни различия в профессии и жизненном опыте. Поэтому меня никогда не удивляли их отношения с Леночкой — очень доверительные, нежные, равноправные. Она была сильно моложе него, но это не мешало им быть на одной волне, сохраняя до последней минуты его жизни эти удивительные нежные отношения, пронизанные любовью. Она не просто заботилась о нём, следила за каждым его вздохом, чувствуя и понимая его лучше любого, даже самого опытного врача. Она всегда была его реальной половиной, которой ему ничего не надо было говорить и объяснять. Хватало взгляда. Движения. И даже молчания. Лена была им самим. Он это всегда чувствовал. И становился от этого сильнее. Задорнее.

О том, что ему за девяносто и мы тоже далеко не дети, в такие минуты забывалось напрочь. Ну разве что уже в последние годы не водочка, а *prosecco*

лилось рекой, бокалы искрились легкомысленными пузырьками, анекдоты сверкали народной лексикой, и жизнь казалась вечной. Мы начинали говорить о будущих премьерах, обсуждать недавний сыгранный спектакль, планировать отдых следующим летом на любимом нами итальянском побережье. И ещё — обязательный совместный поход на очередной грядущий концерт Мирей Матье, поклонником которой был Владимир Абрамович. Он летал на её концерты в Европе, готовил для неё особые букеты и восторженные речи, он ждал её приездов в Москву, чтобы потом, после концерта, посидеть с ней в уютном ресторане за бокалом доброго вина. У него планов и идей было на годы вперёд — до ста лет точно. «А уж потом можно будет и расслабиться, если Лена позволит», — пошучивал он. Но Лена не позволяла. Велосипед, прогулки, тренажёр и репетиции — программа у него была расписана на каждый день на месяцы вперёд, и каждую минуту этой программы его половинка контролировала с поразительной пунктуальностью. Щадила, только когда заболел. Но и тут — предельная дисциплина в лечении. А он, как фронтовик, привыкший к лишениям, эту дисциплину принимал, понимая, что она спасительна. Поэтому раз за разом выигрывал бой с судьбой. И снова рвался на сцену, снова мечтал о новой роли и ждал премьеры.

Последний раз я зашёл к нему домой перед мартовским концертом Мирей Матье. Он чувствовал себя неважно, устало сидел в кресле у окна и был печальнее обычного. Лена занималась чем-то на кухне. Мы молчали, глядя в окно. Молчали дольше обычного. В тихом, пронзительно искреннем бессловесном разговоре мы прекрасно понимали друг друга... Но на этот раз разговор был как-то печальнее. Я пытался вслух шутить о предстоящем концерте, о букете и правильных комплиментах любимой француженке. Он улыбался в ответ глазами и отвечал взглядом, что про букет и концерт — не сейчас. И снова смотрел в окно. И прикрывал глаза.

Так грустно мы не общались ещё ни разу. Лена на кухне говорила по телефону. Мы снова встретились взглядом. Обменялись какими-то мыслями, от которых защемило в груди. «Ну, мне пора, — сказал я вслух. — Поправляйтесь. Набирайтесь сил. Встретимся на концерте». Он устало улыбнулся в ответ. Я взял его за руку — он молча сжал мне пальцы.

«Я вас люблю!» — вырвалось у меня полушёпотом. «Я тебя тоже», — ответил он мне.

Это были последние слова, которые я от него услышал.

С тех пор мы с ним беседуем молча.

Слева Зия Бажаев

Брат передал мне эту дружбу по наследству

Муса Бажаев

друг семьи

Как и для всех, рождённых в СССР, Владимир Этуш был для меня легендой. И когда в 1993 году мой старший брат Зия вдруг сказал, что встречается с самим Этушем, я не поверил. Но встреча случилась и стала началом искренней дружбы нашей семьи с Владимиром Абрамовичем. И это была дружба не с легендой (хотя об этом, конечно, никогда не забывали), но с необыкновенно обаятельным, скромным и светлым человеком, перед которым я преклонялся и преклоняюсь как перед достойнейшим Мужчиной — воином Великой Отечественной, бескорыстным борцом за правду в мирной жизни, непримиримым к подлости и предательству.

В девяностых стране жилось непросто. Владимир Абрамович возглавлял тогда знаменитую Щуку и периодически вынужден был искать инвесторов благотворительного фонда, созданного для поддержки училища. Мой брат решил предложить Владимиру Абрамовичу помощь. Узнав об инициативе незнакомого человека, Этуш осторожно поинтересовался — на какую ответную услугу рассчитывает неизвестный инвестор, и был удивлен, когда услышал, что помощь бескорытна. Причём она была не разовой, а стала постоянной. Завязалось и личное знакомство. Между Владимиром Абрамовичем и Зией существовала какая-то особая симпатия: несмотря на разницу в возрасте и роде занятий, они, мне кажется, были в чём-то очень похожи: пожалуй, в неординарной работоспособности, умении отдавать себя делу, не сдаваться, идти только вперёд.

Моя же первая личная встреча с Этушем случилась по трагическому поводу — Зии не стало, и Владимир Абрамович приехал к нам выразить соболезнования, поддержать семью. Нас, конечно, в первую очередь объединила память о брате. Но мы скоро сошлись душевно, настроились на общую эмоциональную волну, как будто всю жизнь друг друга знали, и очень подружились. Встречались не так часто, как хотелось бы, — Этуш, несмотря на солидный возраст, всегда был очень загружен — но зато каждой встречей дорожили особо. И ни одного повода не пропускали.

Хорошо, до мельчайших деталей помню, как собрались первый раз в ресторане «Кавказская пленница» в зале «товарища Саахова». Круг у нас за столом был очень узкий, дружеский. Этуш, всегда отличавшийся неординарным и тонким юмором, в этот вечер был в особо игривом настроении. Столько было шуток, смеха и совершенно потрясающих в исполнении Этуша анекдотов... А он их рассказывал с таким артистизмом, что удержаться от хохота было нереально. Допоздна не расходились, фотографировались с восковой фигурой «товарища Саахова», стояли ещё долго на улице, расстаться было невозможно. Но и уезжая,

С Мусой Бажаевым и вдовой Зии Бажаева Мадиной

Этуш продолжал бомбардировать нас своими шутками уже из окна автомобиля. С того момента каждая наша встреча превращалась в пир души.

Но случались и встречи серьёзные, когда было не до шуток. После терактов на улице Гурьянова и на Каширке мы с коллегами решили создать фонд помощи жертвам этих трагедий. Я позвонил Владимиру Абрамовичу и предложил ему войти в попечительский совет фонда. Он в ту пору был очень занят, но сразу согласился. И не пропускал ни одного заседания фонда, деятельно вникая в каждое обращение за помощью, сопереживая и пытаясь помочь каждому пострадавшему. Меня это, впрочем, не удивляло: я уже очень хорошо знал эту черту Владимира Абрамовича — предупредительное внимание ко всякому человеку, который встречался на его пути и нуждался в поддержке.

В Щукинском училище по нашей просьбе был сформирован курс для студентов из Чечни и Ингушетии. Молодым талантливым ребятам того времени не повезло: на Кавказе шли боевые действия, и устроиться на учёбу в Москве было крайне не просто. Тем не менее Владимир Абрамович такой курс для ребят создал. И для него это были не просто студенты: он их опекал с почти отеческой заботой, вспоминая свою фронтовую молодость на Кавказе. В годы войны он защищал Кавказ от фашистов, был тяжело ранен под Малгобеком и с тех пор считал эти места далеко не чужими. И ему не надо было объяснять, как тяжело живётся людям, особенно юным, в условиях войны. Мы часто обсуждали успехи этих ребят, он приглашал посмотреть их первые студенческие постановки, был очень строг, а порою и суров в оценках, но говорил, что придёт время, когда Кавказ будет гордиться этими талантами.

С Мусой и Луизой Бажаевыми

Владимир Абрамович всегда был заразительно юн душой. Казалось, возраст просто не поспевал за его энергией и ритмом. При этом он всегда был потрясающе элегантен и подтянут. Рядом с ним была жена Елена, окружившая его безграничным вниманием и любовью. Он этой любовью по-юношески вдохновлялся и энергично тянулся к новым творениям, ролям. Уверен, что Лена своей неустанной заботой подарила ему не один год деятельной жизни. Нам, близким друзьям, всегда было комфортно рядом с этой веселой и ироничной парой.

Этуш особенно внимательно относился к нашим детям, живо их расспрашивал о делах, а с моим маленьким сыном, которому тогда было около четырёх лет, однажды даже устроил игру в догонялки. Беготня у бассейна продолжалась недолго, потому что Владимир Абрамович (а ему было уже за восемьдесят) споткнулся на бегу и со всего маху упал, ободрав колени и руки. Сын перепугался, мы все тоже всерьёз запереживали, и только Владимир Абрамович продолжал шутить, объясняя ребенку, что взрослые иногда тоже становятся маленькими и могут случайно упасть.

Мой сын давно вырос, но этот эпизод не забыл. Помним и мы все каждую минуту рядом с выдающимся мастером и удивительным человеком чрезвычайной глубины, таланта, мудрости и мужества — нашим Владимиром Абрамовичем, которого мы всегда будем любить.

С нашими добрыми друзьями Анной и Константином Басюк

*С Инной и Стасом Михайловыми мы встретились
на отдыхе в Геленджике*

С Яковом Костюковским

*Нашего друга Андрея Слётова Владимир Абрамович очень любил.
Андрей отвечал ему тем же*

Владимир Абрамович всегда с удовольствием посещал мероприятия Виторган-клуба. С Эммануилом Виторганом и его женой Ириной

Ирина Петровская вручает Владимиру Абрамовичу «Звезду Театрала»

С сестрой Лидией

В Санкт-Петербурге в гостях у семьи Татаренковых

С семейством Юст. Австрия

С Лидией Вележовой

На концерте Сергея Захарова

С оператором Анатолием Мукасем

С Юрием Никулиным

Со Светланой Крючковой

С Аллой Суриковой на фестивале «Улыбнись, Россия»

С Алисой Фрейдлих

С Виктором Шендеровичем

С Ниной Уриант и Александром Галибиным на театральном фестивале в Благовещенске

С Ларисой Рубальской и Анной Шатиловой

С Владимиром Зельдиным

С Борисом Клюевым и Эммануилом Виторганом

С Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым

Со Светланой Немоляевой

С Юрием Соломиным

С Зинаидой Кириенко

С Софией Ротару

С Кларой Новиковой

Главред МК Павел Гусев вручает Владимиру Абрамовичу театральную премию газеты

С Евгением Мироновым

С Иосифом Кобзоном в Кремле на вручении наград

95-летний юбилей

95-летний юбилей

С «Золотой маской»

На церемонии вручения кинематографической премии Ника

День рождения в актерском фойе театра

Владимир Абрамович коллекционировал сабли и кинжалы

В минуты отдыха

*Когда Владимир Абрамович ехал на этой машине,
все проезжающие приветствовали его сигналами*

Нужны ли нам борода и усы?

Ольга Калявина

заведующая гримёрным цехом
Театра имени Евгения Вахтангова,
заслуженный работник культуры РФ

Я знала с детства абсолютно точно, что буду работать в театре. С пяти лет играла в детских спектаклях, а в 6 лет меня даже пригласили сниматься в кино. Но съёмки проходили далеко, никто из родителей поехать со мной не мог, и... звезда из меня не вышла. Может быть, к лучшему: повзрослев, я стала критичнее относиться к себе, поняла, что на главные роли не гожусь, а всю жизнь стоять в третьем ряду и произносить «Кушать подано» — не моё, не смогу. Видя мои страдания, мама подсунула мне книжку про искусство актёрского грима. А я неплохо рисовала, знала живопись, основы рисунка... Книжка мне так понравилась, что я пошла поступать в театральный техникум, который готовит для театров бу-тафоров, инженеров сцены, гримёров, осветителей — весь невидимый фронт, без которого театр существовать не может.

Училище было чрезвычайно популярное: конкурс — 30 человек на место! Но я поступила. Для себя сразу решила, что ни кино, ни телевидение мне не интересны, только театр. Ну не получилась из меня актриса, но что мне мешает служить театру в другом качестве?!

И вот однажды, когда весь наш курс разъехался на практику, я совершенно случайно услышала разговор двух наших преподавателей о том, что Театру имени Вахтангова нужны гримёры. Я тут же подскочила к ним: хочу в этот театр! Один из преподавателей строго посмотрела на меня: «Там работать надо, детка!»

Но я ничего не боялась, поменяла место практики и пришла в театр. И вот так, с 1976 года, служу в нём до сих пор.

Попала я сразу под строгое око главного гримёра театра Ивана Дмитриевича Соколова. Он тут же отправил меня на «мужскую сторону». Поясню: в нашем театре гримерки расположены по обе стороны от сцены. Справа — женские, слева — мужские. На новых площадках театра — а их сейчас четыре — этого нет, это изюминка главной сцены. Поэтому в театре существуют мужская и женская стороны, и всем понятно, о чём речь.

Одним из первых актёров, с которым мне пришлось работать, был народный артист СССР Николай Плотников. Когда он вошёл в гримуборную, то увидев меня, совсем ещё девчонку, спросил:

— Девочка, а ты сможешь?

Я самоуверенно ответила, что да, смогу, конечно!

И тогда он сказал:

Владимир Абрамович в гримборной

— Давай для начала я расскажу тебе правила нашего театра.

Народный артист, великий актёр, он долго и подробно рассказывал мне, как надо общаться внутри коллектива, как работать, что делать, чтобы быть нужной, как не суетиться и не бегать по коридорам... Это великая традиция вахтанговцев: воспитывать молодых и относиться ко всем работникам театра на равных.

Я никогда не забуду эти уроки.

Года через три меня попросили заменить заболевшего гримёра на спектакле «Мещанин во дворянстве». Замена была срочной, Иван Дмитриевич только успел показать мне грим на фотографиях, а спектакль костюмированный, грим сложный, парик с лысиной, усы, бородка... Главную роль играл Владимир Абрамович Этуш, перед авторитетом которого трепетал весь театр.

— Сможешь? — спросил Иван Дмитриевич. Как будто у меня был выбор!

В полуобморочном состоянии, на полусогнутых ногах я иду в гримёрную, где уже сидит Владимир Абрамович. То ли от страха, то ли от жуткого чувства ответственности я лихо наложила грим, парик... Актёр шутил, слава Богу, в этот день он был в хорошем настроении.

После спектакля Этуш пришел к Ивану Дмитриевичу и сказал: «Я хочу работать с этой девочкой всегда». Для меня, конечно, это огромный подарок, несмотря на обиду того гримёра, которого я заменяла в тот день.

Мне нравилось работать с актёрами-мужчинами. Это не значит, что здесь легче или проще. Я начинала здесь свой путь в профессию, я любила именно эту «сторону». Но в 1991 году мой дорогой Иван Дмитриевич передал мне свой пост заведующего цехом, хотя на пенсию не ушёл — работал в театре простым гримёром.

С Абра́мовичем (так его любовно называли многие за глаза) мои отношения складывались ровно, всегда дружески, мы проработали бок о бок без единого

конфликта и даже недомолвок. А ведь гримёр — последний человек, который видит актёра перед выходом на сцену. Нас учили в училище: в каком бы настроении актёр ни пришёл на грим, выйти из гримёрки он должен в полной творческой готовности к спектаклю.

Этуш ещё не успевал войти в гримуборную, я уже знала, в каком он настроении. Если молчал, сурово сдвинув брови, я никогда не лезла с разговорами, даже слова приветствия заменяла простым кивком. Но если у Абрáмовича на душе всё было хорошо, с ним можно было и пошутить, и побалагурить, поговорить о том, о сём, расспросить про съёмки в фильмах, о ролях, в которых его так любили зрители.

Вы не представляете, что творилось в зале, когда Этуш выходил на сцену! Как только он появлялся из-за кулис, зрители начинали восторженно аплодировать. Как-то Владимир Абрамович посетовал, что роли в фильмах — особенно товарищ Саахов в «Кавказской пленнице» и Шпак в «Иван Васильевич меняет профессию» — наложили на него клеймо исключительно комедийного актёра. Он и правда был великий комик, но трагические, драматические роли удавались ему несколько не хуже, вспомнить хотя бы спектакль «Западня» по произведению Эмиля Золя. Невозможно забыть дуэт Этуша и Ларисы Пашковой! Актёры поднимались до таких драматических высот, что у зрителей захватывало дух. Кстати, Владимир Абрамович был сорежиссёром этого спектакля вместе со своим близким другом Владимиром Шлезингером. А поставил этот гениальный спектакль Евгений Симонов.

Этуш вообще всегда участвовал в постановочном процессе. Делал замечания, поправлял некоторые сцены, но не потому, что хотел встать на режиссёрскую площадку, ни в коем случае. Он, как и всякий великий творец, добивался совершенства, он умел видеть и свою роль, и сцену, и спектакль в объёме, и учил этому и коллег, и молодых режиссёров. Это не всем нравилось. Но Абрáмович был совершенно бескомпромиссный человек. Если он считал, что должен сказать, — делал это, не задумываясь. Таким он был актёром, таким был и на посту ректора Щукинского училища.

Вообще он умел пошутить и чувство юмора имел отменное. Но если дело касалось работы, тут он шуток не принимал. Не любил внезапных импровизаций и не раз говорил, что самая лучшая импровизация — та, что хорошо отрепетирована.

Я помню, как он ругал актёра Мишу Васькова, который играл Учителя музыки в спектакле «Мещанин во дворянстве». Мишка — человек молодой, весёлый, всё время всех разыгрывал, в том числе и на сцене. Ну, например, никого не предупреждая, наклеит длинный нос прямо перед выходом на сцену и ждёт, как отреагируют партнёры. Этуш сердился, а однажды поймал его в тот момент, когда Васьков приклеивал себе большие уши, стоя в кулисах перед выходом на сцену. Абрáмович схватил его за плечи и уши эти оторвал. Он очень серьёзно относился к профессии и требовал этого от других.

О многом мы переговорили в нашей гримёрке за те годы, что я работала с Владимиром Абрамовичем. Но были две темы, которые он не обсуждал никогда и, я полагаю, ни с кем, — это война и семья. Все в театре знали, что актёр прошел всю войну, был на передовой и был тяжело ранен. Но на все расспросы

Творческая группа спектакля «Бенефис». В первом ряду справа Ольга Калявина

отвечал уклончиво или аккуратно уходил от темы. Я заметила, что настоящие герои войны вспоминать войну, а уж тем более рассказывать про неё не любили.

Ну а что касается личной жизни, в нём было такое глубокое внутреннее достоинство, что обсуждать с ним семейные дела даже в голову никому не приходило. Когда он стал постарше и ему было трудно обходиться без помощи жены Лены, мы все узнали и полюбили её. Такой любви, такой заботы и такого взаимного уважения я не видела больше никогда в жизни. Лена, конечно, продлила ему жизнь, и не только физическую, но и творческую — ведь он сыграл чуть ли не лучшие свои роли после 90 лет!

Он никогда не был чванливым букой. Умел пошутить и даже пококетничать. Сказать молодой актрисе: «Эх, был бы я немного помоложе!» Мог рассказать анекдот, вспомнить смешную историю, с ним хорошо и легко работалось. При этом он принимал активное участие в создании образа, беспокоился, как будет выглядеть его герой. Когда мы с ним придумывали грим профессора из «Окаёмовых дней», именно он предложил, чтобы у его Окаёмова были небольшие бородка и усы.

На грим Владимир Абрамович приходил раньше всех. Потому что перед спектаклем ему нужны были ещё полчаса полного одиночества, чтобы никто не отвлекал его разговорами, суетой и беготнёй. Он запирался в своей комнате и отдыхал, готовился к роли. Он не просто работал на сцене, он впахивал, был профессионалом высочайшего класса и считал профессионализм главным качеством хорошего актёра или режиссёра.

Как я руководила своим профессором

Анна Дубровская*

педагог, режиссёр,

заслуженная артистка России

Ощущение величия в моём сознании всегда сопровождало эту фамилию. Но когда я училась в Щуке, а он работал там педагогом, мы ни разу не столкнулись ни в аудитории, ни на учебной сцене. И после училища я смотрела все спектакли с Этушем, но лично с ним знакома не была. Это позже, когда я пришла работать в училище педагогом, а Владимир Абрамович стал ректором, началось какое-то общение. Этуш стал выделять меня в толпе педагогов училища. Он ходил на все показы и на все дипломные спектакли. На мои в том числе. И что-то ему понравилось, что-то он похвалил, а потом в коридоре при встрече вдруг поздоровался: «Аня, здравствуйте!» Это было для меня событием вселенского масштаба!

С этого момента мы стали часто встречаться, обсуждать наши общие педагогические вопросы. Этуш был *страстным* ректором. Он делал всё для того, чтобы в училище сохранялась творческая обстановка, комфортная как для педагогов, так и для студентов. Он считал, что студенты должны учиться у выдающихся актёров, личностей, которые могут много дать молодому человеку за несколько лет учебы в вузе. Он чередовал маститых педагогов с молодыми, он выстраивал в училище воспитательный процесс таким образом, чтобы все здесь чувствовали себя как дома — и студенты, и педагоги.

Потихоньку Владимир Абрамович стал «подпускать» меня к себе, мы часто разговаривали. Иногда пили кофе в кафешке на Арбате. И вот магия Этуша! Я впервые это увидела и была поражена: стоило ему появиться на улице, в кафе — люди вокруг замирали с восторгом и трепетом. Никогда не забуду, как он идёт по нашему переулку — спина прямая, красавец невозможный, взгляд орлиный, а прохожие вокруг просто благоговеют от одного его присутствия!

Через какое-то время мы набрали группу студентов из Южной Кореи. Владимир Абрамович назначил меня художественным руководителем. Мы оба с ним стали хударками курса. На предыдущем выпуске корейского курса я как педагог ставила «Золушку», и ему понравилось, он хвалил. Теперь нам предстояло вести

* Так случилось, что в жизни Владимира Абрамовича Этуша и в истории Щукинского училища есть две выпускницы, носящих имя и фамилию Анна Дубровская. Обе удостоены звания заслуженной артистки России. Анна Анатольевна Дубровская — коллега В. А. Этуша по Театру Вахтангова и его бессменная партнёрша в спектаклях «Дядюшкин сон» и «Окаёмовы дни». Анна Леонардовна Дубровская (Исайкина) — профессор кафедры актёрского мастерства Театрального института имени Бориса Щукина, режиссёр-постановщик спектакля «Потерпевший Гольдинер» и автор представленного в данной книге эссе.

курс вместе. Я очень волновалась, но Учителю хватило мудрости не вмешиваться уж очень глубоко в дела курса. Он часто приходил на занятия. Однажды я пригласила его на встречу со студентами, и меня поразило, что он, великий Этуш, волновался перед этой встречей. Спрашивал меня: «Что мне им рассказывать? Будет ли им интересно?» Я отвечаю, что они сами будут задавать вопросы, не волнуйтесь. Он: «А вдруг это будут глупые вопросы?»

И что вы думаете? Не успел Владимир Абрамович зайти в аудиторию, как один из студентов говорит: «Извините, пожалуйста, а не могли бы вы сказать: “Шляпу сними!”?» Этуш выразительно посмотрел в мою сторону. Но что делать, надо было «показывать».

Ну, а следующий большой этап наших отношений с Владимиром Абрамовичем связан со спектаклем «Потерпевший Гольдинер». Эта пьеса Виктора Шендеровича сначала репетировалась в театре с другим режиссёром и другой партнёршей. Но что-то не складывалось, не получалось. Этуш позвонил мне и попросил стать режиссёром, рискнуть, как он сказал, продолжить работу уже с другой партнёршей — Ольгой Тумайкиной. Я была в растерянности: одно дело мы репетировали совместно в училище отрывки со студентами, и совсем другое ставить пьесу с самим Этушем, народным артистом

«Потерпевший Гольдинер». Репетиция. С Анной Дубровской

С Ольгой Тумайкиной, Анной Дубровской и Юлией Павликовой

СССР, моим профессором и педагогом. И всё же я решилась. Я знала, что Владимир Абрамович очень хочет сыграть роль старого еврея Гольдинера, волею судеб занесённого в чуждый край, в американский Бруклин. Он одинок, небогат, к тому же со сломанной ногой после аварии. И к нему в дом приходит женщина, которая и совершила несчастливый для него наезд. Дальше разыгрывается достаточно драматический сюжет пьесы.

Мы начали репетировать. И вот когда я по-настоящему оценила Этуша-актёра. Я — его ученица, его вчерашняя подчинённая, но как он умеет слышать и принимать замечания режиссёра! Он беспрекословно выполнял всё, что я просила. Он мог потом высказать своё мнение, о чём-то попросить, но уже после того, как выполнил все мои замечания и просьбы. На репетиции всё его существо было подчинено выполнению поставленной задачи. Ни разу не опоздал на репетицию, ни разу не было, чтобы он не выучил роли, ни разу не пришел на репетицию неподготовленным. И это при том, что он был уже в солидном возрасте, и мог чувствовать себя неважно, и что-то забыть — ему бы простилось. Но нет, он никогда не позволял себе ничего подобного. В отличие от других артистов, между прочим...

Все репетиции у нас прошли по графику, и спектакль мы выпустили в срок. И я рада, что он успел сыграть много спектаклей, в том числе и на выезде, на гастролях. И где бы мы ни играли, после появления Этуша на сцене зал минут десять аплодировал стоя. Так было везде и всегда.

И тогда мы позвали Гольдинера

Юлия Павликова, Ольга Белова

продюсеры театрального
агентства «Артфурор»

Наше знакомство и дальнейшая дружба с семьей Этуш начались с пьесы Виктора Шендеровича «Потерпевший Гольдинер». Мы давно искали пьесу, чтобы поставить антрепризный спектакль и, как всякие продюсеры, мечтали найти такой материал и таких актёров, чтобы этот спектакль сразу «выстрелил», имел успех. Как-то наша хорошая знакомая журналист Ольга Белан посмотрела спектакль по пьесе Шендеровича в исполнении труппы русских артистов из Чикаго, она сразу позвонила нам и сказала, что есть прекрасная пьеса на двух актёров, и есть Владимир Абрамович, который мечтает сыграть главную возрастную роль, и этот самый Гольдинер как раз для него. Пьеса нам понравилась, и хотя автор продал права на неё другому театральному агентству, мы решили не сдаваться и начали переговоры с Владимиром Абрамовичем. Ему пьеса очень понравилась, и он хотел играть её на сцене родного Театра имени Вахтангова. Но что-то там не сложилось, а мы как раз договорились об авторских правах, в общем, начали работать вместе.

Нашу первую встречу Владимир Абрамович назначил в театральном буфете. Мы пришли и представились: «Юля... Оля...» И Владимир Абрамович протянул нам руку и с нашей интонацией ответил: «Вова». И всё — напряжение сразу исчезло, мы начали по-деловому и даже по-дружески обсуждать наш новый проект.

Судьба нам благоволила, мы готовили декорации, музыку, костюмы быстро, без сучка и задоринки. Кстати, партнёршу и режиссёра спектакля выбрал сам Владимир Абрамович, из числа своих учениц — Ольгу Тумайкину и Анну Дубровскую. Сначала Анна Леонардовна показалась нам суровой, настоящей «железной леди», но в процессе репетиций мы убедились, какой она славный, добрый, терпеливый, талантливый человек.

Мы много времени проводили вместе с Владимиром Абрамовичем и Леной. Помимо спектакля, который занимал всё наше рабочее время, мы часто вместе отдыхали: наши дачи оказались по одной дороге в нескольких километрах друг от друга. Мы много беседовали, о многом говорили, Владимир Абрамович оказался совершенно не звёздным, простым человеком. Он очень любил блюда из мяса, обожал шашлыки. Мы неизменно спрашивали его: «Владимир Абрамович, что вы будете — мясо или рыбу?» На что он всегда добродушно отвечал: «Лучшая рыба — это мясо».

В нашем маленьком театральном коллективе сложилась доброжелательная, творческая атмосфера. Мы были как одна семья! Поэтому, наверное, спектакль

сложился быстро, в марте мы объявили премьеру. За две недели все билеты были проданы, хотя мы играли не в самом театральном зале — в ДК МИИТа.

На премьеру пригласили старого друга семьи Этуш театрального критика Бориса Поюровского. Волновались, потому что знали: Борис Михайлович скажет правду. Если ему не понравится — он прямо скажет об этом. Хвалить, если даже в спектакле занят его друг, не будет.

Но после первого действия Борис Михайлович пришёл за кулисы и сказал только одно слово: «Потрясающе!» Спектакль настолько понравился знаменитому театральному критику, что через два дня он написал восхищённую статью для «Новых Известий». Признался, что за последние десять лет не видел в театре ничего подобного.

Спектакль и правда имел феерический успех у зрителей. Мы играли его не только в Москве, возили в другие города. Как принимали Этуша! Актёр поднялся в спектакле до таких трагических высот, что зал замирал от потрясения...

Однажды мы вместе отдыхали в Турции, сидели вечером на веранде и рассуждали о том, что надо бы ещё поискать хороший драматургический материал. Владимир Абрамович хочет и может играть, зритель ждёт его новых ролей с нетерпением, а мы можем осуществить постановку. Лена вдруг вспомнила фильм «Приходи на меня посмотреть», который они с Владимиром Абрамовичем очень

любили. Но мы этот фильм не видели и пьесу Надежды Птушкиной «Пока она умирала», по которой Олег Янковский его поставил, не знали. Ночью, когда Владимир Абрамович уже уснул, мы посмотрели фильм и были очень впечатлены. А что если актёр сыграет не маму, а папу? Это было бы здорово! Но наш пыл охладил всё тот же Борис Михайлович Поюровский, которому Лена тут же позвонила. Он сказал, что отношения матери и дочери — это совсем не то, что отношения отца и дочери, поэтому в нашем варианте нам не избежать фальши и неправды... Мы согласились. Но тот же Поюровский предложил Этушу: «Давай ты сыграешь женщину! В конце концов, все гениальные актёры рано или поздно переодевались в женщин. Пришла и твоя пора, Володя». Когда этот спектакль приняли к постановке в Театре Вахтангова (у нас по разным причинам не получилось осуществить постановку), режиссёр Владимир Иванов пошел ещё дальше и придумал гениальный ход спектакля в спектакле.

Великое счастье выпало нам в жизни — работать с Владимиром Этушем, дружить с ним. Это был удивительный человек! Он никогда не опаздывал. Это мы могли застрять в пробке, могла опоздать актриса, другие члены нашего маленького коллектива. Но только не Этуш! При этом он терпеливо всех ждал, никогда не высказывал своего недовольства, он просто хотел играть, хотел быть на сцене и ради этого многое мог вытерпеть. Он был готов к работе. Всегда!

Образцово-показательный пациент

Абрам Львович Сыркин
профессор, член-корреспондент РАЕН

Врачу очень трудно рассказывать о своих пациентах. Потому что мы знаем диагноз и малейшие нюансы течения болезни, но не знаем характер, историю жизни и судьбу наших больных. В этом смысле Владимир Абрамович Этуш был, конечно, исключительным пациентом, не было в нашей клинике сотрудника, который бы не знал, кто такой Этуш, и не видел хотя бы одной его роли в театре и кино.

Наше общение было многолетним, долгим и, я надеюсь, полезным для Владимира Абрамовича. Разные были ситуации, в том числе, прямо скажем, иногда очень непростые, но все-таки мы старались и находили выход из порой тупиковых и с первого взгляда безнадежных историй.

Этуш — идеальный пациент, что, поверьте, в нашем отделении и при наших заболеваниях явление совсем не частое. Он никогда не впадал в панику, ничего не боялся — по крайней мере виду никогда не подавал. Он очень правильно вёл себя и по своим личным качествам никогда не создавал никаких проблем персоналу. К тому же ему в жизни крупно повезло — рядом с ним всегда находилась жена. Елена Евгеньевна — уникальный пример заботливости и ума. Два этих качества, поверьте, встречаются не очень часто у тех, кто ухаживает за кардиологическими

больными. Лена находилась с мужем 24 часа в сутки, она вместе с врачами обсуждала план лечения и часто давала правильные советы. Её умение терпеливо наблюдать и делать выводы очень помогало нам небольшими шагами вести нашего знаменитого пациента к выздоровлению.

У Этуша удивительные глаза. Абсолютно детское, доверчивое выражение, которое придавало особый шарм его врождённому потрясающему человеческому обаянию. Конечно, основные наши беседы и долгие разговоры касались течения болезни и подходов к выздоровлению, и я не могу даже теперь, спустя время, это обсуждать. Но иногда он приглашал меня на свои спектакли, и там я видел уже совершенно другого Этуша — молодцеватого, красивого, бесконечно талантливого. Человек в профессии гораздо меньше подвержен влиянию болезни, и на сцене возраст был не властен над ним!

Родители наградили его уникальным психотипом. Никогда ни при каких обстоятельствах он не впадал в панику, не расстраивался, сохранял ясный ум и чувство юмора. Я думаю, именно в этом секрет его долголетия и профессиональной активности, длившейся до конца его жизни.

Существительное из пяти букв. Начинается на «Т»

Алексей Битов
театрал

В наши времена модно отрицать очевидное: якобы нынешнего зрителя невозможно убедить, что перед ним — живой персонаж, а не актёр. И действительно, чудеса случаются нечасто, а те немногие, кто на них способен, к сожалению, уходят... Они, как правило, совсем не молоды: дешёвка кискает, а хороший актёр, как благородное вино, с годами становится ещё лучше. Настолько, что достаточно одного жеста и пары фраз. Дело тут даже не в наработанной, отточенной технике, а в фантастической органике, приходящей с опытом к талантливым людям. И после ухода подлинного мастера на сцене остаётся огромная зияющая брешь...

Владимира Этуша знают прежде всего по киноработам. Их у него достаточно, кто бы спорил, но кинозвездой Этуша сделали прежде всего товарищ Саахов и стоматолог Шпак. И всё-таки кинозвезда и великий артист — отнюдь не синонимы. Более того, уверен: судить об актёрах по фильмам Гайдая невозможно, там — совсем другое кино, «масочное», там не персонажи, а типажи (уж кто-кто, а Гайдай имел полное право снимать так, как считал нужным). Тем не менее настаиваю: судить по таким ролям об актёрах нельзя. Во всяком случае об актёрах нашей, русской школы.

Можно пожалеть тех, кто знает Этуша по «Кавказской пленнице» и «Ивану Васильевичу», но не видел актёра на сцене — ни в «Дядюшкином сне», ни в «Потерпевшем Гольдинере», ни в «Пристани»... Тем, кто видел, объяснять, кто такой Этуш, право, незачем. А тем, кому всё равно нужно объяснять, незачем ходить в театр.

Вспомним «Пристань» в Вахтанговском (новелла «Цена» по пьесе Артура Миллера). Этуш показал роскошный образец психологического театра высшей пробы: актёр полностью сливается со своим героем Грегори Соломоном; перед нами — не артист в роли, а именно старый оценщик (как-то сами собой вспомнились спектакли с замечательными стариками прошлых лет — «Соло для часов с боем» и «Дальше — тишина»).

«Пристань». С Александром Рыщенковым

Вот один из монологов Грегори Соломона: «Мальчик мой, вы не знаете людскую психологию! Не сломаются — значит, больше уже ничего не изменится. Возьмем, например (подходит к столу), этот стол. Послушайте (ударяет по столу). Да его же не сдвинуть! Когда человек садится за такой стол, он не только знает, что женат, он знает, что будет женат всегда, и больше уже ничего не изменится. Вы смеетесь, а я вам обрисовал ситуацию. Какое сегодня модное слово? Заменяемость. Чем больше вы можете выбросить — тем лучше. Машина, мебель, жена, дети — всё должно быть заменяемо. Потому что, вы же видите, сегодня основное занятие — делать покупки». У некоторых всё «заменяемо», но это ведь далеко не так.

Миллера многие считают суховатым (надо сказать, не без оснований). А в исполнении Этуша всё зазвучало сочно и вкусно, будто Бабелем написано. В таких ролях легко сорваться в шарж, в чисто внешнюю экспрессию, но у Этуша не проскочило ни одной шаржевой нотки, ни даже намёка на неё. Экспрессии хватало, но она оставалась внутри, а наружу прорывались лишь бурючки, если можно так выразиться. Но так и должно быть, именно так и только так — иначе ни о каком психологическом театре и говорить не придётся.

Или «Потерпевший Гольдинер» по пьесе Виктора Шендеровича. Не знаю, как описать то, что Этуш делает в «Гольдинере». Даже не знаю, как это назвать, — во всяком случае, слова «игра» или «работа» здесь не подходят категорически. Остаётся один вариант: на сцене он живёт... нет, живёт — не Этуш, но именно персонаж, актёра в спектакле и в помине нет. Гольдинер в своих монологах и комичен, и трагичен; его слова не обязательно принимать за чистую монету, но не сочувствовать ему — нельзя. Он несчастен, трогателен и по-своему обаятелен, несчастен не напоказ и обаятелен своим личным обаянием, а не чужим, полученным напрокат от «своего» актёра. Магия. Чудо.

Гольдинера трудно назвать симпатичным человеком, но нельзя не восхищаться мужеством, с которым он проживает свою одинокую и, в общем-то, совсем не весёлую старость, не теряет при этом вкуса к жизни и не пытается перевалить на других свой собственный груз. Раньше он прогибался, а в старости как-то сам собой распрямился. Раньше трясся, всего боялся, а теперь перестал. Грехи и пакости остались в прошлом, срок давности давно истёк — тем более мы видим, как Гольдинер расплачивается и принимает расплату: как должное. Получилась ода жизнелюбию, которой автор текста, скорее всего, никак не планировал. Театр — это ведь больше, чем разыгрывание написанного текста, намного больше. Существительное из пяти букв, начинается на «т», кончается на «р»... Нет, не топор, которым, как известно, написанного не вырубить, а театр, способный всё перевернуть и переиначить по-своему. А вы думали, теперь всё по-другому?

Самый сложный момент, пожалуй, — во втором действии. Возможно, в какой-то момент автор почувствовал, что в пьесе чего-то не хватает, и решил, что называется, поддать пару: вдруг выяснилось, что старый Гольдинер

«Потерпевший Гольднер»

когда-то в СССР (в бытность советским партработником Семёновым) весьма поспособствовал изгнанию в эмиграцию отца своей нынешней визави, Джейн Уотсон (в то время — совсем маленькой Жени Ровинской). Поворот, честно сказать, в духе самой дешёвой мелодрамы, да и Джейн (по тексту) как-то странно на это реагирует (то ли не въехала, то ли ей по барабану). Момент действительно сложный, только Гольдинеру и это нипочём — мало ли что в жизни бывает. В жизни. Не в театре.

«Дядюшкин сон». Слышал мнение, будто весь спектакль держится на актрисе Марии Ароновой, но на мой взгляд это не так! Аронова — безусловная главная героиня первого действия, а после антракта на первый план выходит актёр Этуш. Говорить об Этуше — всё равно что повторять: «Волга впадает в Каспийское море». Добавил бы одно: роль неадекватного великосветского бонвивана никак не сопрягается с ролями, в которых до этого довелось увидеть замечательного актёра, и она, понятно, должна быть интонирована по-другому. Так вот, роль интонирована как надо, не сомневайтесь; кто хоть немного различает обертона и оттенки, не может этого не отметить.

Очень существенно: в повести Ф. М. Достоевского у Князя К. нет финального монолога, последние его слова — диалог с Мозгляковым. А вахтанговский Князь перед тем, как уйти со сцены, говорит в зал или, может быть, в мировое пространство: «Зачем я жил? Ради чего я прожил всю свою жизнь? Почему эта жизнь так коротка?.. Я только теперь начинаю жить... Господи, зачем ты привел меня сюда?.. Прости мою грешную душу, Господи...» Понятно, говорит это не Этуш, а Князь К. Говорит он это спокойно и твёрдо, печально, но без всякого надрыва. И снова — магия, чудо.

Жаль, что никто уже этого не увидит. На плёнке? Нет, плёнка — не то, «консервы». А магия, как ни крути, «консервированию» не подлежит. Но «блаженны невидевшие и уверовавшие». Хотя, конечно, если вы не видели Владимира Абрамовича на сцене — значит, вам не повезло.

И, наконец, «Бенефис». Если выдающемуся мастеру для создания образа достаточно всего лишь приподнять бровь и произнести пару фраз — зачем ему бегать и прыгать? А если зрителю хочется полюбоваться на бег и прыжки — не проще ли вместо театра сходить на соревнования по лёгкой атлетике? Можно, конечно, сбрасывать «стариков» со сцены, как с «корабля современности»... или со скалы, как это делали в древней Спарте. Но разве Спарта была театральным центром Греции? Что вообще известно о достижениях спартанского театра?

Да, на сувенирных открытках, понятно, молодые выглядят эффектнее. Но театр — не спортивная арена, не подиум для бодибилдеров и даже не место материализации «прекрасных лиц» с глянцевых фотографий. Театр — нечто другое, и тем, кто этого не понимает, повторю, лучше туда не ходить.

И ещё раз: мне жаль тех, кто знает Этуша только по экрану и никогда не видел его на сцене.

С его смерти прошло ещё очень немного времени. Тогда даже поверилось не сразу — Владимира Абрамовича уже столько раз хоронили досрочно... Увы, на сей раз всё оказалось правдой. Остаётся вспомнить В. А. Жуковского: «Не говори с тоской: их нет; Но с благодарностию: были».

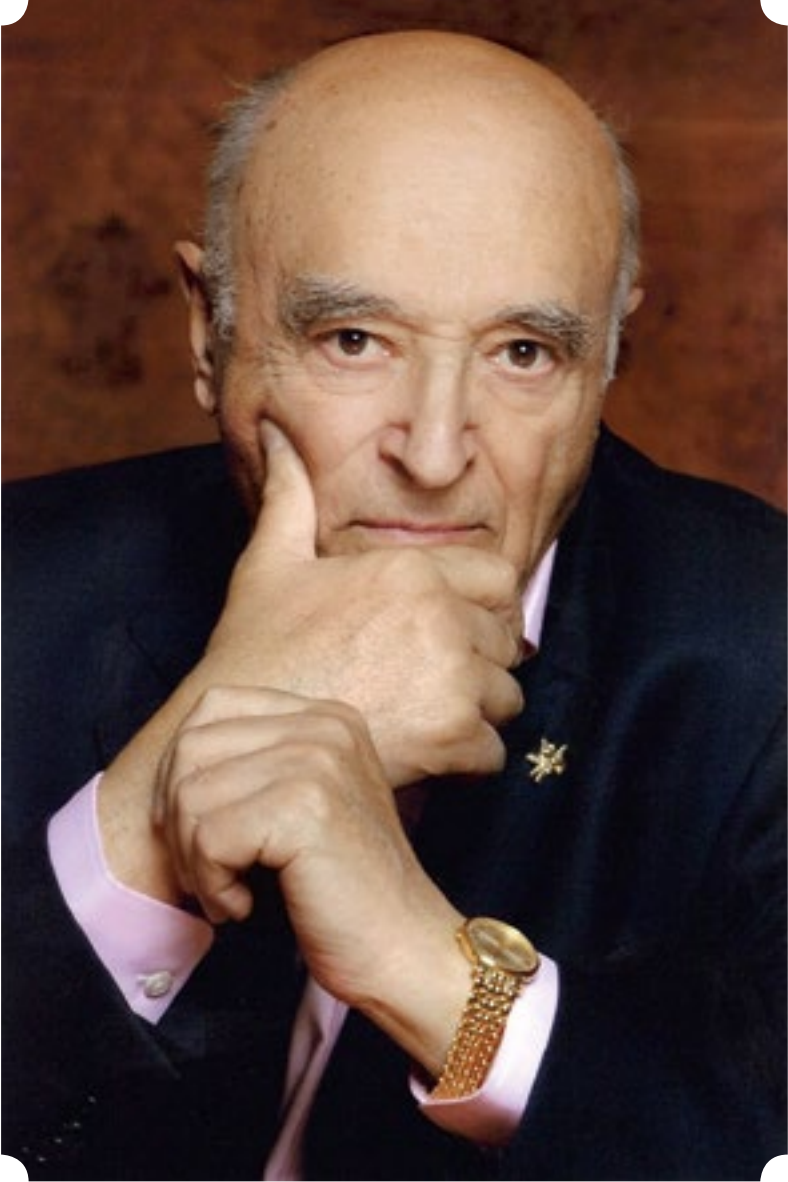
Ещё цитата: «Когда я смотрю на игру современных актёров, мне всегда ясно, что передо мной усовершенствованный театр марионеток... то есть тот, где человек пришел на смену кукле... Человек не захотел создать на сцене искусство человека». Это — Всеволод Мейерхольд. Но к Этушу слова основоположника режиссёрского театра не относятся никак: то, что делал на сцене Владимир Абрамович, было именно искусством человека. Искусством в самом высоком смысле.

Этуш был не просто легендой — он был символом Вахтанговского театра. Легенды, к сожалению, умирают. Символы остаются. Во всяком случае до тех пор, пока остаёмся мы.

С Юлией Борисовой

Здесь и далее предметы из экспозиции музея Театра им. Евг. Вахтангова

роль
В. А. ЗУША
в роли
Грегори Соломона
"ЦЕНА"

Менуэт на сцене

Вера Новикова

актриса Театра имени Евгения Вахтангова

Владимира Абрамовича в театральном училище студенты боялись. И я в том числе, конечно. Когда он спускался по нашей широкой мраморной лестнице, хотелось вжаться в стену. Он мог остановиться и сделать какой-нибудь студентке замечание за слишком яркий макияж, например. И это у него шло не от сознания его высокого должностного положения, а от того, что в его отношении к студентам было много отцовского. Я это много позже поняла.

Я поступила в Щукинское училище сразу после школы и была на курсе едва ли не самой молодой студенткой. Но с Театром Вахтангова знакома не понаслышке: когда я училась в школе в подмосковном Одинцове, к нам пришла студентка Щукинского училища, чтобы создать драматический кружок и ставить с детьми спектакли. Она работала с нами серьёзно, так, как с ней самой занимались в вузе. И очень многих ребят заворожала театром, например, из нашего драмкружка вышла актриса Ольга Прокофьева, многие девочки поступили в институт культуры и стали режиссёрами массовых мероприятий, другие ребята поступили в воронежское театральное училище и до сих пор успешно работают в разных театрах. Такова магия вахтанговской школы — она не проходит мимо, она увлекает за собой.

Так случилось, что Владимир Абрамович на нашем курсе не ставил спектаклей, но всегда присутствовал на наших показах и дипломных спектаклях.

Ну и мы, конечно, не пропускали его постановок. Помню, например, как он поставил что-то из Чехова с Сергеем Маковецким. Да так здорово, так весело, так увлекательно, что Сергей ещё долго играл этот отрывок на своих творческих вечерах.

А на третьем курсе нас, студентов, начали вводить на маленькие роли в спектакли Театра Вахтангова. Так я оказалась среди дам, которые сопровождали Учителя танцев на уроках с господином Журденом в постановке «Мещанин во дворянстве». Мы стайкой стояли на лестничке в глубине сцены. По ходу действия Учитель танцев предлагал Журдену выбрать партнёршу для менуэта — её играла Галя Надирли. Они забавно танцевали, но этот танец знала только Галя...

Владимир Абрамович был в этом спектакле уморительно хорош. И вот я уже не помню, что он мой строгий ректор, я вижу только блистательного актёра, игра которого восхищает. И на какую-то его реплику мы с девчонками хихикнули, перебросились несколькими фразами и... я увидела его строгий возмущённый взгляд. Владимир Абрамович так зыркнул на меня, что ноги подкосились. В этот момент Учитель танцев предлагает Журдену выбрать партнёршу, и Журден протягивает руку не Гале, а мне! А я не знаю деталей танца! Мы, конечно, изучали на уроках менуэт, но надо было на сцене все движения выполнить точно. На дрожащих

На съёмках «Трёх мушкетёров»

ногах я кое-как дотанцевала эту сцену. Владимир Абрамович, который привык к точной режиссёрской схеме движения, тоже был несколько растерян и уже не рад своему эксперименту. Надеюсь, что зритель ничего не заметил. Но каким уроком это стало для всех нас! Я потом Галю попросила научить меня всем движениям в этом танце на сцене, но Владимир Абрамович больше порядок спектакля не нарушал. А мы, дамы на балу, не то что перемигиваться и перешептываться — стояли как вкопанные.

Когда я уже работала в Театре имени Вахтангова, меня утвердили на роль принцессы Терезы в фильме «Ослиная шкура». Роль моего отца играл Владимир Абрамович Этуш. Перед съёмками во мне проснулся старый студенческий страх, и я очень боялась выходить на съёмочную площадку вместе с Этушем. Но он был поразительным партнёром! Все мои страхи в одно мгновение улетучились, как только мы начали репетировать. С ним было легко и комфортно.

Съёмки проходили в Таллине, снимали на натуре в лесу в течение всего летнего светового дня. И вот однажды возвращаемся в город, в гостиницу, очень голодные и усталые, все кафе и рестораны закрыты, только в нашей гостинице ещё горит свет. Мы идем в ресторан, а меня не пускают, не верят, что я совершеннолетняя. «Идите, — говорят, — и принесите паспорт!» Идти в номер не хотелось, только страшно хотелось есть: «У меня уже дочь растёт...», — уговариваю я портье. И тут вижу, как в ресторан спускаются Владимир Абрамович и Светлана Немолева (по фильму она играет мою мать). Я — к учителю за помощью. Он оглядел всех строгим орлиным взглядом и торжественно сказал: «Вера — ведущая актриса

нашего театра! Какие 18 лет? Ей давно уже за 30, она просто так прекрасно выглядит!» Мне, конечно, было ещё очень далеко до тридцати, но нас тут же пропустили, мы уселись за столик. А Владимир Абрамович подмигнул мне из-за столика соседнего. В нём всегда жил озорной мальчишка...

После этих съёмок мы стали с ним ближе общаться. Он всегда останавливал меня в театре и расспрашивал про жизнь. Так приятны были его внимание, его забота...

В 2006 году параллельно с театром я начала работать в маленьком загородном клубе в Абрамцеве, где неподалеку находилась наша дача. Мне предложили стать арт-директором небольшой театральной гостиной. По выходным я приглашала артистов, музыкантов, привозила спектакли, устраивала мастер-классы, творческие вечера для взрослых и детей.

К 90-летию Театра Вахтангова в 2011 году вышел спектакль «Пристань», где у Этуша был прекрасный отрывок из пьесы Миллера «Цена», в котором я тоже участвовала. И я предложила Владимиру Абрамовичу и его жене Лене устроить в нашем клубе творческий вечер актёра. В первом отделении — отрывки из фильмов и рассказ актёра о себе, во втором — отрывок из «Пристани». Я хотела бы провести вечер в форме интервью, где я, ведущая, задаю ему вопросы, а он отвечает. Но ему эта идея не понравилась: «Зачем? Я сам!»

Зал был очень небольшой, публика — живущие в дачном поселке люди, которые хорошо знают друг друга. Я подозревала, что они постесняются задавать вопросы — устно или в записках. Так и произошло. Я открыла вечер и села в зал.

Актёр вышел на сцену. Показывают первый отрывок из фильма. «Вопросы есть?» — спрашивает Владимир Абрамович. Зал молчит. Смотрим второй отрывок. Опять вопросов нет. Чувствую, что актёр на сцене начинает нервничать. И тогда решила ему первой задать вопрос: как раз накануне прочитала его замечательную автобиографическую книгу. Владимир Абрамович начал рассказывать — да так живо, так интересно, легко. И вопросы из зала посыпались сами собой. Вечер имел грандиозный успех, который мы решили отметить в ресторане. Владимир Абрамович поднял первый бокал и сказал тост, обращая ко мне: «Хочу сегодня выпить за тебя. Ты меня спасла». Я была тронута...

Мы решили закрепить успех — провести подобные встречи в других городах.

*С Верой Новиковой и Александром Рыщенковым
на гастролях*

После спектакля «Окаймёвы дни»

Всегда был аншлаг, всегда полные залы. Иногда люди задавали вопросы. Но чаще всего актёр так много и подробно рассказывал о себе, что вопросы у зрителей и не возникали.

При этом он оставался нормальным живым человеком, никогда не возносился, не «включал звезду», как принято сейчас говорить. Сколько мы колесили с гастрольями театра по стране! Он был невероятно комфортный попутчик, с которым всегда можно обсудить массу интересных вопросов, выпить бокал вина в кафе, если самолет задерживается.

В поезде Этушу было положено место в мягком вагоне, но он всегда приходил к молодёжи, мы пили чай, болтали. Ему нравилось быть среди молодых, он шутил, веселил нас. Однажды сказал жене Лене: «Ну, ты иди. А мы тут с девчонками ещё похочем!» А Лена была моложе нас! Смеялись...

Этуша обожали зрители. Это была какая-то особая любовь, ведь многих актёров любят и многим поклоняются. Но я больше никогда не видела, чтобы зал при выходе артиста на сцену вставал. Причём не по очереди, а все разом — так бывало каждый раз, когда мы выходили на поклон после спектакля «Дядюшкин сон». Думаю, здесь не только сказывался шлейф его прекрасных любимых зрителями ролей в кино, но и то достоинство, с которым он шёл по жизни, которое ощущалось со сцены, когда он играл спектакли. Он был очень искренним актёром, и зрители это чувствовали и очень ценили.

Он никогда ничего и никого не боялся

Юлия Рутберг
народная артистка России

У меня с Владимиром Абрамовичем отношения складывались... сложно.

Он работал педагогом и ставил отрывки у нас на курсе. Это были очень эмоциональные репетиции, когда стулья летали по залу, но те, с кем он ставил эти отрывки, всегда его любили. Потом он очень дружил с Аллой Александровной Казанской, нашим педагогом, мы, хотя и побаивались его, считали все-таки «своим» человеком. А когда мы учились на четвёртом курсе, Этуш стал ректором школы. Со всей решительностью, смелостью и хваткой он взялся за наведение порядка в училище. И вот тут уже все трепетали перед ним, особенно, конечно, первокурсники, а мы, честно сказать, не очень понимали, что изменилось. Ректор сердился на нас за наше вольнодумство и свободомыслие. Курс у нас был очень сильный, студенческий спектакль «Зойкина квартира» вошёл потом в репертуар Театра Вахтангова. Это был всего третий случай за всю историю училища. Мы все немного «звездились» от этого, а Владимир Абрамович никакой «звёздности» не признавал, наоборот, ругал нещадно за проявление любого зазнайства.

Сам хотя и был до мозга костей Актёром, виртуозно развлекающим публику, он всегда всё делал по правде. Он был удивительно бесстрашным человеком, он никогда ничего и никого не боялся. Мне кажется, как человек, прошедший войну, он знал что-то такое о жизни важное, что позволяло быть таким. Мне рассказывали, что когда в театре случались обличительные партийные собрания, когда кого-то наказывали, критиковали за антипартийность и всякое такое, он мог проголосовать один против всех. Потому что считал себя правым, и никакие авторитеты эту его уверенность поколебать не могли. Рассказывали о другой истории. Когда была попытка рейдеровского захвата здания Дома актёра на Арбате, он, тогда директор Дома, вышел один к вооруженной толпе и потребовал, чтобы бойцы-охранники сняли свои маски и убিরались отсюда. И они сняли и ушли, посрамлённые настоящим солдатом и человеком. В этом весь Владимир Абрамович!

Он считал себя всегда правым, потому что поступал по правде. Даже когда он был не прав — он всё равно был прав, вот такой парадокс. Однажды мы играли «Закат», музыкальный спектакль, где у Владимира Абрамовича была большая сильная роль Арье-Лейба. В конце спектакля он должен был выйти на сцену, сказать свой монолог, а мы, 23 артиста рядом, подхватить его последние слова и запеть. И вот однажды он оговорился и вместо слова «молдаванка» сказал ...«мандавалка». И мы подхватили его слова и запели хором именно с этим словом. Запели — это громко сказано, все на сцене давились от смеха, зал хохотал и неистово аплодировал.

Потом нас вызвали на разборки в актёрское фойе. Владимир Абрамович совершенно искренне возмущался «нашей» оговорке. Он считал, что сам сказал всё правильно, а наш хор спел не так! И хоть бы кто-нибудь из артистов стал с ним спорить или даже возражать! Настолько он был искренним и истово верил в свою правоту.

На этом же спектакле «Закат» мы с ним намертво разругались. Это был абсолютно профессиональный спор. Я считала, что его реплика должна была заканчиваться раньше, он не соглашался. К тому же он убеждал меня, что трагедию надо играть как комедию, я с ним спорила, обижалась. В общем, мы перестали разговаривать, а в театре ходила шутка, что Этуш и Рутберг поссорились на национальной почве.

Юлия Рутберг в спектакле «Закат»

Кремль. С Василием Лановым

Кремль. С Элиной Быстрицкой

Прошло немного времени, и вот однажды на телевидении готовили программу, посвящённую Владимиру Абрамовичу. Позвонили и мне. Я была удивлена несказанно и пыталась объяснить, что мы с Этушем... м-м-м... в контрах. Редакторша меня совсем обескуражила: «Но Владимир Абрамович сам попросил, чтобы вы присутствовали на программе». В полном недоумении я пришла в студию. Сажу, жду своей очереди. И тут в студию выносят пиджак Владимира Абрамовича с орденами и медалями. На нагрудной стороне от наград не видно ткани. Этуш снимает тот пиджак, в котором пришёл, и надевает этот, с орденами. Я знала, конечно, что он участник войны. Но когда увидела этот «иконостас», у меня перехватило горло, слёзы готовы были брызнуть из глаз. И тут как раз мне предоставляют слово. А что я смогла сказать кроме того, чтобы при всей стране попросить у этого удивительного человека прощения — за гордыню свою непомерную, за непозволительное поведение, за бестактность. Мы обнялись и простояли так, обнявшись, секунд сорок. Я плакала навзрыд...

С тех пор мы стали настоящими друзьями, что называется, зацепились душевно. Играли на сцене вместе не часто, но ездили на концерты от Дома актёра, много общались. Меня поражало, как он всегда элегантно и с достоинством выглядел, как общался с публикой. Никакого высокомерия, никакой звёздности, люди в любой точке страны были ему близки и понятны, он со всеми находил общий язык. А народ обожал его! Ему достаточно было просто появиться — и люди начинали аплодировать, а уж если улыбнется, скажет пару слов — публика просто таяла от его обаяния, шарма, юмора! Последние годы публика приходила в театр посмотреть не только на Этуша-актёра, а на Явление, выдающееся культурное Явление XX–XXI веков.

Я думаю, что он прожил очень счастливую жизнь. Был ранен на войне, но остался жив. Вернулся к любимой профессии. Служил всю жизнь в любимом театре. Его окружали прекрасные женщины. Я помню его жену Нину Александровну, красивую даму, которая посвятила жизнь своему мужу. Потом судьба послала ему жену Леночку, которая служила ему верой и правдой, делала всё возможное и невозможное, чтобы муж оставался в актёрском строю, чтобы играл, чтобы получал новые роли, чтобы жил активной жизнью — и это после 90 лет.

В «Пристани» Этуш сыграл грандиозную роль Грегори Соломона. Я потом пошла к нему. Поздравила. Сказала: «Теперь я знаю, как выглядел Моисей, который вывел наш с вами народ из пустыни. Вы настоящий Моисей, Мозес!»

Ему было приятно, он смеялся...

Рыбалка у берегов Персидского залива

Исмагил Шангареев
друг семьи

Говорят, что самый короткий путь в желаемую реальность пролегает через ворота мечты. И вот, я собрался с духом и пригласил Владимира Абрамовича Этуша на рыбалку...

На край света — на берег Персидского залива, и он откликнулся!

Еду в аэропорт. Аравийский ветер мчится прямо на меня. Он как время летит навстречу, заставляя оборачиваться назад — туда, где прошлое обретает реальные черты, и словно со стороны я вижу, как сижу в кинотеатре и затаив дыхание смотрю свой любимый фильм Леонида Гайдая «Кавказская пленница».

В то далёкое время каждый зритель выбирал своего любимого героя. Кто Шурика, кто Нину, кто знаменитую компанию — Труса, Балбеса и Бывалого. Моим любимым героем был товарищ Саахов в исполнении Владимира Этуша. И так было во всех фильмах, где снимался Владимир Абрамович.

Жму на газ, в аэропорту надо быть раньше. Внутренне подготовиться, собраться с мыслями.

Дубайский аэропорт напоминает планету Флостон из фильма «Пятый элемент» Люка Бессона. Арабы в белых одеяниях, разноцветные толпы индусов, всё разнообразие форм и цветов одежды со всего мира.

Зажмуриваю глаза. Открываю.

И вот мне навстречу идут Владимир Абрамович и его супруга Елена. Мгновение, и я отчетливо понимаю, что нет ни толпы, ни аэропорта, ни ветра времени...

Есть Мастер, удивительный актёр Владимир Этуш. Есть его искрящиеся глаза и улыбка.

Владимир Абрамович берёт нас с Еленой под руки, и мы идём к выходу из аэропорта.

Ветер на время стих.

Мир Арабских Эмиратов завораживает с первых минут, как только вы выходите из аэропорта. Скоростные магистрали и песок, движение и покой — одновременно. Арабы доброжелательные, но полные достоинства. Сверкающие на солнце небоскребы и зеленые островки вилл.

Владимир Абрамович садится на переднее сидение джипа, и вот мы уже в пути. Я с жадностью ловлю каждую его реплику, каждое слово.

Первое впечатление от этого мира почти как у Экзюпери, когда он встретил в пустыне араба, спешащего ему на помощь: «Нет больше ни племен, ни наречий, ни каст...». Для кого-то, может, это не важно, но не для Владимира Абрамовича — это главное первое впечатление.

Вспоминая свои фронтовые впечатления, он раскрывал суть «планеты людей» по-своему: «Нет на земле никаких русских, немцев, евреев, голландцев. Есть просто люди, которые воюют, которые терпят, которые боятся и которых заставили стрелять друг в друга».

Ловлю себя на мысли: а ведь они с Экзюпери воевали на одной войне.

Приглашая Владимира Абрамовича в Арабские Эмираты, я перечислял в памяти всё, что может его здесь удивить и порадовать. И тут мне на глаза попала публикация о том, что Владимир Абрамович репетировал главную роль в пьесе Виктора Шендеровича «Потерпевший Гольдинер». Там главный герой размышляет о том, что его может удивить в этой жизни. «На кой черт мне сдалась ваша Америка, — говорит он, передвигаясь по дому в инвалидной коляске. — Сёма Липскер проел мне плешь своими замечаниями: “Вот ты тут сидишь, а жизнь проходит мимо! Посреди Манхэттена стоит голый ковбой в одной шляпе. Ты обязан это увидеть!” Нет,

я спрашиваю: зачем мне было на это смотреть? Мало я видал идиотов в шляпе? Он мне говорит: “Ты удивишься”. А я вот этими глазами видел Маленкова с Кагановичем! Я видел пятилетку в четыре года — что меня ещё может удивить?».

Эти фразы из спектакля «Потерпевший Гольдинер» для меня прозвучали как бы вне пьесы Виктора Шендеровича. Ведь практически то же самое можно сказать и о «чудесах Дубая». Обычные туристические маршруты в ОАЭ — традиционно однообразны, они далеки от приключенческих сюжетов, от ветра и солёных брызг, от непредсказуемости природы.

Как однажды сказал Владимир Абрамович: «Реализм в чистом виде — скучное дело. Если показывать всё, как есть, будут одни котлеты и пирожки».

Но успокоила мысль, что рыбалка в Персидском заливе — нечто вроде полотен Сальвадора Дали.

Калейдоскоп дней с Владимиром Абрамовичем стал для моей семьи «праздником, который всегда с тобой». Все мои 11 детей и 10 внуков заполнили пространство вокруг Владимира Абрамовича суматохой детства и любознательностью юности. Слегка уставший поначалу от дальнего перелёта, он проникся лучистыми энергиями Востока, и глаза его засветились светом, который притягивал к себе всех, кто был рядом, кто имел счастье видеть и слышать его.

Встречи с Владимиром Абрамовичем на берегу Персидского залива были настоящей «школой души», умения радоваться всему, что нас окружает, шутить и смеяться с неслышанной простотой, восхищаться парящей чайкой, песочным замком, травинкой, пробивающейся сквозь асфальт.

Время рыбалки наступило рано утром. Обычное время — пять часов утра. Мы начали чуть позже. Клёв закачивается к часу дня, но ведь главное для нас было не наловить как можно больше рыбы, а та красота, тот азарт, что сопровождает любую рыбалку. Владимир Абрамович надел капюшон. Дыхание океана даже в самые тёплые дни даёт о себе знать.

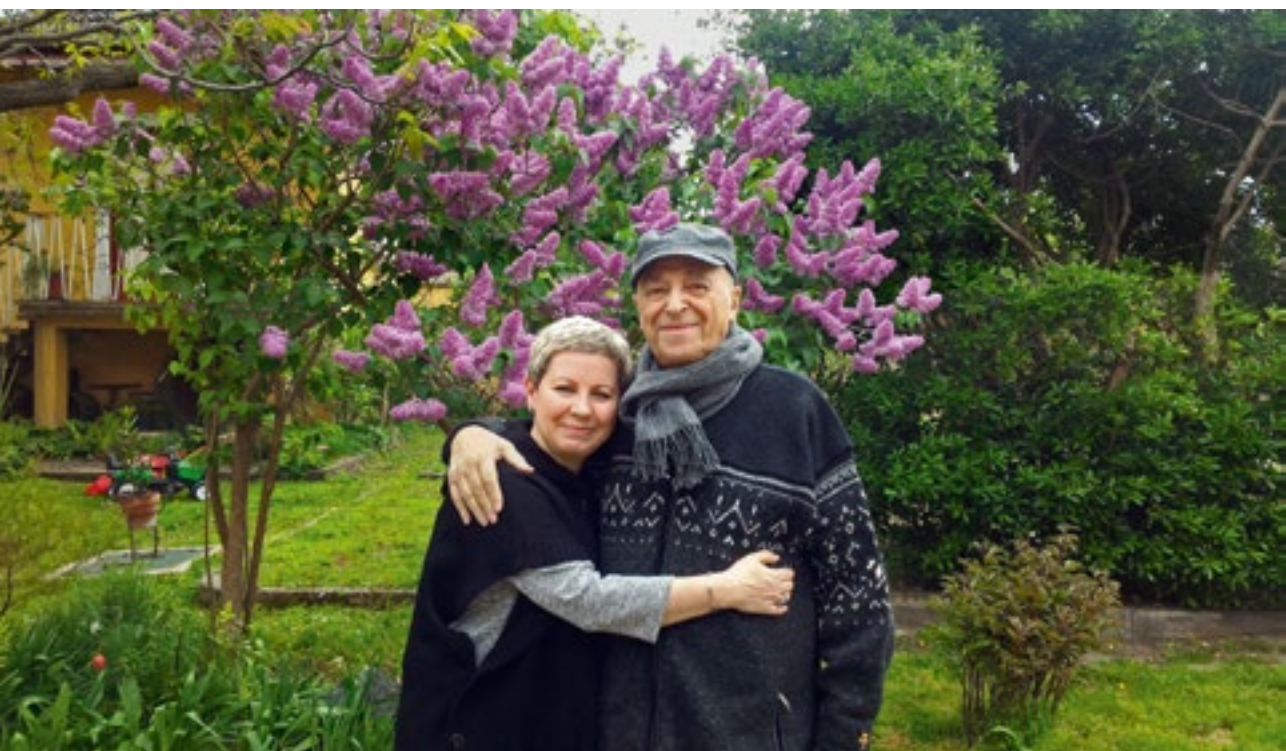
Скажу без ложной скромности — рыбалка удалась. Королевская макрель и барракуда сверкали на утреннем солнце.

Владимир Абрамович положил мне руку на плечо. «Спасибо, Исмагил, мы сыграли сегодня вместе замечательный спектакль», — сказал он, опустив капюшон. Мы возвращались на берег.

Вечером, ближе к закату, мы поехали в пустыню. Владимир Абрамович попросил пройтись с ним по оранжевым дюнам. «Всегда хотел посмотреть за горизонт времени», — сказал он и, словно прощаясь, протянул мне руку.

«Океан и пустыня. Всё остальное — декорации» — пронеслось у меня в голове, когда мы медленно шли к машине, словно уходя за занавес «дня рыбалки», ради которого Владимир Абрамович в 95 лет совершил путешествие на край света.

Недавно, возвращаясь из Омана, я остановил машину в том самом месте — посреди аравийской пустыни, заглушил мотор и молча стоял, слушая ветер.

То, о чём Владимир Абрамович не рассказывал...

Елена Глубоковская

волонтер Дома милосердия, Костромская область

Однажды в ночи я получаю сообщение от моей подруги из Питера: «Елена Этуш сообщила на фейсбуке, что отдает телевизор». «Скорее пиши ей, — пишет подруга, — проси!» Мне, как всегда, неловко, но «за спрос», как говорится, денег не берут! Пишу: «Здравствуйте! Я такая-то, зовут меня так-то, нам в богадельню телевизор бы не помешал...» Естественно, меня смущают имя и статус Владимира Абрамовича, но попытка — не пытка!.. Елена Этуш тут же ответила, что телевизор уже пообещала, ей неудобно забирать его обратно, но... Она сообщает: «Владимир Абрамович как человек, прошедший войну, имеющий ранения, ордена и медали, хотел бы помочь адресно какому-нибудь ветерану войны». А у нас в Доме милосердия живёт такой человек — ветеран, прошедший Курскую дугу, имеющий

множество наград, — Александр Михайлович, который после смерти любимой жены утратил интерес к жизни и тихо угасал. Только изредка общался с отцом Георгием и читал много книг. Тем и жил... Учитель черчения и рисования, интеллигентнейший человек, 93 года...

Так началось наше знакомство, а потом и дружба с Этушами! Елена пишет: «Телевизора пока нет, есть аэрогриль!» Мы тогда были совсем нищими, и постояльцев всего-то было семь человек! Начинаем общаться, наши новые друзья из Москвы привозят подарки, которые сумели собрать. К аэрогрилю прилагались тонометр и медикаменты, моющий пылесос, целый багажник одежды, памперсов, постельного белья.

Так получилось, что первые подарки от Этушей мы привезли 9 мая. Этот «праздник со слезами на глазах» я запомню на всю оставшуюся жизнь. Пока все ходили с фотографиями ветеранов войны на марше «Бессмертный полк», Александр Михайлович тихо лежал лицом к стене, ни на что не реагируя. Мы быстренько организовали стол с чаепитием (стыдно признаться, даже чашек нормальных не было, и приборы столовые из алюминия...)

Поскольку бабульки-дедульки — деревенские, моя подруга купила рассаду виолы (анютиных глазок), чтобы посадить у входа. Собрались за столом, налили чаю, разрезали торт. Владимир Абрамович с Еленой передали индивидуальный подарок Александру Михайловичу — пледик шерстяной, очень мягкий и тёплый! Укутали мы его. И вдруг! Он смотрит на эти виолки в коробочках для рассады, глаза загораются, и говорит мне: «Лен, а можно я у вас украду один цветочек? На тумбочку поставлю?» Я, сдерживая слёзы: «Как так украду? Это ж мы вам подарки привезли, это ваше!» Старики радостно растащили эти цветочки по тумбочкам, радовались, смеялись, как дети...

Фотоотчёт я Елене и Владимиру Абрамовичу выслала, поблагодарила. Но на этом наша дружба не закончилась. Пошли подарки! Перед Новым годом Елена Этуш пишет мне: «Мы решили с Владимиром Абрамовичем подарить плазменный телевизор!» Это было «УРА!» Привезли, подарили. Это чудо произошло 25 декабря, перед Новым годом. Большой новый телевизор! Видели б вы глаза наших подопечных... Был настоящий праздник!

Но наши новые друзья не успокоились. Они решили, что есть «девочки» и «мальчики» в Доме милосердия, поэтому им нужно два телевизора, чтобы мужчины могли смотреть футбол, а женщины — мелодрамы.

Мне на тот момент уже стало немного стыдно за «попрошайничество», о чём я Этушам и сообщила. На что они мне ответили: «Нам помогают — должны и мы помогать!»

Восьмого марта 2019 года было 9 дней со дня смерти моей мамы. Девятого марта примерно в 13 часов мы узнаём об уходе Владимира Абрамовича Этуша... Я сама плохо помню этот период своей жизни, но запомнила, что мои друзья привезли в этот день кардиотренажёр и ещё много всего... Последние подарки от Владимира Абрамовича!

Мы плакали все: я, отец Георгий, который продолжает молиться за Лену и за упокой души Владимира Абрамовича, старики наши, друзья... Но и это не конец нашей истории.

В начале сентября Елена позвонила и сказала, что хочет передать Дому милосердия деньги на что-либо очень нужное, чтобы добрым делом помянуть Владимира Абрамовича на полгода после его смерти. Мне опять неудобно принимать такой подарок, но Елена мне тогда сказала: «Я хочу, чтобы память о Владимире Абрамовиче жила!» Мы купили и установили на эти деньги две душевые кабины, которые так были необходимы.

Я тоже хочу, чтобы память о Владимире Абрамовиче жила. Если бы вы знали, как старики молятся и благодарят! Портреты, которые написала Ольга Бусоргина, прихожанка у отца Георгия, занимают у нас отдельную стену. Я её называю «Стена Плача». Иных уж нет... Но! Когда нужно поднять их дух, я прихожу к нашим бабулечкам-дедулечкам и громко говорю: «Кто нам помог?» Они хором мне отвечают: «Два телевизора, две душевые кабины, один пылесос моющий... два пиджака замшевых!» Надеюсь, никому не нужно объяснять, из какого фильма эта фраза?! И они хохочут!

Это самая лучшая память о ВЕЛИКОМ АКТЁРЕ!

Сайт etush.ru всегда в строю

Александр Китаев

администратор сайта etush.ru

В тот осенний день на Новодевичьем кладбище двое мужчин стояли у одного из захоронений. «Вот здесь я буду лежать», — повернув голову к своему спутнику, сказал тот, которому на вид вряд ли можно было дать более 70 лет. В этом солидном джентльмене с армейской выправкой любой прохожий мог без особого труда узнать знакомые черты, потому что этот замечательный Человек (для меня с большой буквы) подарил миллионам людей множество положительных эмоций своими ролями, которые навсегда вошли в золотой фонд отечественного кинематографа. Этим Человеком был народный Артист (с большой буквы и никак иначе) СССР — Владимир Абрамович Этуш. Его спутником в тот день был автор этих строк.

На могильной плите, рядом с которой они стояли, можно было прочесть фамилии Этуш и Шмутьян. Здесь были похоронены родные Владимира Абрамовича. И через несколько лет он сам, как и сказал, будет покоиться рядом с ними.

— Вот здесь я буду лежать.

— Владимир Абрамович, не стоит торопиться. У вас ещё столько не сыгранных ролей.

«Ну да», — ответил с улыбкой великий Артист.

На тот момент ещё не было ни «Пристани», ни «Окаёмовых дней», ни «Потерпевшего Гольдинера», ни «Бенефиса» и ещё нескольких ролей в кино, которые Мастер подарит своим зрителям в последующие годы.

А пока Владимир Абрамович был занят в спектакле «Дядюшкин сон», а кроме этого ещё и возглавлял Центральный Дом актёра, где и произошло наше с ним знакомство. Этим знакомством я обязан замечательному человеку — Ульяновой Елене Михайловне — дочери Михаила Александровича Ульянова. Елена Михайловна в то время работала в ЦДА заместителем директора, а возглавлял Дом актёра Владимир Этуш.

Поскольку в современном мире ни одна уважающая себя организация не может обойтись без своего представительства в интернете, то Дом актёра тоже не был исключением. Как раз созданием сайта для ЦДА в тот период я и занимался. И вот, когда сайт был готов, его должен был одобрить глава ЦДА Владимир Абрамович. Мы вместе с Еленой Михайловной отправились в кабинет к директору.

«Владимир Абрамович, это Саша. Он сделал нам сайт. У него и про вас сайт есть», — сказала Елена Михайловна, обращаясь к Владимиру Абрамовичу.

«Про меня?» — с удивлением спросил Этуш. «Да, про вас», — утвердительно ответила Елена Ульянова.

После этого короткого диалога, которому я был молчаливым свидетелем, прошёл процесс одобрения сайта ЦДА, а затем в какой-то момент мы с Владимиром Абрамовичем остались наедине в его кабинете. И он, глядя на меня, сказал: «Мне 88 лет». «Я знаю», — ответил я и увидел удивление на его лице. «Я воевал», — продолжил Владимир Абрамович. «Я знаю. И орден вам вручали на бегу», — невозмутимо ответил я. Такой мой ответ вызвал на лице Актёра его замечательную улыбку, и он рассмеялся.

Говоря про Этуша, многие утверждают, что у него непростой характер. Возможно, это и так, но я со своей стороны такого сказать не могу. Мне всегда удавалось находить с ним общий язык и получать огромное удовольствие от общения с этим удивительным Человеком.

Как-то раз я сидел в приемной ЦДА и ждал Владимира Абрамовича. И вот он открывает дверь своего кабинета, жестом приглашает меня пройти и пропускает меня вперед. Я же, в свою очередь, пытаюсь пропустить его, но он культурно настаивает на том, чтобы я прошёл первым. Это вроде бы такая мелочь, но она врезалась мне в память тем, что такой великий Человек, в котором никогда не было ни капли звёздности, так тактично и с таким вниманием относится ко мне, обычному человеку.

И вообще надо сказать, что Владимира Абрамовича всегда отличали такт и высокая культура. И даже когда произошла та, мягко говоря, некрасивая история в ЦДА, после которой Этуш покинул пост директора Дома актёра, когда его предали те, кому он верил и кого считал своими друзьями. И это после того, как Этуш приложил множество усилий, чтобы Дом актёра остался в здании в центре Москвы, когда чиновники из Росимущества хотели забрать здание, и после того, как Владимир Абрамович возглавил ЦДА в непростой период.

Думаю, что глядя на эту ситуацию, один известный персонаж сказал бы: «И эти люди ещё борются за почётное звание дома высокой культуры быта». А вот Владимир Абрамович Этуш — это есть эталон культуры, совести, а также чести и достоинства.

В нашем совершенно безумном мире, наполненном различными стрессами, каждому человеку время от времени нужна подзарядка, нужен глоток свежего воздуха. Для меня такой подзарядкой было общение с Владимиром Абрамовичем. И даже короткий разговор с ним по телефону давал мне заряд позитива. Он всегда был рад меня видеть или слышать, ему всегда было интересно, как у меня дела.

Зная, сколько доброго, светлого и положительного принёс в этот мир Владимир Абрамович, мне всегда хотелось отвечать ему тем же. Надеюсь, что хотя бы частично мне это удалось.

«Люся, будь хорошей!»

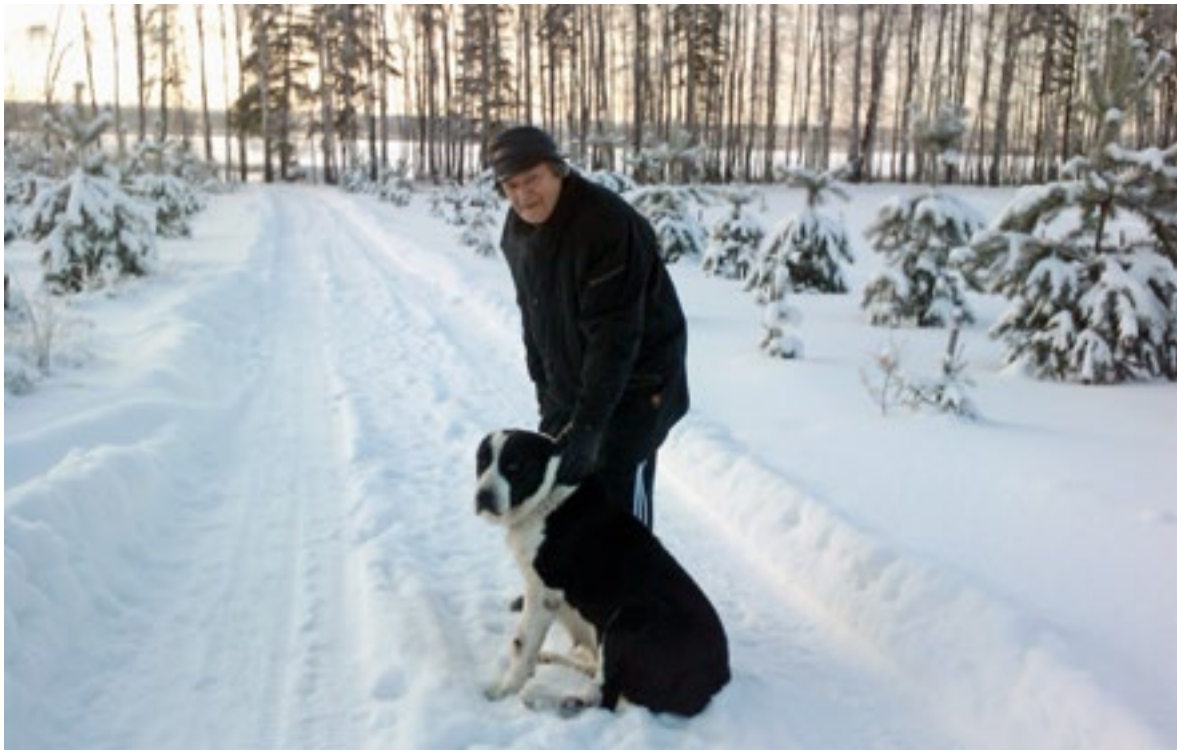
Ирина Чурбанова

соседка по даче

С Владимиром Абрамовичем мы — соседи по даче, соседствуем уже больше двадцати лет. И даже когда наш дом только строился, а мы обитали в строительном блоке, Владимир Абрамович частенько заглядывал к нам. При этом строители всегда успевали предупредить его появление восхищенным: «К вам Саахов идёт!»

Дома нашего ещё не было, но летом на выходные дни приезжали друзья моих сыновей (иногда собиралось до двадцати человек). Развлечений на воде — масса: катера, гидроциклы, водные лыжи, «таблетка», и Владимир Абрамович с юношеским азартом принимал участие во всём: никакой оглядки на возраст, никакой боязни не справиться, «я — как все». Поражало его умение быть на короткой ноге с людьми разных поколений.

Позднее, уже на большом катере, ходили по Пестовскому водохранилищу и до Икшинских шлюзов, и в сторону Москвы. Обычно собиралась компания человек десять, находили какую-нибудь тихую заводь, вставали на якорь и прямо на катере жарили шашлыки. Кстати, шашлыки Владимир Абрамович делал отменные, и если брался за их приготовление, делал всё сам от маринования мяса до жарки, никого не допуская к этому.

А зимой Владимир Абрамович с удовольствием осваивал снегоход и однажды, подражая молодёжи, рискнул прыгнуть на снегоходе, разогнавшись по полю, через гору снега на обочине дороги.

Новый год почти всегда встречали вместе. Договаривались провожать старый год у Этушей, а новый — встречать у нас. Практически никогда не успевали перейти из дома в дом вовремя, и к нам попадали уже на сладкий стол после шумного празднования на улице, где собирались жители окрестных до-

мов. Это тоже наши друзья. Владимир Абрамович часто говаривал: «Как же нам повезло с соседями!» Это правда. У нас даже калитки у всех между нашими участками есть, и мы никогда не ходим друг к другу через улицу.

Владимир Абрамович очень любил животных, и они платили ему тем же. До сих пор удивляюсь, как наша собака Линда умудрялась понять, что Этуши приехали. Но калитка ещё не открылась, а Линда и за ней Киса (наш кот — любимец Лены) уже сидели у них на крыльце. У наших соседей справа была собака Луся, которая принесла пять или семь щенят и отказывалась их кормить. Владимир Абрамович очень переживал! Приходил к будке и уговаривал Лусю быть хорошей мамой. А потом купил соски и бутылочки, чтобы кормить щенят.

И сейчас, заходя в дом Этушей, где всё сделано под него, ради его комфорта, его благополучия, невольно ждёшь, что навстречу выйдет улыбающийся Владимир Абрамович с его неизменным приветствием: «Здравствуйте, Ирина Николаевна! Рад вас видеть. Как поживаете?»

Любимый «Нонно Ува»

Екатерина Поминова

племянница

Свои короткие зарисовки-воспоминания я, безусловно, могла бы начать со слов о многочисленных регалиях этого великого Человека. Но всё уже сказано, а я скажу одно: счастлива, что мне удалось познакомиться и пообщаться, «дотронуться», так сказать, до этого кусочка истории!

Его рассказы о жизни московской молодёжи 30-х, о военных годах, о первых спектаклях в Театре Вахтангова военного времени, когда актёров на сцене было больше, чем зрителей в зале, премии и награды... Всё это навсегда останется в моей памяти.

Познакомились мы в 2006 году, и, как скажет позднее его жена Лена, у нас ещё были в запасе долгие 13 лет дружбы и родства. Первое, что я услышала, когда пересекла порог их квартиры в Гранатном переулке: «Катенька! Неужели такие

милые девушки могут быть родом из маленького провинциального городка?» Шутка... Конечно, шутка. Но Владимир Абрамович мог шутить правдиво, а говорить правду шутиво. Я очень часто из его уст слышала слова поддержки, именно тогда, когда они были мне нужны. Он вообще очень тепло и уважительно относился к женщинам. Критиковал кого-то... Да, не раз была свидетелем, но всегда без личных оскорблений, по делу. Он действительно мог увести разговор в такое русло, чтобы человек сам понял, что не прав. И он всегда смотрел в глаза! А я часто смущалась этого прямолинейного, уверенного взгляда, который заставлял меня чувствовать себя школьницей на линейке.

Дом в Гранатном переулке стал моим пристанищем во время моих командировок в Москву. Я была безмерно этому рада. Меня там всегда ждала тёплая атмосфера, непринуждённые беседы за бокалом его любимого *prosecco* и вкусные обеды, как предлог для «поболтать до поздней ночи».

Кстати, на каждое поднятие бокала был тост, их он знал тысячи.

Всегда чуткий к моим радостям и горестям, он никогда не забывал спросить о здоровье близких, о моей работе и планах — настоящий друг и истинный джентльмен. Кстати, когда на волне уважения пыталась подать ему пальто или пиджак, поначалу оскорблялся. Ведь это он — мужчина, и он должен ухаживать за дамой!

Владимир Абрамович — Человек с большой буквы, который, чтобы им быть, не прилагал никаких усилий. «Ну, я же артист», — всегда говорил он, улыбаясь своей игривой улыбкой и играя бровями. В этот момент ты соприкасаешься с Эпохой, эпохой добра, безмерной порядочности, человечности, с незаурядным трудолюбом и альтруистом. Трудолюбом, каких сейчас нужно поискать. Да и, наверно, такие уже не в моде.

Спектакль... Он заблаговременно в театре. Говорят, Владимир Абрамович не любил непунктуальность. Простите, мой дорогой, я периодически опаздывала на наши встречи. Продолжительность спектакля два с половиной часа и более. У Владимира Абрамовича всегда ведущие роли, то есть всегда надо быть начеку, готовым на выход, а в «Потерпевшем Гольдинере» так вообще со сцены практически не уходил. Как можно выдерживать такие ритмы в 80, 90 лет! А он и не просто выдерживал: это была его жизнь — жизнь на сцене. И вот аплодисменты, занавес. В гримёрке ты его спрашиваешь, устал ли он. «Нееееет», — всегда отвечал Владимир Абрамович. Правда, в последний год иногда слышала ответом на мой вопрос его «немножко». Помню, играл с температурой 38 °С, премьеры, а после спектакля официальный ужин, организованный продюсерами. А он на ногах и пытается ещё и шутить.

Великий человек, он был аристократом по натуре, никогда не забывал об уважении к женскому полу. Второй бокал во время семейных посиделок всегда был: «За моих баб!» Прежде всего, конечно, подразумевалась жена Лена — его неотъемлемая часть. Всегда чуткая к его потребностям и жизненным потребностям, она никогда не показывала усталость, тем более в присутствии Владимира Абрамовича. Многие думают, что такие известные люди и их семьи живут только в праздности, но это не так. Постоянное присутствие на людях, где ты не имеешь права ошибиться, в противном случае плохо — журналисты тебя просто съедят, плотный график репетиций, спектаклей, гастролей, презентаций... И это всё в 80 с лишним лет!

Много таких маленьких и милых воспоминаний, из которых складывается, как пазл, образ Владимира Абрамовича. Образ, который я буду хранить всегда в своём сердце. Спасибо за «Дядюшкин сон», за то, что могла Вас ждать в гримёрке после «Окаёмовых дней», за то, что плакала и смеялась над Вами и Ольгой Тумайкиной в «Потерпевшем Гольдинере» и наслаждалась «Бенефисом». Спасибо за то, что мой сын, Ваш внучатый племянник, будет видеть изображение «Нонно Ува» (как он называл Вас) в исторической экспозиции Театра Вахтангова. И мы будем с гордостью говорить, что хоть капельку, но смогли соприкоснуться с Вами, наш дорогой и любимый!

Молодожёнам в день свадьбы

Ольга Кеслер

поэтесса, друг семьи

Хорошая девочка Лена
В Апрелевке скромно жила.
Не зная ни скуки, ни лени,
Английский прекрасно вела.

Влекаемая смутным томленьем,
Уже много вёсен назад,
В Театр Вахтангова Лена
Пришла на спектакль «Закат».

Её поразил черноглазый
Высокий и стройный брюнет.
И голос, и позы, и фразы,
Он — гений, сомнения нет!

В конце она в ажиотаже
Его вызывала на «бис».
Её, театралку со стажем,
В. Этуш сразил как артист!

С тех пор — вот где сила искусства,
Не видя вокруг никого,
Ходила с волнующим чувством
На каждый спектакль его.

И вовсе не трижды, не дважды,
Я знаю, что несколько лет
На каждый спектакль, на каждый
Она приносила букет.

Он их собирал в икебаны,
Варенье из розы варил,
Засушивал сено стогами
И кроликов белых кормил.

Верёвочки были удачны,
К тому ж в примененье легки —
Подвязывать кустик на даче,
В ботинки вставлять как шнурки.

Букете на сто тридцать третьем,
А это уже не пустяк!
Он понял: с поклонницей этой,
Наверное, что-то не так...

Хотя он привык к обожанью,
Как должное все принимал:
Восторги, коленок дрожанье,
Цветы и каскады похвал.

Но, к ней приглядевшись, заметил,
Что пряталась в этих цветах
Она — комсомолка, спортсменка,
И просто красавица — вах!

Вот так начиналась lovestory,
Из тех, что и к свадьбам ведут,
Из самых счастливых историй
И все мы свидетели тут!

05.03.2002

«Я помню Вову Этуша кудрявым и худым...»

Рубен Евгеньевич Симонов
заслуженный артист России

Хорошо помню, как на территорию нашего Дома отдыха на Икше плавно въезжала серая «Волга»... Ни у кого из обитателей нашей общей дачи ещё не было такого автомобиля, а Владимир Абрамович Этуш её имел — он тогда уже был знаменитым киноактёром, много играл в кино, театре и хорошо зарабатывал. Он всегда за рулем, любил водить машину. Выходил, вдыхал полной грудью воздух. Красивый, высокий, в шикарном пальто, шляпе...

Мы все любили Икшу — дом на берегу Икшинского водохранилища, в котором приобрели квартиры известные деятели культуры своего времени. Здесь отдыхал Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Николая Афанасьевича Крючкова можно было видеть каждое утро с удочкой на берегу. Имел квартиру в этом доме мой отец, тогда главный режиссёр Театра имени Вахтангова, — Евгений Рубенович Симонов, а Этуши жили рядом с нами, и родители часто проводили вместе с ними вечера и выходные. Владимир Абрамович любил это живописное место, потом, когда приобрёл участок и дом недалеко от этих мест, всё равно часто приезжал к нам в гости.

Да, жизнь моей семьи и семьи Этушей была тесно переплетена с самого моего рождения. Отец и Владимир Абрамович были близкими по духу друзьями, уважали друг друга, их взгляды на театр и развитие театрального дела в стране были схожи. При этом они вечно подтрунивали друг над другом, соревновались в остроумии и страшно при этом оба веселились.

В те годы труппа театра составляла всего 62 человека. Это была настоящая семья, связанная тесными кровными театральными узами. К тому же артисты знали друг друга с юности, поскольку все учились, пусть и в разное время, в Театральном училище имени Бориса Щукина. Их талант, дружба и творчество создавали совершенно неповторимую обстановку какой-то высшей, духовной жизни.

Не проходило ни одного праздника или дня рождения, чтобы в театре не устраивался веселый капустник — жанр, к сожалению, сегодня совершенно исчезнувший. В нашем семейном архиве сохранились некоторые стихи, которые писал отец своему другу. В них — подлинный дух дружбы и взаимной симпатии двух выдающихся деятелей Театра имени Вахтангова.

К 50-летию Владимира Этуша

Я знал тебя милым ребёнком когда-то,
Ты, Вова, бродил по дорогам Арбата,
Служил ты искусству талантом лучистым
И стал знаменитым народным артистом!
И все тебя любят, и все тебя ценят,
На телеэкране, в кино и на сцене.
Родил ты ребёнка, шутя и играя,
И выросла дочка по имени Рая!
К тому же ты, Вова, хороший товарищ,
И водку ты выпьешь, и мясо пожаришь,
Ты, Вова, достоин любви и успеха,
И годы совсем для тебя не помеха!
В начале сезона мы встретимся снова,
Готовые к битвам и Женя, и Вова!
И Этуш вернётся в Москву загорелым
И сразу займется каким-нибудь делом.
Поставит отрывок солидно и с весом,
Как бывший доцент и как новый профессор,
Порадует также и телеэкран,
И сумму большую положит в карман.
В кино появления Володи не редки,
Он даже куплеты поёт в оперетке,
Идёт, как народный, народу навстречу,
Имеет в программе свой творческий вечер.
И после спектакля при полном параде
Во благо семьи он творит на эстраде,
А чтоб заработать на автомобиль,
Готов на «халтуру» поехать в Сибирь!
Ты, Вова, наивен, ты, Вова, беззлобен,
К тому же ты дико работоспособен!
Полвека ты прожил на нашей планете —
Ты, Вова, в зените, ты, Вова, в расцвете!
Поверь мне, Володя, не надо бояться,
Что жизнь протекает под громом оваций,
И как бы душа ни болела в груди,
Все лучшие годы у нас впереди!

Евгений Симонов

6 мая 1973 года, Переделкино

Прошло 20 лет. И вот что пишет Евгений Рубенович Симонов своему другу Володе на 70-летие:

Я помню Вову Этуша
Кудрявым и худым.
Когда он мог без ретуши
Казаться молодым.
Был взгляд у Вовы Этуша
Яснее, чем кристалл,
Такого взгляда нет уже,
Профессор важным стал!
Я помню Вову Этуша
Задолго до войны,
Те письма стали ветошью
И строчки не видны.
С энергией удвоенной

Шёл Этуш на войну,
Он был отважным воином
И защищал страну.
Он отличался храбростью,
Он был в бою суров
И по-немецки запросто
Допрашивал врагов.
И вот, пройдя чистилище,
Пройдя кромешный ад,
Явился к нам в училище
Прославленный солдат!
И звёздами, и солнцами
Нас озарил Шекспир,
И мы с «Двумя веронцами»
С Володей вышли в мир!
Сыграл в кинематографе
Ты множество ролей,
И за твои автографы
Дают мильон рублей!
Ты весь, как луч прожектора,
Ты времени сильней,
И ожидает ректора
Столетний юбилей!
Так пусть же ночью лунною
Поёт душа твоя,
Весёлая и юная,
Как трели соловья!

*Евгений Симонов
6 мая 1993 года, Москва*

Письмо из прошлого

Галина Коновалова

заслуженная артистка России

Каждый год 6 мая я начинаю судорожно соображать, сколько Этушу лет: то ли он на год должен быть моложе своей паспортной записи, то ли на год старше. Все эти 90 лет я, желая его поздравить, путаюсь в дате. Но дело всё же не в том, 90 ему или 89, а в том, что в эти торжественные дни мне хочется свой слабый голос присоединить к общему хору восторженных почитателей...

Где мы только не отмечали 6 мая: и в скромных гримборных, и в номерах на гастролях, и на лужайках в Рузе, и в роскошных залах «Националя» (в зависимости от материального благополучия именинника), и в интимных компаниях у них дома — за 90 лет менялись эпохи, но всегда этот день оставался неизменным, мы проводили его вместе.

Я была живым свидетелем, как из красивого молодого человека получался мужественный, серьёзный, взрослый господин, который никогда в результате не превратился в старика и в свои 90 так и остался внешне 50-летним.

А если говорить серьезно, то Володя Этуш, конечно, являет собой интересную фигуру ещё и потому, что при всей своей внешней солидности он на самом деле чуткий, ранимый, неуверенный в себе человек — и в работе, и в жизни. Что касается взаимоотношений с коллегами, тут на память приходит масса эпизодов из длинной совместно прожитой жизни. Масса эпизодов — и весёлых, и будничных, и даже почти трагических, потому что жизнь так разнообразна, что преподносит подчас события такие, о которых нелегко вспоминать. В театре бывали серьёзные расколы. И не все в моменты этих распрей вели себя «красиво», а он проявлял себя крайне мужественно и порядочно, что было непросто, а однажды, ещё будучи молодым артистом, и вовсе выступил против огромной массы людей.

Мы все знали, что он фронтовик. Но у людей, прошедших войну, были разные военные специальности. Можно было, например, сидеть в штабе переводчиком (Этуша ведь взяли на фронт, учитывая, что он знает немецкий язык), а он пошёл на передовую. И я присутствовала на вечерах, когда собирались однополчане, и то, как они говорили о его смелости, о его товарищеской поддержке и о том, как он людей спасал, — было просто невероятно, поскольку Володя Этуш на первый взгляд не производит впечатления человека, который кинется на амбразуру. Казалось, что это ему не свойственно. А тем не менее всё это было. Вот видите, как каждый из нас неоднозначен. И если бы однополчане не стали рассказывать о военных заслугах Этуша, то мы никогда бы о них не узнали, поскольку сам он немногословен.

А ещё у него есть редкое качество человека, который умеет слушать, что ему говорят. Часто ведь в глазах собеседника наблюдаешь полное отсутствие интереса

и ожидание паузы, чтобы самому поскорее сказать свое слово. А у Этуша всё иначе: слушает он с интересом и всегда до ближнего ему есть дело. Он довольно скуп на слова, но в поступках достаточно активный...

Я вспоминаю трагический момент своей жизни, когда много лет назад умер мой муж Владимир Осенев. На будущий год мы поехали в Киев на гастроли, я была в очень тяжёлом состоянии. При полном отсутствии денег предстояло ставить памятник, а я ничего не могла, поскольку было всё очень дорого. Вдруг в Киеве мне сказали, что имеется возможность поехать под Чернигов, где есть карьер, и можно выбрать камень. Я достала грузовик, договорилась с водителем о поездке. А наутро встретила возле гостиницы Этуша в роскошном костюме. Я ему сказала:

— Что ты в такую рань?

— Тебя жду.

— Зачем?

— Ну, я же не могу допустить, чтобы ты поехала одна.

Мы поехали. И он выбирал этот камень, который мы привезли в Киев, а потом и в Москву (сейчас он стоит на Ваганьковском кладбище). Володя помог и установить памятник — привлёк к этому своего друга архитектора. Всё это сделал именно он.

В год его 90-летия мне хочется пожелать Володе оставаться таким, какой он есть, внешне скупым на ласку, ненавидящим сантименты и пафос и в то же время удивительно искренним и добрым другом.

(из книги Галины Коноваловой «Вахтанговские легенды», 2014 г.)

От составителя:

Галина Львовна Коновалова (1916–2014) — актриса Театра Вахтангова, прослужившая на этой прославленной сцене 76 лет и ставшая легендой театра. Заслуженная артистка России. Многие годы была заведующей труппой.

Владимир Иванович Осенев (1908–1977) — замечательный артист Вахтанговского театра, народный артист РСФСР, любимый и любящий муж Галины Львовны, её главная опора и защита на протяжении всех лет совместной жизни.

В архиве В. А. Этуша сохранилось очень личное письмо, написанное Галиной Львовной в тот самый трагический момент её жизни. Приводим это письмо здесь как драгоценное свидетельство подлинной дружбы, человеческого благородства и глубокой искренней благодарности, которую Галина Львовна пронесла потом через всю жизнь.

«Володя!

Я пишу тебе ночью, поэтому нескладно и нервно.

Я хочу, чтобы ты знал — то, что ты для меня сделал — бесценно.

То, что со мной случилось, непереживаемо, то есть человеку не дано выжить, пережить это, потому что для этого должны быть сверхчеловеческие силы. У меня их не оказалось. Я всегда думала, что могу многое [...] — выяснилось, что я могла всё только тогда, — в той жизни, когда имела не опору, не руку, не стенку каменную, а что-то такое, чему нет слов. Тихо, ненавязчиво, незаметно, но мной руководили, меня вели, а мне всё казалось, что командую я, что я главная, что всё делается по-моему, и я гарцевала!

В конце концов, счастье каждого человека зависит в значительной степени от того, в каком соотношении встретятся на его жизненном пути люди. Сколько плохих придётся на одного хорошего или сколько хороших на одного плохого.

Мне повезло: я встретила необыкновенного. И тем сейчас страшнее, невозможнее жить.

Мне всегда казалось, что вообще всё человечество делится на дающих и берущих... Я никогда не была «потребителем», давала легко, сама с охотой и с желанием, с потребностью шла на помощь и никогда не думала, что смогу, вынуждена буду стать «потребителем». Это тяжко!

Ты сделал для меня так много, что даже сам не понимаешь, что. Поэтому, когда я говорю тебе спасибо — я говорю это сердцем и кровью, а совсем не языком.

У нашего Володи [Осенева. — Прим. составителя] была поговорка: «Надо так дать, чтобы другому легко было взять». (Это он считал, что я недостаточно гостеприимна, недостаточно хлебосольна, недостаточно добра.) Ты дал легко — спасибо.

Если тебя мои бессвязные слова рассердят, расстроят, удивят — отнеси это всё на счёт беззвёздной тёмной ночи и моего кровоточащего сердца. А я просто

Послесловие

Однажды я спросила его, что самое главное в жизни. Он не долго думал над ответом: «Терпение». Я пыталась уточнить: «А если нет сил терпеть?» Владимир Абрамович крепко сжал мою руку: «Всё равно терпеть!» Гораздо позже он скажет практически эти же самые слова в роли профессора в «Окаёмовых днях».

От его дома до водохранилища — ровная дорожка. Мы шли по ней осенью, и он усмехнулся: «Специально выровняли, чтобы я не петлял...» В жизни он никогда

не петлял, не прогибался и не мельтешил. Прекращал отношения с каждым, кто не поступал так же. Гнусная история со снятием его с должности директора Дома актёра ещё дождётся своего покаяния.

Всегда понимаешь, что жизнь не вечна, к сожалению, что рано или поздно... Но это не про Этуша. Он был такой живой, насмешливый, вечный, собирался репетировать новый спектакль, между прочим. А в постановках, в которых он сыграл после 90 (!) лет, достиг непостижимых актёрских высот — «Окаёмовы дни», «Потерпевший Гольдинер», «Бенефис», «Пристань».

И его последний фильм «Старый вояка» ещё не увидел зритель. Так что и после своего ухода он готовит нам сюрприз.

Эта книга готовилась долго — у Владимира Абрамовича Этуша много близких друзей, а также его учеников и почитателей, и все хотели сказать о нём несколько слов. Эти воспоминания собирались по крупицам, по эпизодам, по капелькам, чтобы новые зрители его фильмов и спектаклей знали, каким был великий Актёр, Воин и Человек.

Он прожил длинную, прекрасную, счастливую жизнь. Несмотря на все тяготы, ужасную войну, в которой выжил, ранение, потери близких, несмотря на несыгранные роли, по которым горевал. Он шёл по жизни с невероятным достоинством, выше всего ценил честь, был настоящим патриотом Отечества, своего города и родного Театра имени Вахтангова, в котором прослужил 74 года.

Возможно, через некоторое время учёные задумаются над феноменом Этуша — ведь Владимир Абрамович свои последние главные роли в театре сыграл после 90 лет. И всегда хотел играть, и всегда готовился к новой роли, и практически до последнего дня своей жизни выходил на сцену. Его до последнего вздоха волновали проблемы современного театра, судьба русской драматургии, он был великий педагог: десятки нынешних звёзд первой величины кино и театра современной России — его ученики.

Собранные воспоминания об удивительном актёре помогут зрителю узнать другого Этуша: каким он был за кулисами, дома, на отдыхе, среди друзей. Спасибо всем, кто откликнулся и принял участие в составлении этой книги.

Ольга Белан

Э НАШ ТУШ

Народный артист СССР
Владимир Этуш
в воспоминаниях друзей, коллег,
учеников, родных и близких

Редактор

М.Б. Маликова

Художник

А.Б. Осенева

Компьютерная вёрстка

В.Ю. Лунин

Предпечатная подготовка

Д.В. Морозов

Корректор

Н.М. Боговявленская

*В книге использованы фотографии из семейного архива,
из фондов Музея Государственного академического
Театра им. Евг. Вахтангова.*

*Фотографы: Александра Авдеева, Евгений Васильев,
Владимир Вяткин, Наталья Зиганшина, Андрей Маленков,
Валерий Мясников, Ростислав Рипка, Елена Сухова, Валерий Яков.*

*В оформлении переплёта использованы фото
Юлии Губиной.*

Подписано в печать 08.07.2020

Формат 70×100/16

Бумага мелованная 130 г/м²

Печать офсетная. Гарнитура Calibri Light

Тираж 1000 экз. Заказ №152

ISBN-13: 978-5-902492-53-5

9 785902 492535

Т *е* *а* *т* *р* *а* *л* *и* *с*

Издательство «Театралис»
105082 Москва, ул. Б. Почтовая, д. 5
Тел. (495) 640-79-26 (многоканальный)
www.teatralis.ru
e-mail: teatralis@yandex.ru

